

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 2 (19) • 2015

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский

Е.В. Колдунова

И.Ю. Окунев (выпускающий редактор)

Т.О. Дмитриева (выпускающий редактор)

А.В. Веретевская (редакция номера)

Д.А. Кузнецов (редакция номера)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ
Барabanов О.Н., д.полит.н., проф.
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.
В.В. Гриб, д.ю.н., проф.
В.И. Журавлева, д.и.н., проф.
М.В. Ильин, д.полит.н., проф.
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.
В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф.
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ
В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН
О.В. Павленко, к.и.н., доц.
Е.В. Попов, к.ю.н., доц.
В.Д. Соловей, д.и.н., проф.
Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф.
М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф.
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.
А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Ditrîhs*
(Университет Анкары)
Профессор *Akihiro Iwashita*
(Университет Хоккайдо)
Профессор *Zhao Huasheng*
(Фуданьский университет)
Профессор *Klaus Segbers*
(Свободный Университет Берлина)
Профессор *Anne de Tanguy*
(Сьянс По)
Профессор *Yu-Shan Wu*
(Институт политологии, Academia Sinica)
Профессор *Alexander Zhebit*
(Федеральный университет Рио де Жанейро)
Профессор *Charles E. Ziegler*
(Университет Луисвилла)
Профессор *А. Файзуллаев*
(Университет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана)
Профессор *Ли Син*
(Пекинский педагогический университет)

Издается при поддержке

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
<http://www.lawinfo.ru>
Отпечатано в типографии
«National Polygraphic Group»
Тел.: +7(4842) 70-03-37

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 24.06.2015

ISSN – 2221 – 3279

© Воскресенский А.Д., 2015
© Сравнительная политика, 2015
© Издательская группа «Юрист», 2015

COMPARATIVE POLITICS

№ 2 (19) • 2015

MASS MEDIA REGISTRATION CERTIFICATE PI № FS77-28335 of December 8, 2009

Editor-in-Chief

Alexei D. Voskressenski, Prof., Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of
Far Eastern Studies)

Dputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Professor, Dr.Pol.Sc.
S.I. Lunev, Professor, Dr. History

Executive Secretary

E.V. Koldunova, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board of the Issue

A.D. Voskressenski
E.V. Koldunova,
I.Yu. Okunev
T.O. Dmitrieva (editor of the issue)
A.V. Veretevskaya (editor of the issue)
D.A. Kuznetsov (editor of the issue)

Editorial Board

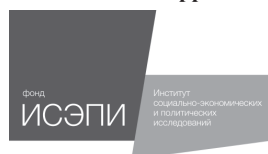
T.A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor,
Distinguished Researcher of Russia
O.N. Barabanov, Doctor of Political Sciences, Professor
V.Ya. Belokrenitskij, Doctor of History, Professor
V.V. Grib, Doctor of Juridical Sciences, Professor
V.I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor
M.V. Il'in, Doctor of Political Sciences, Professor
E.V. Koldunova, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor
V.G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD
(University of Manchester), Professor
M.M. Lebedeva, Doctor of Political Sciences, Professor,
Distinguished Lecturer of Russian Higher School
V.V. Mikheev, Doctor of Economics, Professor,
Corresponding Member of the RAS
O.V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor
E.V. Popov, Candidate of Judicial Sciences,
Associate Professor
V.D. Solovej, Doctor of History, Professor
L.V. Smorgunov, Doctor of Political Sciences, Professor
M.V. Strezheva, Doctor of Political Sciences, PhD
(University of Manchester), Professor
V.V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor
T.A. Shakhleina, Doctor of Political Sciences, Professor
A.Yu. Shutov, Doctor of History, Professor
I.N. Timofeev, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor

International Consultative Board

Professor Ayse Ditrhihs
(University Anbara)
Professor Akihiro Iwashita
(University Hokkaido)
Professor Zhao Huasheng
(Fudan University)
Professor Klaus Segbers
(Free University of Berlin)
Professor Anne de Tanguy
(Sciences Po)
Professor Yu-Shan Wu
(Institute of Political Science, Academia Sinica)
Professor Alexander Zhebit
(Federal University of Rio de Janeiro)
Professor Charles E. Ziegler
(University of Louisville)
Professor A. Faizullaev
(University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan)
Professor Ju Cun
(Beijing Normal University)

Published with support

Subscription Centre:

+7(495) 617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Tel.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru
Printed in typography
«National Polygraphic Group»
Tel.: +7(4842) 70-03-37

Offset printing.

Conventional printing sheet – 19,0
Circulation 3000 copies.
Free-market-price
Passed for printing: 24.06.2015.
ISSN – 2221 – 3279

© Voskressenski A.D., 2015
© Comparative Politics, 2015
© Publishing Group “Yurist”, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Eidlin F. Reconciling the General and the Unique. Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science

Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Рейтер О.Дж., Ганди Дж. Экономическое развитие и расколы доминантных партий.

Коростиков М.Ю. Власть и собственность в Китае

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Ellis R.E. The Strategic Importance of the Western Hemisphere: Defining U.S. Interests in the Region

Шишков В.В. Некоторые тенденции и перспективы политического развития ведущих государств субсахарной Африки и Латинской Америки

Кочедыков И.Е. Национализмы Молдовы

Николаева Л.Ю. Роль русского населения Таджикистана в трансформирующемся таджикском обществе

Тетерюк А.С., Чижевский Я.А. Оценка эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при Б. Обаме

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VII-й Всероссийский Конгресс политологов

Круглый стол на тему «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов» в рамках Седьмого всероссийского конгресса политологов

Круглый стол «Опыт демократии в разнообразном мире» в МГИМО-Университете

Журнал «Сравнительная политика» в Китае

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Академический журнал исследований России, №4, №5, №6, 2014

Рецензия на книгу: Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитический доклад / А.И.Подберезкин, М.А.Мунтян, М.В.Харкевич и др.; рук.авт. коллектива А.И. Подберезкин; Моск. Гос.ин-т междунар. отношений (у-нт.) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М.:МГИМО-Университет, 2014. — 164 с.

CONTENTS

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Eidlin F. Reconciling the General and the Unique. Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science

16 Lagutina M. Global Region as a Unit of World Political System of the XXI Century

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

22 Reuter O.J., Gandhi J. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties

50 Korostikov M. Power and Property in China

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

66 Ellis R.E. The Strategic Importance of the Western Hemisphere: Defining U.S. Interests in the Region

73 Shishkov V. Some Trends and Prospects of Political Development of Leading Sub-Saharan Africa and Latin America

86 Kochedykov I. Nationalisms in Moldova

100 Nikolaeva L. The Role of the Russians of Tajikistan in Transforming Tajik Society

110 Teteryuk A., Chizhevsky Y. The NATO Strategy in Afghanistan during Obama Administration. The Military Aspect's Effectiveness Evaluation

ACADEME

125 On the VII Russian Congress of Political Scientists

126 Roundtable "The Global and the Local in the World of Regions" (the VII Russian Congress of political scientists)

126 Roundtable "Experiences of Democracy in a Diverse World" (MGIMO-University)

127 Journal *Comparative Politics* in China

REVIEWS

127 *Academic Journal of Russian Studies*, №4, №5, №6, 2014

136 Constructing Long-term Scenarios of Military and Political Situation: Analytical Report / A. Podberезkin, M. Muntjan, M. Harkevitch; ed. by A.Podberезkin; MGIMO-University, Center for Military and Political Research. - Moscow: MGIMO-University, 2014. - 164 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензия на книгу: Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратагемы для России — под общ. ред. А.И. Смирнова. М.: ВНИИгеосистем, 2014. — 394 с.

Рецензия на книгу: Россман В. В поисках Четвертого Рима. Российские дебаты о переносе столицы. — НИУ ВШЭ, 2014. — 288 с.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы; под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. — Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва: МГИМО-Университет. — 2015. — 624 с.

Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева — М: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 352 с.

ПАРТНЕРЫ ЖУРНАЛА «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

НКИ БРИКС

ПИР-ЦЕНТР

Информация для авторов

CONTENTS

142 Global security in the digital age: stratagems for Russia / ed. by Smirnov A. M: VNIIGeosistem, 2014. - 394 p

144 Rossman V. In Search of the Fourth Rome: Russian Debates on Moving the Capital City. - NRU Higher School of Economics, 2014. - 288 p.

ON THE BOOKSHELF

146 The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Process / ed. by Voskressenski A.; MGIMO-University, 2nd Ed, - Moscow: MGIMO-University, 2015. - 624 p.

146 Modernization and Democratization in BRICS: Comparative Analysis / Ed. by Busygina I., Okunev I. - Moscow: "Aspekt Press", 2015. - 352 p.

OUR PARTNERS

147 "NKI BRICS"

150 "PIR-CENTER"

152 Information for Authors

RECONCILING THE GENERAL AND THE UNIQUE: AREA STUDIES, CASE STUDIES, AND HISTORY VERSUS THEORETICAL SOCIAL SCIENCE

Fred Eidlin

INTRODUCTION: THE UNDERLYING TENSION BETWEEN THE GENERAL AND THE UNIQUE

A substantial part of social science research consists of area studies, case studies, and historical studies. And this is not surprising. Political and social events and processes always take place in specific contexts – for example, in specific countries, specific states, and specific communities. And, political and social phenomena can be observed only in concrete cases, contexts, and events. Area studies, case studies, and history constitute the political science equivalent of the laboratory in the experimental sciences.

Yet the relationship between the specific, the concrete, and the unique, on the one hand, and the generalizing spirit of science, on the other hand, is highly problematic. This relationship remains a continuing source of tension in the social sciences. The widespread concern with scientific status is usually associated with the view that any real science should search for general laws. Defenders of such a view contend that all genuine sciences seek to generalize. They attempt to explain specific events, cases, and phenomena by bringing them under general theories and laws. Many social scientists who take the ideal of a science of society view studies that focus on the specific, the concrete, and the unique as lacking “in rigor and scientific potentiality ... as descriptive and relativistic ... and normally idiosyncratic in terms of [their] findings¹.

Other social scientists have been deeply troubled about the ascendancy of such a program in their disciplines – a program prescribing reduction of the study of politics and society to a search for general laws. Each case, each event, each phenomenon, each political regime, they argue, is infinitely rich in unique, irreducible detail. Hence the program of reducing all of political and social science to a search for general laws is bound to be futile, even to impede the search for useful knowledge. Consequently, as Lucien Pye has put it, social scientists have tended to divide “... between those who would be the boldest in striving for the outermost limits of generality and those who would be most precise and penetrating in understanding the individual case².

To be sure, the polarization is not as sharp as it used to be. Few area specialists who make use of case study methodology, and few researchers who make use of historical data nowadays ignore social scientific methods and theories³. Many approaches and theories in the social sciences facilitate genuine comparative and generalizing research – for example, structural functionalism, institutionalism, systems approaches, social movement theory, modernization theory, elite theory, small group theory, and organization theory. At the other pole of the divide, those stressing the generalizing, law-seeking essence of science usually acknowledge, at least in principle, the importance of in-depth knowledge of particular countries, cases, events, and histories. Most of what has been written in recent years

¹ Ward, Robert E. 1975. Political Science and Area Studies. Pye, Lucien, (ed). 1975. Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? Bloomington, IN, and London: Indiana University Press, p. 27.

² The Confrontation between Discipline and Area Studies. Lucien Pye (ed) Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? Bloomington, IN, and London: Indiana University Press, 6.

³ Ibid, p. 18.

about the relationship between the particular and the general in political science acknowledges, at least in principle, that each side has something to contribute to the other.

But that is as far as it goes. Under the surface, the truce between the two poles has been uneasy, and the problems that separate them are far from being resolved. To be sure, there exists a substantial literature on comparative method. But it is not of much help, either in bridging the theoretical problems underlying the gap, or in providing useful guidance for the conduct of research. Moreover, the state of theory in comparative political and social science is not very satisfying. There may exist quantitative cross-cultural studies that are genuinely comparative. And, there may be interesting case studies, historical studies, and single- and multi-country studies that are rich in theoretical insight. But they rarely lend themselves to systematization and testing. Most importantly and interestingly, no coherent account has yet emerged as to how the generalizing spirit of social science might be fruitfully and systematically integrated with the uniqueness of case studies and historical and area studies.

Some social scientists have explicitly attempted to bridge the gap. Robert K. Merton and Samuel H. Beer, for example, long ago argued in favor of generalizing approaches that do not call for formulation of universal laws and theories⁴. Merton retains the ideal of universal laws and theories. Yet, in his view, until a mature social science emerges social scientists should focus on theories of the middle range. These are “theories that lie between the minor but necessary working hypotheses that evolve in abundance during day-to-day research and the all-inclusive systematic efforts to develop a unified theory that will explain all the observed uniformities of social behavior,

social organization and social change.” Beer, in contrast, is hostile to the ideal of what he calls “the universalist model of causal explanation.” Beer is, by no means opposed to scientific method which, he contends, “holds much promise for social and historical studies.” He favors the aims of “identifying uniformities in human and social behavior ... discovering “causal connections between types of events ... and framing “general statements describing such connections which can be used to explain events in the past – or even to predict events in the future.” Nevertheless, Beer considers “the universalist model of causal explanation” to have been “barren of success...” stating that it “cannot fail to daunt the social scientist who takes it seriously”⁵.

Most importantly, neither Merton nor Beer nor anyone else, as far as I am aware, has worked out an approach that systematically integrates the generalizing thrust of science with the concern for uniqueness that characterizes area, historical, and case-studies. It is precisely this task that the present paper addresses. Merton is far from having worked out such an approach. His argument fails to go beyond providing legitimation for a vaguely-defined range of kinds of middle-range theorizing that were and still are widespread in the social sciences. Beer goes farther than Merton by holding up two studies as concrete examples of what he calls imaginative reconstruction. And he discusses their methodology in some detail⁶. However, though clearer than Merton about the kind of approach he endorses, Beer too fails to elaborate a continuous link between studies that focus on the unique, and those that strive for generalization—even universal generalization, as the present paper seeks to do.

This paper puts forward an approach that provides a methodological bridge between the generalizing impulse of science and the richness and uniqueness of particular countries, cases, and events. I will refer to this bridge as “contextually limited generalization.” This method has much in common with Merton’s theories of the middle range, Beer’s method

⁴ Johnson, Chalmers. 1975. *Political Science and East Asian Area Studies*. Pye, Lucien, (ed). 1975. *Political Science and Area Studies: Rivals or Partners?* Bloomington, IN, and London: Indiana University Press: pp. 78-97.; Beer, Samuel H. 1963. *Causal Explanation and Imaginative Re-Enactment*. *History and Theory*. 3(1) 1963: pp. 6-29; Merton, Robert K. 1968. *On Sociological Theories of the Middle Range*. Robert K. Merton (ed.), *Social Theory and Social Structure*. London: The Free Press: pp. 39-72.

⁵ Beer, Samuel H. 1963. *Causal Explanation and Imaginative Re-Enactment*. *History and Theory*. 3(1) 1963: p. 39.

⁶ Ibid.

of imaginative re-enactment, and Chalmers Johnson's style analysis⁷. I assume, along with Beer, that the ideal of explanation in terms of universal laws, often called the "Covering Law Model," is fundamentally flawed. This ideal, I contend, has been subjected to devastating criticism, is at odds with most of what goes on in the advanced natural sciences and, as Beer points out, has been barren of success⁸. Nevertheless, it remains firmly anchored in the training and professional norms of mainstream political science. It is largely acquired, without careful scrutiny, through scope and methods textbooks and courses which train students in the conduct of inquiry. The Covering Law Model is usually presented to students without any indication that it might be seriously problematic. Since this ideal is so influential among political scientists who take the ideal of science seriously, I will have to confront it before proceeding to elaborate a method that assumes it to be fundamentally mistaken.

SCIENTISM: SCIENCE AS NEWTONIAN MECHANICS

If criticism of the Covering Law Model is as devastating as I have claimed, if it is at odds with the practice of the advanced natural sciences, if it has been barren of success, why does it remain so firmly anchored in the training and professional norms of mainstream of the social sciences?

Interestingly, the often heated debate about science in social science rarely if ever counterpoises a positivist account of science to some alternative, non-positivist account of science. Defenders of mainstream positivist approaches to social science typically equate criticism of positivist-inspired social science to criticism of science itself. They typically respond to critics by enumerating the well-known and formidable achievements of the advanced natural sciences, as well as the commonsense advantages of a scientific approach. They rarely

defend the positivist account of science per se, as opposed to defending science, more generally. They simply assume that the positivist account of science represents, more or less, what the scientific enterprise is about. When confronted with arguments pointing to the poverty of positivist social science, they typically respond by arguing that the social sciences are still young and underdeveloped. In other words, they have faith that, somehow, some day, the research programs they are following will lead to a rich and fruitful social science. The positivist image of science is reinforced, not only by the positivist spirit of the classics of social sciences, as well as by the image of science that is taken for granted in modern society.

Social scientists and philosophers who have reflected on the social sciences may differ as to how much the social sciences should model themselves after the natural sciences. Yet what goes unexamined throughout most discussions about the nature of the social sciences is a shared image of the natural sciences – the image of Newtonian mechanics. Not only defenders of positivist-inspired social science, but also those who argue that the social sciences cannot be genuine sciences tend to assume that "science" means science in the Newtonian image. Almost everyone, whether sympathetic or opposed to integrating the generalizing spirit of science with a concern for uniqueness, assumes the same image. They assume that if social science is to be truly scientific, it will have to be causal and nomothetic in the image of Newtonian mechanics.

The philosopher of social science, Ian Jarvie, compares this mainstream image of science in social science with a cargo cult. "Scientific success, Jarvie writes, like all success," tends to have its worshipers. ... Nearly all religions promise to deliver one or another sort of goods; they will save your soul or bring you to nirvana."

A cargo cult is a religion which promises literally to deliver goods-like the cargo in a ship's hold. If the cultists carry out their religious performances properly some desirable goods will, it is believed, be delivered to them. In this case the deity was scientific method, the ritual was unprejudiced observation and patient induction, and the cargo the deity would deliver if worshiped by means of the correct ritual

⁷ Johnson, Chalmers. 1975. *Political Science and East Asian Area Studies*. Pye, Lucien, (ed). 1975. *Political Science and Area Studies: Rivals or Partners?* Bloomington, IN, and London: Indiana University Press: pp. 78-97.

⁸ Beer, Samuel H. 1963. Causal Explanation and Imaginative Re-Enactment. *History and Theory*. 3(1) 1963: pp. 6-29

would be a science of society comparable in vigor and success to natural science⁹.

Jarvie takes note of Francis Bacon's argument that there should be no worship of the success of science. All that was needed was "a patient application of those methods which had led to success and would no doubt do so again." Naturally, Jarvie continues, Bacon was misunderstood. "[M]any would-be social scientists took it that he was saying 'worship not the false god of science but the True God of Scientific Method which grants success in all fields of inquiry.' Thus ... scientific method became the object of a cult among social scientists - a cargo cult¹⁰.

As far as I am aware, there are no arguments appealing to science that would pose problems for the method presented below. By science I mean, of course, not the cargo cultist scientism of mainstream social science, but of the actual practice of the advanced natural sciences.

THE AIM OF SCIENCE

What then is the aim of science? An initial answer might be that it depends on which science, which scientist, and in which situation. Generally speaking, science seeks explanations for problems or puzzles. Different kinds of problems require different kinds of explanations. I will assume, following Popper that it is the aim of science to find satisfactory explanations, of whatever strikes us as being in need of explanation. By an explanation (or a causal explanation) is meant a set of statements by which one describes the state of affairs to be explained (the explicandum) while the others, the explanatory statements, for the 'explanation' in the narrower sense of the word (the explicans of the explicandum)¹¹. And what kind of an explanation may be satisfactory in Popper's view? A satisfactory explanation is one that is couched "in terms of testable and falsifiable universal laws and initial conditions"¹².

⁹ Jarvie. 1964a. Explanation in Social Science. British Journal for the Philosophy of Science, vol. 15, no. 57 (1964)

¹⁰ Jarvie. 1964a. Explanation in Social Science. British Journal for the Philosophy of Science, vol. 15, no. 57 (1964)

¹¹ Popper, Karl R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press. p. 191.

¹² Popper, Karl R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press. p. 191.

But is this not precisely the kind of explanation prescribed by the Covering Law Model? In fact, this is the way Popper's account of Scientific Method is usually [mis]understood. Even Beer, who clearly respects Popper's work and takes it seriously, explicitly identifies Popper as an advocate of the Universalist Model. Yet, as will be shown below, Popper rejects the view that it is usually laws that are the unknowns scientists seek and elaborates methodological proposals closely resembling those that Beer advocates.

The reasons for such widespread misinterpretation of Popper's position are partly historical. The Covering Law Model was originally advanced by Carl G. Hempel who did in fact view the aim of science as a search for universal laws. Hempel's Covering Law Model was frequently cited as authority by social scientists and philosophers of science in the Logical Positivist succession long before Popper's Logic of Scientific Discovery [LScD] (1959) was first published in English translation in 1959. When the English translation of LScD finally appeared, it was pre-interpreted as a positivist work, rather than as the radical critique of Logical Positivism that it actually was. In fact, the Covering Law Model is often referred to as the Popper-Hempel model.

Unlike Hempel, Popper does not hold that it must be laws that are the unknowns in the problems to which science seeks solutions. It may also be that something in the initial conditions is unknown, mistaken, or otherwise flawed. And the problem at hand is often solved by filling out or otherwise repairing the initial conditions. In fact, when a law-like regularity is observed, this may be the beginning rather than the end of a search for explanation. Such an observation may give rise to a new problem – that is, explaining why the regularity obtains.

Even in the advanced natural sciences, many regularities are explained by appealing to underlying structures. Since these structures belong to initial conditions, it is the revised initial conditions rather than newly-discovered laws that actually do the explaining. For example, in genetics explanation in terms of DNA structure, or in physics explanation of why light is refracted in a certain way by a crystal in terms of the crystal's molecular structure; or in evolutionary biology, explanation of the survival

of an organism with reference to its environment and the characteristics of the organism that allow it to survive in this environment. The law of natural selection plays a trivial role in such biological explanations. In all these examples, it is structures (initial conditions) that are the unknowns. And it is the object of scientific research to discover these structures. When such structures are found, it is they that account for the order in experience. To be sure, many universal laws figure in this kind of explanation. These include, for example, laws concerning the behavior of light, laws of chemistry and physics which relate DNA structure to the genetic makeup of organisms. But such laws are not the object of search. They are taken for granted.

Many areas in the natural sciences are concerned exclusively with generalizations that hold only within delimited contexts. There are, for example, many generalizations that are true of dogs, but not of other mammals. And there are many generalizations about mammals do not hold for other vertebrates. Scientists rarely think in terms of the highest degree of universality. More often than not, they look for contextually limited generalizations, and are entirely satisfied when they find satisfactory ones.

Even Newton's laws, which are commonly held up as the very model of universal laws, are contextually limited. The prejudice that the ultimate aim of a mature science is to discover universal laws is so compelling because the context of Newtonian mechanics is so broad as to encompass all of our everyday experience. Yet as broad as this context may be, it is still not a universal context. Newton's prime assumption was that space is everywhere flat and infinite as it is in the world of our immediate experience. As Jacob Bronowski points out, this assumption was criticized even in Newton's time by Leibniz. And, he notes, it is not even probable in our own experience. "We are used to living locally in a flat space," Bronowski writes, "but as soon as we look in the large at the earth, we know it not to be so overall."

The earth is spherical; so that the point at the North Pole can be sighted by two observers on the equator who are far apart, yet each of whom says, 'I am looking due North'. Such a state of affairs is inconceivable to an inhabitant of a flat earth, or one who believes that the earth is flat overall

as it seems to be near him. Newton was really behaving like a flat-earther on a cosmic scale: sailing out into space with his foot-rule in one hand and his pocket-watch in the other, mapping space as if it were everywhere as it is here. And that is not necessarily so.... [I]n laying out space as an absolute grid, Newton had given an unreal simplicity to our perception of things¹³.

It is not my intention to denigrate the aim of searching for broader generalization, even searching for universal laws when such is appropriate to the problem at hand. To unify and simplify what is known by discovering more widely applicable generalizations is among the many different aims of science that scientific research may pursue. However, I wish to point out that scientific problems almost always arise within limited contexts and are often solved or explained by generalizations that apply only within such limited contexts.

SOURCES OF ORDER IN INDIVIDUAL BEHAVIOR AND IN SOCIETY

What accounts for the patterns, regularities, and invariance in individual behavior and in society? Obviously, some of the determining factors belong to the individual, others to the social environment in which individuals act. Some regularities in the behavior of individuals result from the physical and social settings in which they find themselves. Some are attributable to regularities in such factors as the aims, resources, and dispositions of the individuals themselves.

The structure of the social environment is manmade, notes Popper, in the sense that its institutions and traditions are "the results of human actions and decisions. But this does not mean that they are all consciously designed, and explicable in terms of needs, hopes, or motives." Social institutions are rarely the products of conscious design. Most have "just 'grown' as the undesigned results of human actions"¹⁴. Once social institutions come into existence, they take on a life of their own. They become, to some extent, autonomous and independent of the

¹³ Bronowski, *The Ascent of Man*. Boston: Little, Brown, 1973. pp. 240-241.

¹⁴ Popper, Karl R. *The Open Society and Its Enemies Vol. II, The High Tide of Prophecy: Hegel and Marx*. Princeton, NJ: Princeton University Press. p. 93.

will (and even awareness) of those who created them, as anyone who has attempted to change a social institution (such as a bureaucracy or a language) knows very well.

The task of the explanatory or theoretical social sciences is, in Popper's view, is to discover and explain "the less obvious dependencies in the social sphere." It is to discover "the difficulties which stand in the way of social action—the study, as it were, of the unwieldiness or the brittleness of the social stuff, of its resistance to our attempts to mold it and to work with it"¹⁵. Hopes, fears, ambitions, and aspirations explain little because of the wide gap that always exists between human aspirations and achievements. This is so because "social life is not only a trial of strength between opposing groups: it is action within a more or less resilient or brittle framework of institutions and traditions, and it creates — apart from any conscious counteraction—many unforeseen reactions in this framework"¹⁶.

The theoretical social sciences (along with much of natural science) usually ask questions about kinds or types of events or phenomena, and they almost always make use of a method that consists of constructing types of situations or conditions, that is to say, the method of constructing models, making use of situational analysis. By situational analysis Popper means a kind of tentative explanation of some human action that appeals to the situation in which the agent finds himself. "The central idea underlying situational analysis is thus that we can construct models of typical social and political situations and that this is the only means we possess of understanding social events"¹⁷.

Situational analysis, situational logic, or the logic of the situation is a simple and intuitive notion. "We assume," writes Jarvie, that people have certain aims, that they also have certain means (restricted by their physical nature and by the social set-up of institutions and traditions), and certain knowledge and beliefs about their means and about the social set-up. Armed with all this, they act to achieve their aims within the social situation created by traditions, institutions, and the

aims and actions of other people"¹⁸. "Situational logic is explanation of human behavior as attempts to achieve goals or aims with limited means"¹⁹. A person, for the purposes of social science, can be viewed as in pursuit of certain goals or aims, within a framework of natural, social, psychological and ethical circumstances. These circumstances constitute both the means of achieving his aims and constraints on that achievement. A person's conscious or unconscious appraisal of how he can achieve his aims might be called sorting out the logic of the situation he is in²⁰.

Situational analysis assumes a physical world in which we act. This world contains, for example, physical resources which are at our disposal and about which we know something (often not very much). Beyond this, however, situational logic must also assume a social world, populated by other people, about whose goals we know something (often not very much) and furthermore, social institutions. They exist in an objective sense — that is, independently of any individual's subjective understanding of them²¹. They have properties that are "mapable" and at least partly outside the awareness and control of those who participate in them — even of those who supposedly control them. In situational analysis every complex social situation, institution, or event is seen as the result of a particular configuration of individuals, their dispositions, beliefs, and environment. We may be unable at any point in our investigation to give complete explanations in terms of individuals, but the ideal of eventually doing so remains a regulative principle in much of social science research. In a large domain of social science research, we continue to attempt to reduce our explanations to statements about the dispositions, beliefs, resources, and interrelationships of individuals. The individuals may remain anonymous, and only typical dispositions may be attributed to them²².

¹⁵ Ibid, p. 94.

¹⁶ Ibid, p.95.

¹⁷ Popper, Karl R. La rationalité et le Statut du principe de rationalité. Emil M. Claassen, ed., Les fondements philosophiques des systèmes économiques. Paris: Payot. p. 143.

¹⁸ Jarvie. *Revolution in Anthropology*. London: Routledge & Kegan Paul. p. 18.

¹⁹ Jarvie. *Concepts and Society* (London: Routledge & Kegan Paul. p.5.

²⁰ Ibid, p. 4

²¹ Popper, Karl R. *The Logic of the Social Sciences*. Theodor W. Adorno et al., *The Positivist Dispute in German Sociology*, trans. by Glyn Adey and David Frisby. London: Heinemann. p. 103.

²² Watkins, J. W. N.. *Ideal Types and Historical Explanation*. *The British Journal for the Philosophy of Science*, vol. 3 . In John O'Neill (ed.), *Modes of*

To this, it may be objected that there exist irreducible social wholes – that is, social and political entities and phenomena whose behavior cannot be explained entirely (if it can be explained at all) in terms of individuals. How, for example, can a “tradition” or “culture” or “spirit of the times” or organizational esprit de corps possibly be explained in terms of beliefs, dispositions, resources, and interrelations of individuals. Unlike psychologistic methodological individualism Popper’s situational individualism is compatible with several aspects of a holistic view, Social “wholes” exist, which are more than the sum of their parts. These “wholes” include social groups as well as social institutions in the widest sense of the word. They cover a wide variety “from customs to constitutions and from neighborhoods to states”²³. Situational analysis assumes that social “wholes” affect the aims of individuals and that “the social set-up influences and constrains the individual’s behavior”²⁴.

What Popper and Agassi, among others, deny is that social wholes have distinct aims and interests of their own. Only individuals, strictly speaking, can have aims. An institution (or other social whole) may have aims and interests only when individuals give it aims or act in accord with what they consider should be its interest. A society or institution cannot have aims and interests of its own²⁵. Traditions exist, as do cultures, “group spirits,” and other social institutions. They are more than the sum of the individuals that constitute them, and may exhibit emergent properties. They can exist before the individuals who make them up at any given time belong to them and can survive while maintaining continuity or identity and spirit after all the individuals they contained at any given time have left them²⁶. But it is individuals who carry these traditions, spirits, etc. If enough individuals in a society abandon or alter their behavior or attitudes, whether

intentionally or unintentionally, that tradition will change or die.

What about those aspects of social situations that appear to be psychological and therefore subjective, such as wishes, motives, memories, and associations? In situational analysis such concrete psychological experiences are replaced by abstract and typical (objective) elements of the situation such as ends or knowledge. The person with certain wishes becomes a man whose situation may be characterized by the fact that he pursues certain aims, and a man with certain memories and associations becomes a man whose situation can be characterized by the fact that he is equipped objectively with certain theories or with certain information. We then hypothesize that the persons or agents in our analysis will act in a manner that is adequate or appropriate – that is conforming to the situation. In Popper’s words:

This enables us then to understand actions in an objective sense so that we can say: admittedly I have different aims and I hold different theories (from say Charlemagne); but had I been placed in his situation thus analyzed—where the situation includes goals and knowledge – then I, and presumably you too would have acted in a similar way to him²⁷.

The theoretical reconstructions of situational analysis will inevitably be rough, rudimentary, oversimplified, and over schematized. Consequently, they will usually be false. However, they can be good approximations to the truth, and the fact that they are objective hypotheses permits us to learn from their falsity. Like scientific theories, situational analyses are rational, empirically criticizable, and capable of improvement or competitive comparison with alternative models of the same situation²⁸.

No creative action (like a decision) can ever be fully explained. Nevertheless, we can try to give an idealized reconstruction of the problem

Individualism and Collectivism. London: Heinemann: 1976, pp. 167-168..

²³ Agassi, Joseph. Methodological Individualism. The British Journal of Sociology, vol. 2, 1976. In O’Neill: pp. 188.

²⁴ Ibid, pp. 186.

²⁵ Ibid, pp. 188.

²⁶ Popper, Karl R. Towards a Rational Theory of Tradition. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. New York: Hamer & Row. Ch. 4. 1965

²⁷ Popper, Karl R. Logic of the Social Sciences. Theodor W. Adorno et al., The Positivist Dispute in German Sociology, trans. by Glyn Adey and David Frisby. London: Heinemann. 1976. p. 103.

²⁸ Popper, Karl R. La rationalite et le Statut du principe de rationalite. Emil M. Claasen, ed., Les fondements philosophiques des systemes economiques. Paris: Payot, 1967. p. 144-145; Popper, Karl R. Logic of the Social Sciences. Theodor W. Adorno et al., The Positivist Dispute in German Sociology, trans. by Glyn Adey and David Frisby. London: Heinemann. 1976. p. 103.

situation in which the agent found himself/herself. In this way the action may be made “rationally comprehensible” or “understandable” – that is to say, adequate to his situation as he said it²⁹.

PERSPECTIVE AND CONTEXT

What remains unclear at this point is the relationship of these models, types, or constructs of social science to the reality they are presumed to represent. Almost everyone would agree that such constructs are abstractions from reality, which reflect the interests of the social scientists who construct and make use of them.

The role of perspective or point of view is most apparent in history. It is now widely accepted that there is no such thing as a universal history that has simply to be uncovered or revealed by the historian, and that historical facts do not speak for themselves. Rather, the historian imposes a perspective that determines not only which facts are relevant but, also, what are to be considered as facts. What is often called “the history of mankind” turns out upon closer examination, to be nothing more than “the history of political power.” – one of countless histories of mankind that could conceivably be written³⁰. Each generation has its own problems, its own interests, its own background assumptions, which is one reason why history is continuously being rewritten. The title of Russian historian, Yuri Polyakov’s book, *Nashe nepredskazuyeme proshloye* (Our Unpredictable Past) illustrates this nicely. Many conflicts among historical interpretations result from differing points of view. The “facts” (I mean the infinite number of uninterpreted facts as they exist independently of anyone’s selection and interpretation) do not change. But facts are never known independently of some statement of them. And every statement of fact presupposes selection and interpretation in the light of some preexisting point of view or perspective.

Perspective also plays a role in the generalizing natural sciences. In the generalizing natural sciences, however, perspective is provided by

prevailing theories, paradigms, or research programs. But even in the generalizing sciences, perspective or point of view is determined by prevailing cognitive interests. For example, Newton’s laws work very well within the world as we experience it. It is only when the cognitive interest of the physicist extend to objects moving at very high speeds that Einstein’s new perspective becomes necessary.

What is the difference between perspective and context? While the two terms may sometimes be used synonymously, I use the word “context” here to refer to the objective settings of the phenomena to be explained – to the conditions that actually obtain, rather than to any particular reconstruction of them. I mean the human agent’s objective situation, as opposed to any particular reconstruction a social scientist might attempt of that objectively existing situation. Any reconstruction of the context will, of course necessarily, single out only those features of the context or setting relevant to the investigator’s theoretical framework and the problem under investigation. For example, a historian may be interested in explaining why Hitler ordered a certain military action that at first glance appears irrational or out of character for Hitler. Normally, the features that would go into an explanation of Hitler’s military decision making would have nothing to do with such elements of his personal situation as what he had had for dinner, what he had done for entertainment, etc., even though such elements clearly belong to his total life situation. Yet it may be that this particular military decision can be attributed to indigestion or to a nightmare Hitler had had the night before. It is the historian’s stock in trade to provide as rich a reconstruction of the actor’s situation or context or setting as is necessary to make his action rationally comprehensible – that is, adequate to the situation as he saw it.

When the historian becomes the social scientist his/her interest shifts from explanation specific events to generalized explanation. His/her interest may turn, for example, to Hitler’s military decision making style. He abstracts from each particular instance of Hitler’s military decision making those contextual features common to all these instances. In making such an abstraction, the social scientist inevitably loses much of the

²⁹ Popper, Karl R. *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford: Oxford University Press, 1971. p. 179.

³⁰ Popper, Karl R. *The Open Society and Its Enemies Vol. II, The High Tide of Prophecy: Hegel and Marx*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1966, p. 270.

richness of the historian's reconstructions. As a result, his generalized reconstruction of Hitler's military decision making may fail to explain some particular decision, since it will not include the bout of indigestion or the nightmare that was crucial for the explanation of that particular decision.

Such reconstruction of Hitler's military decision making style would seek to model reality as it actually is. But it would select out for description only those aspects of reality deemed relevant to the explanation of a certain type of problem. The fact that it oversimplifies the situation and thus may not provide a "complete" explanation of any particular instance of Hitler's military decision making poses no impediment to the ideal of generalizing social science. It merely reflects what is widely accepted at the level of common sense, namely, that society and human behavior exhibit enough orderliness to make social science possible and useful but that they contain enough haphazardness and variation that even a mature social science will have to integrate its organizing theories with this variation and haphazardness.

A generalized reconstruction of Hitler's military decision making would, of course, be useful to the historian interested in explaining any particular instance of it. The historian would simply enrich his/her reconstruction of Hitler's behavior in that specific instance to explain whatever problem is imposed by his own perspective. On the other hand, another social scientist might be interested more broadly in military decision making by contemporary European heads of state with dictatorial control of their respective regimes. Such situational reconstructions would lose much of the richness that could be provided in reconstruction of Hitler's own peculiar military decision making situation, all the detail about Hitler's personality, knowledge, and theories would be lost. Some similarities relating to typical personality features (if there are any) of contemporary European dictators might remain. The details of German political culture, German military organization, and other features peculiar to Germany under Hitler would be lost. Nevertheless, the similarities of the military decision making situations of European

dictators may share enough features to make such a generalized situational reconstruction theoretically interesting. Again, the model or reconstruction would refer to facts in the real world. In other words, it would refer to facts (concrete features of the decision making situations of concrete individuals) that bear upon their behavior. But because of the level of abstraction of the model, it will naturally not account for all the variance in any given instance.

SOCIAL SCIENCE THEORY

Most of what is called "theory," as well as "middle range generalizations," in the social sciences consists of generalized reconstructions of types of social situations or settings or events. These reconstructions may be cast at any level of abstraction, from the historian's richly detailed account of a particular event to the organization theorist's highly abstract model of a complex organization. There may be continuity across levels of abstraction. Highly abstract contextually limited generalizations may be used as empirical hypotheses to explain particular events or situations. Conversely, particular events and situations may be generalized. These contextually limited generalizations may be rough, rudimentary, oversimplified, and over-schematized, but, like theories in the natural sciences, they are objective, empirically criticizable, and capable of improvement or competitive comparison with alternative models of the same situation or type of situation.

Both history and the generalizing social sciences take for granted the laws of physics, chemistry, and biology, and many trivial law like generalizations of sociological and psychological character. A historian does not waste time while reconstructing a historical event, such as the assassination of Julius Caesar, spelling out the laws of physics that account for the blood spurting out of Caesar's arteries, or the laws of biology that account for the death of a human organism. Neither does the generalizing social scientist bother to articulate all the many laws of nature and trivial sociological and psychological generalizations taken for granted in social science theorizing.

In the explanation of types or kinds of events, initial conditions can be completely replaced by the construction of a model that incorporates typical initial conditions. In other words, a social phenomenon that is puzzling and in need of explanation is explained by showing it to be a special case of a generalized situation (or typical set of initial conditions).

SITUATIONAL ANALYSIS AND THE UNITY AND CONTINUITY OF THE GENERAL AND THE UNIQUE

In genetic and historical explanations, the focus of explanatory interest is almost always upon initial conditions; the laws or generalizations are usually trivial and are taken for granted. If, for example, the question to be answered is something like, "What caused the cold war?" or "Why does Germany have an authoritarian political culture?" or "Why does a two-party system prevail in the United States?" or "Why did the Soviet Union invade Czechoslovakia in 1968?" the explanation will take the form of a narrative account. Such an account will consist of some combination of statements of fact plus statements of generalizations from which the previously puzzling (i.e. explained) phenomenon can be validly deduced. Such a genetic or historical account may make use of nontrivial generalizations discovered by social scientists, but need not necessarily do so. For example, generalizations taken from theoretical literatures related to the nature and causes of hostility among states may be brought to bear upon the problem of explaining the cold war. Generalizations and theories derived from the study of political culture may be brought to bear upon explanation of authoritarianism in German political culture. And generalizations derived from the study of party systems may be used to explain the two-party system in the United States. But, for the most part, historical and genetic explanations take for granted all kinds of law like generalizations, more of them being trivial and unstated, and focus on the problem of producing an adequate reconstruction of initial conditions.

Social science theory, as has been shown, reflects an interest in typical settings or initial conditions. Organization theory, role theory, small-group theory, and game theory are only a

few examples of such typical initial conditions that are used as explanations in social science. When, for example, small-group theory is used to explain a specific instance of the behavior of a particular small group, the "explanation" amounts to an assertion that the initial conditions in this instance represent an occurrence of typical initial conditions in small-group theory. Such theories, like maps, attempt to model the social world faithfully. And yet, just as different kinds of maps reflect the differing perspectives and purposes of those who make and use them (e.g. road maps, topographical maps, population maps), so do different bodies of social science theory model the social world from different perspectives and for different purposes.

It is important to note that such models of typical initial conditions may be constructed at any level of generality. For example, the setting of one particular small group, such as one congressional committee or the U.S. Supreme Court, may be reconstructed and such a model used to explain specific instances of the group's behavior. This is, as a matter of fact, just what some scholars who study congressional committees and the Supreme Court do. They seek to model (at least roughly) the institutional setting they study, so that specific instances of the institution's behavior can be understood and explained by reference to this model. Such generalized settings resemble genetic or historical explanations in that it is mainly initial conditions that do the explaining. But, as in the case of genetic explanations, explanations in terms of generalized social situations include lawlike statements – trivial as well as non-trivial.

Общее и частное

Региональные исследования, кейс-стади и исторические исследования против теорий, разработанных в рамках социальных наук

Фред Эйдлин, доктор политических наук, приглашенный профессор Европейского колледжа Тартуского университета (Эстония)

***Аннотация.** В статье рассматривается проблематика соотношения общего и частного в социальных и политических науках. Выделяются различные точки зрения на данную проблематику: часть исследователей объясняет частные случаи при помощи общих теорий и законов, другие же исследователи акцентируют внимание на том, что каждый случай индивидуален и не поддается генерализации. Автор выдвигает теорию о том, что с помощью методологии можно объединить анализ общего и уникального.*

***Ключевые слова:** региональные исследования, кейс-стади, исторические исследования, социальные науки, политические науки, естественные науки.*

Reconciling the General and the Unique Area Studies, Case Studies, and History versus Theoretical Social Science

Fred Eidlin, PhD in Political Science (University of Toronto), Visiting Professor, Euro College, University of Tartu, Estonia

***Abstract.** The article examines the problem of relations between the General and the Unique in the social and political sciences. The author highlights the different views on this perspective: some scientists explain specific cases by bringing them under general theories and laws while others researchers emphasize that each case, each phenomenon is unique and shouldn't be generalization. The author theorizes that there is a methodological bridge between the generalizing spirit of social science and uniqueness of events and cases.*

***Key words:** Area Studies, Case Studies, History, Social Science, Political Science, Natural Science.*

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЕГИОН КАК ЭЛЕМЕНТ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ XXI ВЕКА

М.Л. Лагутина

Одной из ведущих тенденций современного развития является трансформация пространственных координат мировой политики, изменение геополитического ландшафта мировой системы XXI века в результате двух процессов – глобализации и регионализации. Результатом взаимосвязи глобализации и регионализации стал феномен «глобальной регионализации», под которым понимается «регионализация пространства глобального мира, который на практике представляет собой трехуровневую структуру – совокупность суб-, мезо- и макрорегионов, а понятие «регион» выступает как базовый элемент этой трехуровневой системы глобального мира»¹.

В рамках процессов глобальной регионализации интеграционные взаимосвязи подвергаются качественной трансформации. В этой связи важно принять во внимание *идею смены поколений форм региональной интеграции*. Фактически на смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе. В XXI веке наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов),

руководствовавшихся исключительно национальными интересами и географической близостью, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы и пространственные факторы.

В условиях глобализации государства более не могут удерживать монополию на управление. Одной из первых в 1990-х гг. на это указала С.Стрендж, которая писала о том, что все государства, независимо от территории, размеров, мощи, слабеют перед лицом происходящих технологических и финансовых изменений, а также ускоряющейся интеграции национальных экономик в единый мировой рынок². Часть управленческих функций переходит на наднациональный уровень. В этом контексте важно отметить, что процесс регионализации в условиях глобализации включает в себя серьезную «неформальную компоненту», а именно структуры гражданского общества, социальных институтов, бизнеса. Другими словами, в случае глобальной регионализации важен процесс интеграции «снизу». Эффективность глобальной регионализации зависит во многом от участия негосударственных акторов, а не только от воли и желания национальных государств.

Понятие «регион» является ключевой категорией при анализе глобальной регионализации. Смысл термина «регион» претерпел существенную трансформацию, что выразилось в переходе его от территориального измерения к пространственному. Не-

¹ Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / Леонова О.Г. // Век глобализации. – 2013. - №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступ: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html> [Leonova O.G. Global'naia regionalizatsiia kak fenomen razvitiia global'nogo mira / Leonova O.G. // Vek globalizatsii. – 2013. - №1. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostup: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html>]

² Strange S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. / S.Strange. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

которые эксперты заговорили о «конце географии». Согласно классическому подходу «регион» определяется через понятие территориальных связей и ряд общих специфических характеристик. Таким образом, классическая интеграция национальных государств в международные регионы происходит на основе наличия неких общих интересов в области торговли, экономики и безопасности. Согласно современной теории «нового регионализма» важную роль начали играть несколько иные критерии при образовании регионов. Географическое единство не является определяющим признаком. Например, регион может быть определен как политический союз, не принимающий во внимание географические факторы³. Фактически «новый» регионализм стремится выйти за границы картографического метода и учета географического фактора формирования регионов. Вводится понятие «мультиразмерности», что означает формирование регионов на основе функционального подхода.

В итоге при определении региона новаторски звучит понятие «пространство», которое в данном прочтении не имеет ярко выраженных территориальных констант и может вбирать в себя новые характеристики региона, не привязанные к географической карте. Пространство есть структура, наполняющая регион в процессе регионализации (что особенно актуально при формировании «глобальных регионов»), но пространство может превосходить территориальную основу региона, и нельзя не учитывать эту возможность, рассматривая понятие «глобальный регион». Исходя из этого, на наш взгляд, регион можно определить как некую целостность без жесткой замкнутости в территориальные рамки.

Таким образом, глобальная регионализация ведет к созданию новых элементов мировой политической системы – *глобальных регионов*, которые представляют собой структурированное *пространство*, основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (экономи-

ческий, исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т.д.). В качестве характеристик глобального региона можно выделить: наличие общих пространств; наднациональная природа; наличие транснациональных сетей.

Формирование глобальных регионов находится на начальном этапе, однако представляется возможным назвать уже существующие модели глобальной регионализации. Так, исходя из указанных выше критериев глобального региона, можно таким образом охарактеризовать Европейский союз (ЕС), представляющий, на наш взгляд, современную *«европейскую» модель глобальной регионализации*. Характерными чертами данной модели являются:

- ЕС – это общее экономическое, социальное, культурное, информационное и т.д. пространства;

- ЕС обладает уникальным статусом: это ни государство, ни международная организация;

- ЕС функционирует как посредством межгосударственных, так и наднациональных органов (система многоуровневого управления);

- в рамках политики ЕС существует ряд транснациональных программ, которые придают региональному европейскому развитию трансграничный характер (например, Baltic Sea Region Programme – Программа региона Балтийского моря (РБМ) на 2007–2013 гг. разработана в рамках цели Европейского Союза по развитию территориального сотрудничества, интегрируя цели приграничного сотрудничества Европейского Инструмента Соседства и Партнерства (ЕИСП ПГС) – Россия и Беларусь).

Однако ко второму десятилетию XXI века становится очевидным явный кризис «европейской» модели глобальной регионализации, которая до недавнего времени рассматривалась как универсальная. Данная модель демонстрировала стабильные успехи вплоть до недавнего времени, когда над экономическими мотивами европейской интеграции и объективными тенденциями мирового развития в руководстве ЕС стали

³ Hemmer Ch. Why Is There No NATO in Asia: Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism / Hemmer Ch., Katzenstein P. // International Organization. – 1995.

превалировать политические амбиции. 2004 год – год крупнейшего разового расширения состава участников ЕС, – сыграл роковую роль в развитии европейской интеграции. Данное расширение было продиктовано не внутренними потребностями эволюции ЕС, а политической конъюнктурой того времени, как отголосок геополитических изменений 90-х гг. XX века на евразийском пространстве. Парадокс заключается в том, что европейские лидеры в своем амбициозном решении по включению в состав ЕС практически всех европейских стран фактически повторили «имперские» ошибки СССР⁴. Данное расширение усугубило общую миграционную ситуацию внутри ЕС и вместо ожидаемой единой европейской нации, стали возникать новые точки этнических противостаний и сепаратистских настроений (провал политики мультикультурализма). Кроме того, уровень экономического развития новых членов Союза (в основном страны Восточной Европы) значительно уступал западноевропейским участникам. Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов обнажил новые болевые точки Европейского союза и впервые поставил под угрозу единство объединения (речь идет о кризисе в Греции, на Кипре, в Испании, Португалии и т.д.). Фактически перед ЕС встала дилемма: или переходить на качественно новую ступень интеграции в сфере финансов и контроля за государственным управлением экономикой со стороны европейских институтов, или вывести за рамки ЕС ряд экономически слабых участников. Таким образом, мировой финансовый кризис также поспособствовал разобщению европейских государств, разделив их на экономически сильных и слабых игроков.

Еще одним важным фактором, приведшим «европейскую» модель глобальной регионализации к кризису, стало изменение мировой геополитической и геоэкономической ситуации во втором десятилетии XXI века. В частности, это нашло свое выра-

жение в образовании новой конкурентной среды. В число мировых экономических лидеров кроме США, Японии и ЕС вошли так называемые растущие экономические гиганты – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР (БРИКС). В этих условиях ЕС требуется усиление внутренней консолидации, однако вышеперечисленные обстоятельства этому препятствуют. Кроме того, намерения Белоруссии, Казахстана и России преобразовать Таможенный союз ЕврАзЭС в аналогичный формат глобального региона – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), – вызвало крайнее недовольство и серьезные опасения со стороны европейских соседей. Результатом стал украинский кризис конца 2013–2014 года, когда Европейский союз фактически поставил Украину перед жестким выбором: европейская интеграция или евразийская. Это привело к внутреннему расколу украинского общества, потери части территории и политической катастрофе.

Азиатско-Тихоокеанская модель. Выделение глобального региона АТР как обособленного геополитического пространства основано на океанической (морской) концепции, поскольку именно значимость Тихого океана определяет возникновение определенной общности или, хотя бы, общего интереса у государств, зависящих от его ресурсов. В этом состоит главное его отличие от европейского региона: если в случае с последним в основном идут споры о включении или невключении в его состав отдельных государств, но реальность самого региона не вызывает сомнений, то в случае с АТР возникает вопрос об искусственности выделения самого региона, так как слишком разнороден состав его участников.

Форум Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества представляет собой уникальное явление в современной мировой политике. Во-первых, необычным является принцип объединения – географическое расположение в бассейне Тихого океана (единственным относительно похожим примером является проект создания Средиземноморского Союза, предложенный Францией), что обуславливает включение в состав Форума государств, находящихся на четырех разных континентах. Этим же объ-

4 Zielonka J. Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union. / Zielonka J. [Электронный ресурс]. – Режим доступ: <http://www.wilsoncenter.org/publication/326-europe-empire-the-nature-the-enlarged-european-union>

ясняется другое обстоятельство – в АТЭС входит целая совокупность стран, претендующих на значительную роль в процессе глобального управления (США, Россия, КНР, Япония и т.д.).

АТЭС – нетипичная международная региональная организация, это фактически форум «экономик» региона, кроме того, ведущая роль в интеграционных процессах принадлежит ТНК – развитие экономических связей за счет внутрифирменной торговли ТНК. Политика «открытого регионализма» составляет суть региональной интеграции, подразумевая отсутствие дискриминации в отношении своих членов, т.е. члены АТЭС могут участвовать в различных интеграционных проектах.

«Открытый» азиатский регионализм, в отличие от «закрытых» моделей интеграции (по типу Евросоюза), рассматривается как этап на пути интеграции в глобальную экономику. При этом политика «открытого» регионализма позволяет государствам-членам одновременно участвовать в нескольких интеграционных группировках⁵, что создает основу для мировых интеграционных процессов и придает экономическим взаимодействиям государств сетевой характер. Важно подчеркнуть еще одно отличие азиатско-тихоокеанской модели от европейской – если для ЕС конечной целью интеграции является создание наднациональных политических структур, то пример АТЭС демонстрирует альтернативный вариант, где на первый план ставятся экономические интересы и цели интеграции, а сам процесс интеграции происходит не между национальными государствами, а между национальными экономиками. Именно поэтому среди участников АТЭС наряду с Китаем присутствуют Тайвань и Гонконг. Важной характеристикой стратегии развития АТЭС является ключевая роль бизнес-структур, которые фактически определяют строительство интеграционного здания АТЭС (интеграция «снизу»).

⁵ Единое экономическое пространство: Возможности интеграции со стороны бизнеса и «открытого регионализма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alebedev.ru/media/593.html?print=1> [Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo: Vozmozhnosti integratsii so storony biznesa i «otkrytogo regionalizma» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.alebedev.ru/media/593.html?print=1>]

Евразийская модель? Современное евразийское пространство (учитывая сосредоточение экономической мощи, демографических ресурсов, углеводородных запасов, а также военно-политических потенциалов государств) становится в условиях XXI века одним из главных центров мировой и региональной политики, где разворачивается активная конкурентная борьба между США, Россией, Евросоюзом и Китаем за доминирующую роль в управлении интеграционными трендами на этом пространстве⁶.

В отличие от Европы в условиях новой геополитической и геоэкономической глобальной ситуации на евразийском пространстве наметилась противоположная тенденция: «шок от глобальной нестабильности (нанесший болезненный удар и по Казахстану, первым на постсоветском пространстве ощутившему волну кризиса уже в 2007 г., и по Белоруссии, двумя годами позже вынужденной пойти на масштабную девальвацию своей валюты, и по России) сблизил постсоветские страны»⁷, что стало первым серьезным толчком к интенсификации неоевразийской интеграции. Другими словами Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. поспособствовал активизации интеграционных процессов на постсоветском/неоевразийском пространстве и подтолкнул к необходимости выработки новой модели интеграции.

Объективными условиями, способствующими формированию Евразийского экономического союза (ЕАЭС, 2015), можно считать следующие факторы:

– Толчком к созданию Евразийского со-

⁶ Ирхин А. Реинтеграция постсоветского пространства: условия, теоретическое осмысление, возможные сценарии. / А.Ирхин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusprostranstvo.com/article/view/337> [Irkhin A. Reintegratsiia postsovetского prostranstva: usloviia, teoreticheskoe osmyslenie, vozmozhnye stsennarii. / A.Irkhin. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostup: <http://rusprostranstvo.com/article/view/337>]

⁷ Винокуров Е.Ю. Постсоветский интеграционный прорыв. Почему Таможенный союз имеет больше шансов, чем его предшественники. / Винокуров Е.Ю., Либман А.М. // Россия в глобальной политике. - 2012. - Том 10. - №2. - С.33–42. [Vinokurov E.Iu. Postsovetiskii integratsionnyi proryv. Pochemu Tamozhennyi soiuz imeet bol'she shansov, chem ego predshestvenniki. / Vinokurov E.Iu., Libman A.M. // Rossiia v global'noi politike. - 2012. - Tom 10. - №2. - S.33-42.]

юза стал противоречивый *опыт двадцатилетней дезинтеграции на постсоветском пространстве*. Если ЕС создавался на базе давно сложившихся и реально функционирующих национальных государств, то государства, которые возникли на «обломках» СССР нуждались в определении своей новой независимой от советской национальной идентичности. Поэтому им понадобилось два десятилетия и смена поколений для того, чтобы подойти к интеграции на постсоветском пространстве с прагматических позиций, в основу которых легли принципы экономической выгоды.

– Причиной создания Евразийского экономического союза стала *необходимость эффективного включения в мировое экономическое пространство*, но не в качестве сырьевых придатков и периферийных государств, а как элементов единого глобального региона, обладающего большим экономическим и технологическим потенциалами в условиях информационного общества.

– Создатели ЕАЭС стремятся также *выработать особую мировоззренческую модель*, учитывающую демократические процедуры, уважение прав народов, scrupulous учет культурных, языковых и этнических особенностей всех участников интеграции на евразийском пространстве. Идея евразийства в этом контексте рассматривается как «философия интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе, без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы»⁸.

– В основе неоевразийской интеграции лежит *идея о построении многополярного мира*, с чем и согласуется геополитический проект – Евразийский экономический союз. Фактически современный многополярный мир представляет собой систему глобальных регионов, что, означает «формирование региональных центров экономического, политического и культурно-цивилизационного

характера»⁹. В этом отношении пространство, на котором создается Евразийский экономический союз, всегда было центром сложно структурированной взаимосвязи и взаимодействия многочисленных народов евразийского континента. Последние десятилетия XX века и нулевые годы XXI века отмечены центробежными тенденциями, что негативно сказывается на политическом и экономическом состоянии государств, возникших именно в результате дезинтеграции СССР. Поэтому в современных условиях второго десятилетия XXI века необходимо сделать соответствующие шаги навстречу друг другу, чтобы не лишиться акторности в мирополитических и мироэкономических процессах.

Согласно проекту договора о ЕАЭС, на территории трех стран поэтапно устанавливается режим свободного передвижения товаров, капиталов, рабочей силы, услуг, а также равный доступ к транспортной и энергетической инфраструктуре и общие правила таможенно-тарифного регулирования. Предполагается также передача отдельных полномочий наднациональным органам Союза, что, по словам создателей, не наносит абсолютно никакого ущерба суверенитету трех стран¹⁰.

Создатели ЕАЭС ориентируются главным образом на модель Европейского союза (как структурно, так и концептуально). Однако, с учетом современного состояния «европейской» модели сложно говорить о ее универсальности и вневременной эффективности. Кардинальная трансформация политической карты Евразии в начале XXI века отмечена процессами поиска оптимальной модели развития всеми странами (от стран Балтии до Монголии), которые на очередном витке истории оказались в со-

⁸ Дугин А. Евразийская миссия Н.Назарбаева / А.Дугин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evrazia.org/FTP/1-288_polosi.pdf [Dugin A.Evraziiskaia missiia N.Nazarbaeva / A.Dugin. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://evrazia.org/FTP/1-288_polosi.pdf]

⁹ Зеленева И.В. Исследование роли региональной компоненты в формировании внешней политики Российской Федерации. / И.В.Зеленева, Маркушина Н.Ю., Церпицкая О.Л. - СПб, 2009. - С.56. [Zeleneva I.V. Issledovanie roli regional'noi komponenty v formirovanii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. / I.V.Zeleneva, Markushina N.Yu., Tserpitskaia O.L. - SPb, 2009. - S.56.]

¹⁰ Досье на проект Договора о Евразийском Экономическом Союзе (май 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online.zakon.kz> [Dos'e na proekt Dogovora o Evraziiskom Ekonomicheskom Soiuze (mai 2014 goda) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://online.zakon.kz>]

стоянии модернизационного прессинга: или влиться в интеграционное русло вестернизации, или выстраивать евразийскую интеграционную стратегию. Поэтому, учитывая вышеописанное кризисное состояние «европейской» модели интеграции, для формирующегося Евразийского экономического союза, на наш взгляд, важно разработать собственную модель интеграции, где будут учтены как плюсы, так и минусы «европейской», а также «азиатско-тихоокеанской» моделей.

Таким образом, второе десятилетие XXI века отмечено большим динамизмом в реализации глобальных проектов интеграционной направленности в различных регионах мира.

Многозначность региональных трансформаций находит отражение в появлении наднациональных структур, развитии принципа трансграничности и транснациональности, стремлении создать многовекторные основания для интеграции. Указанные тенденции находят свое воплощение в появлении новых мирополитических феноменов – *глобальных регионов* и, как результат, наблюдается выход региональной политики на общемировой уровень. Следовательно, справедливо утверждать, что современной тенденцией мирового развития является укрепление новых центров силы, в том числе глобальных регионов, которые постепенно превращаются в ключевые элементы мировой системы XXI века.

Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века

Мария Львовна Лагутина, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений
E-mail: manipolis@hotmail.com, +7(921)982-51-58

***Аннотация.** Одной из ведущих тенденций современного развития является трансформация пространственных координат мировой политики, изменение геополитического ландшафта мировой системы XXI века в результате двух процессов – глобализации и регионализации. В результате происходит укрепление новых центров силы, в том числе глобальных регионов, которые постепенно превращаются в ключевые элементы мировой системы XXI века.*

***Ключевые слова:** регион, регионализация, глобализация, мировая политика*

Global region as a unit of world political system of the XXI century

Maria L'vovna Lagutina, Saint Petersburg State University, PhD (Cand.Polit.Sc.), Associate Professor at the Department of World Politics, School of International Relations
E-mail: manipolis@hotmail.com, +7(921)982-51-58

***Abstract.** One of the major tendencies of today's world development is a transformation of special coordinates of world politics, shifting geopolitics of the XXI century world system as a result of two processes: globalization and regionalization. This entails the consolidation of new centers of power including global regions which are transforming into key units of world politics of the XXI century.*

***Key words:** region, regionalization, globalization, world politics*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И РАСКОЛЫ ДОМИНАНТНЫХ ПАРТИЙ*

О.Дж. Рейтер, Дж.Ганди

В последние годы специалисты в области сравнительной политологии уделяют повышенное внимание изучению разнообразия авторитарных режимов¹. Одним из важнейших типов авторитарного режима является режим с доминантной партией. Режимы с доминантной партией – это такие режимы, в которых диктаторы правят при поддержке доминантной партии, при этом сохраняется проведение многопартийных выборов. К характерным примерам режимов с доминантной партией можно отнести Зимбабве в период правления Зимбабвийского африканского национального союза – Патриотического фронта, Мексику в период правления Институционально-революционной партии, Тайвань в период правления «Гоминьдана», Сенегал в период правления Социалистической партии и Парагвай в период правления партии «Колорадо».

¹ Bratton M., Van de Walle N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // *World Politics*. – Washington, D.C., 1995. – Vol. 46, No. 4. – pp. 453–489; Geddes B. [Geddes, 1999a] *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument* (prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf (date of access: 05.04.2014); Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships // *Economics & Politics*. – Oxford, 2006. – Vol. 18, No. 1. – pp. 1–26; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, N 4-5. – pp. 715–741; Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 2008. – Vol. 52, No. 2. – pp. 322–343.

* *Reuter O.J., Gandhi J. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties*. – *British Journal of Political Science*. – London, 2011. – Vol. 41, - No. 1. – P. 83–110.

Описываемые институты режима с доминантной партией (выборы и однопартийное доминирование) обеспечивают режиму возможности для распределения патронажа, получения информации, кооптации элит и консолидацию сторонников режима². Последняя функция этих институтов навела ряд учёных на мысль, что партийные режимы и в особенности устойчивые формы авторитарных режимов способны сохранять монолитность в условиях неблагоприятных ситуаций, таких как, экономические кризисы³. Но те же институты, обеспечивающие преимущества для режима, могут также иметь непредвиденные и нежелательные последствия для авто-

² Huntington S.P. *Social and Institutional Dynamics of One-Party Systems* // *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-party Systems* / Huntington S.P., Moore C.H. (eds.). – New York: Basic Books, 1970. – pp. 3–47; Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p; Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p

³ Geddes B. [Geddes, 1999a] *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument* (prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf (date of access: 05.04.2014); Slater D. *Iron Cage in an Iron Fist: Authoritarian Institutions and the Personalization of Power in Malaysia* // *Comparative Politics*. – Chicago, IL, 2003. – Vol. 36, No. 1. – pp. 81–101; Smith B. *Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule* // *World Politics*. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, No. 3. – pp. 421–451; Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.

ритарных правителей. Эти режимы рушатся и часто они рушатся во время выборов, когда ключевые акторы перестают быть молчаливыми попутчиками режима. Одним из достаточно простых и очевидных вариантов, который может подорвать устойчивость режима через выборы, является уход ключевых членов доминантной партии с партийных должностей и переход на сторону конкурентов режима на выборах. Даже когда такие перебежчики не побеждают инкумбента и непосредственно не инициируют смену режима, их переход на сторону оппозиции может выступать определяющим событием в жизни партий, вынуждающих инкумбентов изменить их стратегию правления.

Мы полагаем, что экономическое развитие может стимулировать принятие потенциальными перебежчиками решений том, следует ли покидать режимную партию. Неудовлетворённые члены партии уходят в период экономического кризиса с намерением получить выгоду из общественного и элитного недовольства режимом, надеясь преуспеть в борьбе с инкумбентом на выборах. Наша основная гипотеза состоит в том, что слабое экономическое развитие должно подталкивать элиты к уходу из доминантных партий и борьбе против режима на выборах. Мы проверяем нашу гипотезу, используя оригинальную базу данных, включающую 227 релевантных выборов во всех режимах с доминантной партией с 1946 по 2004 год. Зависимая переменная – отражает измерение раскола. Наши результаты согласуются с нашими гипотезами, даже в части важных контрольных переменных. Для подтверждения наших предположений мы анализируем два случая однопартийного доминирования в Турции в Зимбабве, в которых раскол элит произошёл в ходе авторитарных выборов. Данные о механизмах, лежащих в основе связи между состоянием экономики и расколом элит, могут предоставить как исторические, так и современные случаи.

В этой статье мы вносим вклад в существующую литературу по нескольким направлениям. Во-первых, мы вносим вклад в литературу по авторитарным режимам, как целостность доминантных партий уязвима перед экзогенными шоками. В этих режимах

коалиции элит являются не только результатом выраженной непобедимости партии или институциональных норм, ограничивающих и канализирующих внутриэлитные конфликты, но и результатом экономического развития. Во-вторых, это исследование вносит вклад в литературу по демократизации. В этой статье мы *не* анализируем взаимосвязь между экономическим кризисом и демократическим транзитом, но мы *делаем* первое эмпирическое рассмотрение одного из возможных причинных механизмов, обуславливающих устойчивую корреляцию между экономическим ростом и транзитом⁴. В этой связи мы выходим за пределы существующей литературы по транзитам, которая делает акцент на сплоченности элиты как необходимом условии для обеспечения выживаемости авторитарного режима через установление экзогенных факторов, которые обуславливают эту сплоченность в первом приближении⁵.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОМИНАНТНЫХ ПАРТИЙ И РАСКОЛОВ ЭЛИТ В ЛИТЕРАТУРЕ

Правящие партии и институты служат для ограничения конфликта элит через кооптацию больших групп в рамках общества. Как следствие партийные режимы являются более долговечными по сравнению с другими типами авторитарных режимов⁶. При этом

⁴ Gasiorowski M. Economic Crisis and Political Regime Change: An Event History Analysis // American Political Science Review. – Washington, D.C., 1995. – Vol. 89, No. 4. – pp. 882–897; Geddes B. [Geddes, 1999a] Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument (prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf (date of access: 05.04.2014).

⁵ O'Donnell G., Schmitter P.C. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 p.; Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – New York: Cambridge University Press, 1991. – 210 p.; Haggard S., Kaufman R.R. The Political Economy of Democratic Transitions. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.

⁶ Geddes B. [Geddes, 1999a] Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument (prepared for presentation at the annual meeting of the American

партийные режимы имеют ярко выраженные различия по степени выживаемости: эмпирические модели объясняют это через поведение как оппозиционных партий, ведущих борьбу против доминантных партий на выборах в условиях функционирования авторитарного режима⁷, так и членов доминантной партии, роль которых является центральной для деятельности правящих партий⁸. Партийные режимы чаще всего оказываются под угрозой, когда их члены получают стимулы к уходу из правящей партии. Расколы напрямую ведут к прекращению существования партии в прежнем виде или дают сигнал другим ключевым акторам (например, оппозиции или военным) о том, что режим является слабым или даже может вызвать нелиберальные изменения в стратегии режима.

Что мы знаем о расколах? Какие условия делают более вероятным уход из режимной партии? Многие предположения на этот счет были сформированы в рамках литературы по демократизации. Сплоченность элит используется как объясняющий фактор в исследованиях демократического транзита⁹. В конце 1990-х годов литература по транзитам критиковалась за излишнее доверие к конструкту сплоченности элит, который был непостоянным при изменении

контекста¹⁰. Внимание было направлено на определение второстепенных факторов, которые способствуют усилению сплоченности элит. Трещины в элите в большинстве случаев возникают под влиянием материальных условий: экономический кризис или разрушительные конфликты делают уход из режимной партии более привлекательным¹¹.

Позднее в работах по правящим партиям в авторитарных государствах также началось изучение важности раскола элит. Единство элит в партийных режимах поддерживается через прочность партийных институциональных связей или через другие механизмы такие, как кажущаяся непобедимость партий на выборах, ее способность распределять патронаж и ее способность использовать принуждение для предупреждения ухода членов партии¹².

Для эмпирического изучения этих предположений ученые применяют две стратегии. Первый подход состоит в исследовании механизмов – условий, при которых происходит раскол и их влияния на стабильность режима – через подробное изучение отдельных случаев. Рассмотрим хорошо известный пример К.Карденаса в Мексике. После пятилетия экономической стагнации и перестройки в начале и середине 1980-х годов крыло институциональной революционной партии стало выступать за сворачивание программ жесткой экономии, наложенных Международным валютным фондом (МВФ), и возврат к государственным и популистским ис-

Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf date of access: 05.04.2014); Smith B. Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule // *World Politics*. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, No. 3. – pp. 421–451.

⁷ Eisenstadt T.A. Courting Democracy in Mexico: Party Strategies and Electoral Institutions. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 376 p.; Greene K.F. Why Dominant Parties Lose?: Mexico's Democratization in Comparative Perspective. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 350 p.

⁸ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, No. 4-5. – pp. 715–741.

⁹ O'Donnell G., Schmitter P.C. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 p.; Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – New York: Cambridge University Press, 1991. – 210 p.

¹⁰ Bratton M., Van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 307 p.; Bunce V. Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Post-Communist Experience // *World Politics*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 55, No. 2. – P. 167–192.

¹¹ Haggard S., Kaufman R.R. The Political Economy of Democratic Transitions. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.; Wood E.J. Forging Democracy from Below: Insurgent Transitions in South Africa and El Salvador. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 247 p.

¹² Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Brownlee J. Authoritarianism in the Age of Democratization. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, No. 4-5. – pp. 715–741.

токал Институционально-революционной партии¹³. Эта фракция Институционально-революционной партии, названная демократическим движением, объединилась вокруг фигуры К.Карденаса, сына одного из наиболее популярных президентов Мексики Л. Карденаса, который был одним из отцов-основателей Институционально-революционной партии. С приближением президентских выборов 1988 года демократическое движение и К.Карденас осознали возможность бросить вызов режиму в условиях экономического кризиса. Как свидетельствует Дж.Лангстон, «демократическое движение быстро убедилось в том, что может получить поддержку, как со стороны режима, так и со стороны общества в силу семи лет кризиса и его негативного влияния на граждан страны»¹⁴. Таким образом, в начале 1988 года ключевые члены демократического движения вышли из Институционально-революционной партии и вступили в коалицию партий Национальный Демократический Фронт, которая вскоре после этого выдвинула К. Карденаса кандидатом на президентских выборах 1988 года. Магалони отмечает, что раскол Институционально-революционной партии в 1988 году, произошедший впервые с 1952 года, стал результатом того, что потенциальные перебежчики ожидали лучшие электоральные перспективы вне рамок правящей партии¹⁵. Как показала история, они были правы в этой оценке. К.Карденас получил 31% голосов на выборах – больше, чем любой другой оппозиционный кандидат в истории Мексики, хотя большинство исследователей согласно с тем, что Институционально-революционная партия прибегала к использованию массовых фальсификаций для того, чтобы обеспечить себе победу на выборах. Хотя Институционально-революционная партия сохраняла президентский пост вплоть до 2000 года, раскол партии, связанный с К. Кар-

денасом, послужил поворотным моментом в истории Институционально-революционной партии, что продемонстрировало уязвимость режима, придало смелости оппонентам и сократило базу поддержки Институционально-революционной партии. Очевидно, расчет К. Карденаса, что он может достичь большего, уйдя из правящей партии и конкурируя с режимом, был в значительной степени предопределен экономическим кризисом, сотрясавшим страну в это время¹⁶.

Второй подход направлен на проверку значимости этих предположений через использование кросс-национальных данных для обеспечения подробных доказательств влияния механизма. Таким образом, предположение о том, что слабое экономическое развитие вызывает раскол в правящей элите, которые неизбежно ведут к разрушению режима, подтверждается надежными количественными доказательствами, взаимосвязи между экономическим кризисом и демократическим транзитом¹⁷.

В этой статье мы используем другой эмпирический подход, который заключается в изучении кросс-национальных данных, показывающих, как экономический кризис влияет на единство коалиции элит в одном из важнейших типов авторитарных режимов – режимов с доминантной партией¹⁸. Мы

¹³ Teichman J.A. Policy Making in Mexico: From Boom to Crisis. – Boston, MA.: Allen and Unwin, 1988. – 178 p.
¹⁴ Langston J. Breaking Out is Hard to Do: Exit, Voice, and Loyalty in Mexico's One-Party Hegemonic Regime // *Latin American Politics and Society*. – Coral Gables, FL, 2002. – Vol. 44, No. 3. – pp. 61–81.
¹⁵ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

¹⁶ Дж.Лангстон объясняет расколы элит как в Институционально-революционной партии в Мексике, так и в партии «Гоминьдан» на Тайване через усиление конкуренции на выборах и последовавшие за этим кризисы (Langston J. Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / Schedler A. (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – pp. 57–76). Анализируя тот же кейс, С.Хатгард и Р.Кауфман не выявили связи между кризисом и расколом элит в авторитарных режимах с доминантной партией, но при этом они содержательно и основываясь на анализе отдельных случаев, доказали наличие такой зависимости в военных режимах в Латинской Америке (Haggard S., Kaufman R.R. The Political Economy of Democratic Transitions. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.).

¹⁷ Gasiorowski M. Economic Crisis and Political Regime Change: An Event History Analysis // *American Political Science Review*. – Washington, D.C., 1995. – Vol. 89, No. 4. – pp. 882–897; Boix C., Stokes S.C. Endogenous Democratization // *World Politics*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 55, No. 4. – pp. 517–549.

¹⁸ Вместе с тем, мы провели отдельный анализ, который показал положительное влияние расколов на вероятность потери власти доминантной партией.

проверяем нашу гипотезу, используя оригинальный набор данных, который включает 227 выборов во всех режимах с доминантной партией в течение поствоенного периода. В использовании этого подхода мы предпринимаем попытку совместить достоинства механизмов непосредственного изучения, а также данные и инструменты анализа универсальности наших предположений. В рамках применения этого подхода мы предпринимаем попытку обнаружить систематическое подтверждение взаимосвязи между сплоченностью элиты, экономическим ростом и выживаемостью авторитарного режима. Наконец, установив, что слабое экономическое развитие связано с расколом правящей партии, мы выдвинем широкое теоретическое предположение: хотя доминантные партии представляют собой институты, которые удерживают конфликт элит для укрепления авторитарного правления, эффективность этих институтов в управлении элитами значительно различается, так как зависит от внешних обстоятельств.

Хотя расколы элит происходят не только в рамках режимов доминантной партии, мы концентрируемся на анализе этого типа режимов по двум причинам. Одна причина является операциональной, она состоит в том, что раскол правящей партии во время выборов позволяет сформировать четкое, измеряемое и систематическое кодирование зависимой переменной. Другая причина является в большей степени содержательной: динамика раскола режимов с доминантной партией может быть уникальной в том, что они выстраивают институты, в рамках которых элиты и массы могут формировать свои ожидания относительно стратегий и поведения. Специалисты по электоральному и соревновательному авторитаризму подчеркивают важность выборов для сохранения власти диктаторами¹⁹. Как отмечает Браунли, эмпирическое доказательство является неоднозначным: иногда выборы помогают укрепить авторитарное правление, при этом в других случаях способствуют разрушению

режимов²⁰. Браунли утверждает, что в этой связи решающее значение имеет сильная правящая партия: выборы могут укрепить авторитарное правление при наличии доминантной партии и подорвать его в случае отсутствия такой партии. Рассматривая только партийные системы с доминантной партией, мы утверждаем, что способность выборов укрепить режим также зависит от удовлетворительного развития экономики.

РЕЖИМЫ С ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИЕЙ: ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СТРАТЕГИИ ЭЛИТ

Режимы с доминантной партией – это такие авторитарные режимы, в которых одна партия занимает большинство важных политических должностей, осуществляет властные полномочия по определению политики в различных сферах и распределение патронажа, а также использует привилегированный доступ к государственным ресурсам или выходящие за рамки конституции возможности для доминирования в условиях проведения конкурентных выборов²¹. Это определение тесно согласуется с некоторыми другими определениями в литературе²². В операциональном отношении это означает, что доминантные партии существуют в условиях, когда режим является авторитарным, члены парламента выбираются на конкурентных выборах и правящая партия контролирует абсолютное большинство в единственной или основной палате парламента. Контроль большинства членов парламента проводит операциональ-

²⁰ Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.

²¹ Мы используем термины «господствующая партия» и «доминантная партия» как синонимы.

²² Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. – New York: Cambridge University Press, 1976. – 383 p.; Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Greene K.F. *The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance* // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, No. 7. – pp. 807–834.; Reuter O.J., Remington T.F. *Dominant Party Regimes and the Commitment Problem. The Case of United Russia* // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2009. – Vol. 42, No. 4. – pp. 501–526.

¹⁹ Levitsky S., Way L.A. *The Rise of Competitive Authoritarianism* // *Journal of Democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, No. 2. – pp. 51–65.; Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / Schedler A. (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – 267 p.

ное разделение между теми инкументами, кто вкладывается в организованные институты кооптации и мобилизации бюрократии и теми, кто стремится подкупить сторонников и/или конкурировать с оппонентами на основе *ad hoc*. Точка разделения 50% предполагает установление не только электорального доминирования партии, но и степени влияния партии. Значение ниже 50% является невозможным, так как это означало бы контроль менее половины мест в парламенте и сделало бы неосуществимым принятие собственных законодательных инициатив без привлечения поддержки других партий. Наоборот, уровень выше 50% является слишком ограничивающим, так как это уничтожило бы режим с доминантной партией как таковой, который функционирует в условиях наличия сильных, но разделенных, оппозиционных партий (таких, как Кенийский Африканский Национальный Союз в Кении после 1992 года)²³.

Некоторые определения доминантных партий включают критерий долговечности²⁴. Мы намеренно не используем число лет нахождения у власти правящих партий как часть нашего определения по ряду причин. Во-первых, долговечность и уровень структурирования политики доминантной партией – это два различных концепта, даже если срок правления часто выступает операциональным индикатором последнего. Во-вторых, даже если долговечность и институциональная сила партии тесно переплетены друг с другом, то вопрос выбора критерия долговечности становится вопросом выде-

ления переменной длительности (например, срок правления). Отнесение к доминантным партиям тех партий, которые остаются у власти без учета определенной временной границы только затуманивает переменную длительности правления. Наконец, в силу того, что нашей зависимой переменной является раскол элит, которая может быть концептуально связана с длительностью правления доминантной партии, она становится потенциально тавтологической для включения критерия долговечности в определение доминантных партий²⁵.

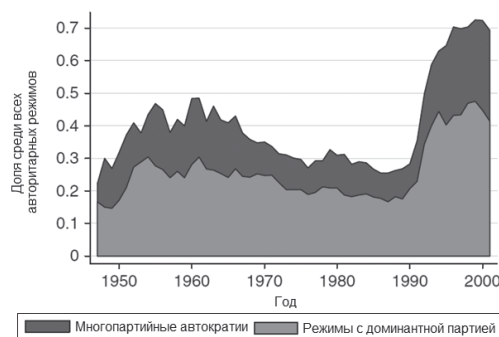

Рис. 1. Многопартийные автократии и режимы с доминантной партией в мире

Это распределение оставалось стабильным до 1990-х годов, когда доля режимов с доминантной партией в структуре авторитарных режимов взлетела до 35%. По состоянию на 2002 год режимами с доминантной партией являются около половины всех авторитарных режимов в мире. Режимы с доминантной партией в течение большинства лет составляли около 60% всех многопартийных автократий в мире.

Совокупность доминантных партий в мире сегодня включает большое число общепризнанных и хорошо изученных партий таких, как Национальная Демократическая Партия в Египте, Зимбабвийский Африкан-

²³ Несмотря на то, что мы имеем теоретические основания точки разделения 50%, мы также проверяем, влияет ли выбор точки разделения на наши результаты через включение в статистический анализ эффекта взаимодействия между экономическим ростом и долей мест в парламенте, контролируемых доминантной партией. В большей степени, чем это налагает критерий «Ex ante», мы предусматриваем возможность данным сообщить нам о том, влияет ли выбор точки разделения на результаты. Обсуждаемые результаты показывают, что численность парламентского большинства доминантной партии не обуславливает влияние роста на расколы.

²⁴ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Greene K.F. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, No. 7. – pp. 807–834.

²⁵ Вместе с выбором точки разделения в отношении доли мест в парламенте, контролируемой доминантной партией, мы проверяем, влияет ли на результаты долговечность, тем самым обосновывая её в качестве критерия через включение в статистический анализ эффекта взаимодействия между длительностью правления и ростом. Мы обнаруживаем, что продолжительность существования доминантной партии не оказывает значительного влияния на содержательные результаты.

ский Национальный Союз – Патриотический Фронт в Зимбабве и Партия Народного Действия в Сингапуре. Но она также включает большое число «новых» доминантных партий, таких, как «Нур Отан» в Казахстане и Камбоджийская Народная Партия в Камбодже. Кроме того, некоторые из наиболее известных недавно возникших авторитарных режимов используют доминантные партии как стратегии правления. В России режим В. Путина предпринял много усилий для укрепления прокремлевской политической партии «Единая Россия»²⁶. В 2007 году Народная Демократическая Партия Нигерии способствовала осуществлению передачи исполнительной власти от О.Обасанджо к У.Яр-Адуа. Режимы с доминантной партией становятся все более распространенными среди диктатур.

Доминантные партии предоставляют целый ряд преимуществ как их лидерам, так и другим элитам. Доминантная партия может выступать как: (1) инструмент кооптации латентных союзников и привязки существующих сторонников к режиму, (2) механизм создания потока патронажа и распределения политических должностей и превращение этих процессов в рутинное дело, (3) механизм обеспечения информации и/или аппарата для управления парламентом. Институциональные связи правящей партии способствуют расширению временных горизонтов элит, тем самым делая эти режимы единственно устойчивыми к расколам и увеличивая срок их существования. Также, как и партии выборы предоставляют большое число преимуществ для руководителей режима. Кроме обеспечения инструментов кооптации, выборы также предоставляют режиму возможности установить доминирование в публичном пространстве, тем самым предупреждая расколы элит и вызовы со стороны третьих партий.

Лояльность партии поддерживается не только факторами, являющимися внутренними по отношению к структуре институтов режима, но и внешними изменениями, которые влияют на соотношение издержек и

преимуществ элит, связанных с их пребыванием в партии, таких, как успешность развития экономики. Более того, выборы дают возможности, с помощью которых элиты, на основе их расчетов, решают оставаться вместе или уходить из режимной партии. Мы утверждаем, что такие режимы более уязвимы к расколам во время выборов, когда наблюдается негативное состояние экономики. Также выборы представляют членам партии наиболее реальную возможность для выражения своего несогласия с режимом.

Что побуждает часть членов партии принять решение о выходе из организации? Иными словами, какие преимущества принесет выход? Для тех, кто принципиально уходит в оппозицию против режима, выход из правящей коалиции для борьбы с режимом на выборах может представлять надежду на изменение режима. Это может произойти в случае, если потенциальные перебежчики ожидают, что инкубенты настолько уязвимы, что они будут неспособны «украсть выборы». Кроме того, если потенциальный перебежчик уходит из правящей партии для того, чтобы стать авторитетным оппонентом режима, он имеет шанс получить политическую власть для самого себя. Перебежчик может победить в борьбе за политический пост на выборах или заключить сделку по разделению власти с более конкурентоспособными оппозиционными кандидатами, ищущими поддержки со стороны перебежчиков. В Кении, например, Р.Одинга вышел из правящей коалиции, чтобы поддержать оппозиционного кандидата М.Кибаки на выборах 2002 года. В свою очередь Р.Одинге был обещан пост премьер-министра в случае победы М.Кибаки на президентских выборах²⁷.

Даже если смена власти является отдаленной перспективой, перебежчики могут выйти из партии, если партия предпринимает действия в ответ на их поступки. В этом случае раскол может быть угрозой для достижения компромисса. В Малайзии, например, некоторые лидеры диссидентской фракции,

²⁶ Reuter O.J., Remington T.F. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem. The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2009. – Vol. 42, No. 4. – pp. 501-526.

²⁷ Kasara K. A Prize Too Large to Share: Opposition Coalitions and the Kenyan Presidency, 1991–2002: Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, 2005.

которая впоследствии была названа «Семангат 46», были переманены обратно в Объединенную Малайскую Национальную Организацию с предоставлением правительственных должностей и обещанием реформ²⁸.

Для увеличения преимущества потенциальным перебежчикам нужно успешно участвовать в выборах. Показателем того, что потенциальный перебежчик представляет угрозу режиму, является процент голосов, набранных им на выборах. Высокий процент голосов на выборах свидетельствует о значительной поддержке оппозиции, несмотря на попытки манипулирования результатами выборов со стороны режима. Но для того, чтобы добиться большего успеха на выборах, потенциальные кандидаты должны согласовывать свои программные позиции с избирателями. Они должны предвидеть, какие проблемы могут мобилизовать избирателей для выражения их недовольства политикой инкубентов и, в свою очередь, поддержки потенциальных перебежчиков. Иначе их участие в выборах скорее всего окажется неудачным в том, что они понесут издержки противостояния режиму, но при этом не получат почти никаких преимуществ.

Экономическое развитие является одним из вопросов, вокруг которого оппоненты режима могут мобилизовать поддержку на выборах. Одна причина, по которой развитие экономики имеет большое значение, заключается в том, что экономика определяет размер благ, которые могут быть распределены среди избирателей. Повышающийся рост совокупного дохода позволяет режиму направить больше ресурсов на покупку голосов. Кроме того, исследование политических бизнес-циклов в недемократических режимах показывает, что авторитарные инкубенты используют фискальные и монетарные инструменты для обеспечения победы на выборах. В Египте, например, кандидаты Национальной Демократической партии предлагали бедным городским жителям наличные деньги и другие преимущества, в то время как правительство предоставляло бонусы государственному сектору, повышало пенсии и

проводило девальвацию валюты для увеличения ресурсов, направляемых на покупку голосов²⁹. В трудные времена, когда режим имеет относительно мало ресурсов в своем распоряжении, эти инструменты могут исчезать, создавая окно возможностей для потенциальных конкурентов режима на выборах.

Кроме того, потенциальные конкуренты режима могут использовать то обстоятельство, что экономическое развитие влияет на оценку компетентности режима избирателями³⁰. Действительно, способность режимных партий обеспечивать успешное экономическое развитие должна занимать значительное пространство в политических дискуссиях, поскольку задача модернизации (особенно ее экономический аспект) стала выступать основным оправданием их доминирования. Члены режимной партии предполагали «сыграть активную предпринимчивую роль в формировании новых идей, создании сетей коммуникаций для этих идей и в обеспечении связи между обществом и элитой в том, как власть создается, мобилизуется и осуществляется»³¹. Для того, чтобы выполнить эти функции, другим партиям необходимо было играть в основном вспомо-

²⁸ Singh H. Political Change in Malaysia: The Role of Semangat 46 // *Asian Survey*. – Berkeley, CA, 1991. – Vol. 31, No. 8. – pp. 712–728.

²⁹ Blaydes L. Electoral Budget Cycles under Authoritarianism: Economic Opportunism in Mubarak's Egypt (prepared for the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, 2006). – 24 p. – Mode of access: http://www.nyu.edu/gsas/dept/politics/seminars/blaydes_f06.pdf (date of access: 05.04.2014).

³⁰ Несмотря на то, что в литературе по экономическому голосованию ведутся споры по этому вопросу, к настоящему времени всё же доказано, что избиратели оценивают инкубентов, основываясь на функционировании экономики. Lewis-Beck M.S. *Economics and Elections: The Major Western Democracies*. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988. – 183 p.; Remmer K. The Political Impact of Economic Crisis in Latin America in the 1980s. // *American Political Science Review*. – Washington, D.C., 1991. – Vol. 85, No. 3. – pp. 777–800.; Bingham Powell G., Jr., Whitten G. A Cross-National Analysis of Economic Voting: Taking Account of the Political Context // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 1993. – Vol. 37, No. 2, pp. 391–414.; Pacek A., Radcliff B. The Political Economy of Competitive Elections in the Developing World // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 1995. – Vol. 39, No. 3. – pp. 745–759.; Duch R.M., Stevenson R. *Economic Vote: How Political and Economic Institutions Condition Election Results*. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 399 p.

³¹ Apter D.E. *The Politics of Modernization*. – Chicago: University of Chicago, 1965. – 481 p.

гательную роль для содействия собственной организации режима. Как самостоятельно поставленная цель, рост материального благосостояния граждан может рассматриваться в качестве критерия, по которому избиратели оценивают доминантные партии. Экономический спад может дать толчок элитам к выходу из режимной партии: слабое экономическое развитие ведет к потере патронажа и неожиданному появлению различий во взглядах на проведение политического курса. Но он также дает возможность членам элиты выйти из партии и при этом не уйти в небытие. Предвидя, что избиратели внимательно относятся к экономике и склонны голосовать против инкубентов, когда наблюдается негативная экономическая ситуация, члены партии, которые рассматривают возможность «дезертировать с корабля» будут в большей степени ориентированы на уход из партии в трудные времена. Таким образом, вследствие замедления роста доходов члены партии будут в большей степени склонны к уходу из партии и конкуренции с авторитарными инкубентами на выборах.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕОРИИ И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Разнообразие альтернативных теорий ведет к разным предположениям о связи между экономическим развитием и расколами доминантной партии. Первое предположение заключается в том, что раскол должен иметь положительную корреляцию с экономическим ростом. Это может происходить в случае, если избиратели становятся богаче, то они отказываются от клиентелизма, что характеризует их отношения с доминантной партией и переход к тому, что Магалони называет «идеологическими инвестициями» в другие партии³². Члены партии, предвидящие такое поведение части избирателей, будут в большей степени склонны к уходу из режимной партии в период экономического процветания.

Второе предположение состоит в том, что расколы и экономическое развитие

должны отрицательно коррелировать друг с другом. Это может происходить по причине того, что партийные институты поддерживают лояльность элит даже в неблагоприятное время. К.Грин обнаружил, что экономический рост имеет непостоянное и слабое влияние на электоральную поддержку режимов с доминантной партией³³. Или, как полагает Магалони, казалось бы неприступные электоральные позиции партий должны позволять ей предупреждать расколы элиты даже во время кризиса, потому что перебежчики в любом случае будут иметь небольшие шансы на победу³⁴. Другая возможность заключается в том, что в диктатурах и режимах, в которых отсутствует сменяемость власти, ограничиваются информационные потоки, избиратели имеют мало информации о программах позиций партий. В результате единственным информационным сигналом, которым могут руководствоваться избиратели в этом контексте, является измерение «за режим – против режима». Каждый, кто слишком сильно идентифицируется с режимом, будет иметь трудности в привлечении поддержки. Предвидя это, потенциальные перебежчики будут давать себе отчет в том, что они будут иметь небольшие шансы на успех при выдвижении на выборах против режима во время негативной экономической ситуации. В этом случае вероятность раскола не будет значительно различаться во время благоприятной и неблагоприятной экономической ситуации.

Мы полагаем, что экономическое развитие влияет на принимаемые элитами решения об уходе из доминантной партии, обусловленные их ожиданиями того, на сколько высокую поддержку они смогут получить со стороны граждан в случае конкуренции с инкубентами на выборах. В этой связи элиты принимают решения об уходе из доминантной партии с учётом прогнозирования поведения избирателей. Отрицательная корреляция между экономическим развитием

³² Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

³³ Greene K.F. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, No. 7. – pp. 807–834.

³⁴ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

ем и расколами будет подтверждать как это причинно-следственное предположение, так и три других предположения. Первое состоит в том, что экономический спад повлечет за собой сокращение ресурсов, распределяемых между элитами. Сокращение патронажа, обусловленное экономическим спадом, может склонить элиты к пересмотру решения о том, чтобы оставаться в доминантной партии. Мы полагаем, что этот механизм является неправдоподобным, потому что существует много эмпирических примеров, когда диктаторы продолжают осуществлять распределение ресурсов между элитами и военными даже во время крайней негативной ситуации для граждан. Действительно, научные работы по этой теме свидетельствуют об отрицательной корреляции между коррупцией и экономическим ростом³⁵, показывая, что даже во время негативной экономической ситуации политические и экономические элиты редко испытывают трудности.

Второе предположение состоит в том, что разногласия во взглядах на проведение политического курса и межличностные противоречия между высокопоставленными членами партии могут привести к расколу партии, возникновение которого более вероятно во время неблагоприятной экономической ситуации. Действительно, эти причины часто упоминаются в качестве непосредственных источников конфликтов в доминантных партиях. Противоречия по вопросам карьерного продвижения и назначений на должности могут возникать вне зависимости от состояния экономики. Разногласия во взглядах на проведение политического курса могут обостряться во время экономического кризиса, но они не увеличивают вероятность бегства из режимной партии, если, конечно, члены партии верят, что они смогут использовать их выход из партии для достижения изменений политического курса. Размер выигрыша потенциальных перебежчиков будет определяться тем, насколько высокую поддержку избирателей они смогут обеспе-

чить. Таким образом, экономические кризисы могут открывать для элит *возможность* для того, чтобы бросить вызов режиму в условиях усиления межличностных противоречий и разногласий во взглядах на проведение политического курса. Когда это происходит, логика нашей теории остается неизменной. Элиты будут рассчитывать на то, что они смогут извлечь выгоду из разочарования избирателей в режиме и с успехом бросят вызов режиму, когда наблюдается негативная экономическая ситуация.

Наконец, третьей возможностью является то, что корреляция между экономическим спадом и расколами может привести к обратной причинно-следственной связи: выход ключевых элит из правящей коалиции вызывает политическую нестабильность, которая, в свою очередь, отрицательно влияет на состояние экономики³⁶. Во многом это объясняется тем обстоятельством, что наше измерение экономического роста с запозданием реагирует на экономическое развитие до того, как произошел раскол. Но для того, чтобы в дальнейшем изучить эту возможность и рассмотреть микрооснования связи между экономическим развитием и расколами в целом, в последнем разделе мы обратимся к качественным случаям.

КРОСС-НАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Главный вызов для анализа связи между расколами элит и экономическим развитием состоит в проблеме систематического определения, что представляет собой раскол элит как таковой. Под расколом мы понимаем такую ситуацию, в которой член доминантной партии уходит из партии для того, чтобы выдвинуться в качестве независимого кандидата или кандидата от другой партии на выборах, в ходе которых определяется глава исполнительной власти. В этой связи предметом анализа выступают выборы в условиях диктатуры, в которых участвуют несколько кандидатов. При определении совокупности недемократических режимов мы основываемся на критериях

³⁵ Bardhan P. Corruption and Development: A Review of Issues // Journal of Economic Literature. – Nashville, TN, 1997. – Vol. 35, - No. 3. – pp. 1320–1346; Mauro P. Corruption and Growth // Quarterly Journal of Economics. – Cambridge, MA, 1995. – Vol. 110, - No. 3. – pp. 681–712.

³⁶ Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel P. Political Instability and Economic Growth // Journal of Economic Growth. – New York, 1996. – Vol. 1, No. 2. pp. 189–211.

А.Пшеворского и его коллег³⁷. Мы включаем все выборы с участием нескольких кандидатов или партий по странам и годам, в которых они были проведены: (1) в условиях диктатуры и (2) в условиях демократического транзита, когда выборы проводились в условиях уходящего авторитарного режима. В силу того, что для нас представляют интерес те перебежчики, которые участвуют в выборах главы исполнительной власти, выборы, включенные в анализ, могут быть как президентскими, так и парламентскими в зависимости от того, кто является главой правительства. Если действующим главой правительства является напрямую избираемый президент, мы обращаемся к президентским выборам, если главой правительства является непрямо избираемый президент или премьер-министр, мы рассматриваем парламентские выборы³⁸.

В анализ включены 227 выборов, которые были проведены в 1946–2000 годах. Эти выборы приведены в табл. 1.

Из этих выборов 159 являются президентскими, а 68 – парламентскими. К субсахарной Африке относится около 40% наблюдений, в то время как к Латинской Америке – около четверти наблюдений, что соответствует второму месту среди регионов по доле выборов. Соразмерно увеличению числа доминантных партий, указанному выше на рис. 1, более половины всех выборов, включенных в выборку, было проведено после 1980 года³⁹.

Перебежчики должны являться членами доминантной партии для того, чтобы считаться таковыми. Выход из партии должен быть добровольным. Исключение из партии не учитывается нами как выход,

потому что в таких случаях член партии не имеет иного выбора, кроме как уйти из партии⁴⁰. Выход из партии должен произойти между двумя выборами, а в странах с первыми конкурентными выборами – после выборов или после приобретения партией легального статуса. Последнее правило предполагается применять при рассмотрении ситуаций, в которых существовала однопартийная система на протяжении столь длительного времени, что каждый, кто приходит в политику и участвует в первых (или последующих) выборах, должен был состоять в единственной партии в прошлом. Предшествующее членство в партии в этих случаях не рассматривается в качестве достаточного критерия для их отнесения к выходу из партии. Наконец, мы предполагаем, что однажды выйдя из партии, член партии в дальнейшем не сможет в нее вернуться. Таким образом, если член партии участвует в более чем одних выборах, это не является возможным для индивидуального перебежчика во всех выборах, следующих за теми выборами, в ходе которых он мог стать перебежчиком. Наша переменная выхода из партии включает два значения: «1» соответствует случаям, в которых произошел выход из партии в год проведения определенных выборов и «0» – случаям, в которых не произошел выход из партии в год проведения определенных выборов. Наша переменная выхода из партии включает только случаи выхода высокопоставленных членов партии, когда перебежчик уходит из партии для того, чтобы участвовать в выборах главы исполнительной власти, при этом было очень мало примеров нескольких выходов из партии в течение одного года. Лишь в 4 из 42 выборов, в ходе которых произошли расколы, двое перебежчиков выдвинули свои кандидатуры на одних и тех же выборах. При этом не было ни одного случая,

³⁷ Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 321 p.

³⁸ В силу того, что у нас нет возможности собрать информацию обо всех кандидатах на парламентских выборах в парламентских режимах, мы рассматриваем только основателей и действующих руководителей партий в парламентских режимах. Если основателями и/или действующими руководителями оппозиционной партии являются лица, до выборов состоявшие в доминантной партии, это определяется как раскол.

³⁹ Информацию об источниках, используемых в анализе переменных, можно найти на интернет-странице автора. Точка доступа: http://userwww.service.emory.edu/~oreuter/Reuter_Site/Home.html

⁴⁰ Мы допускаем, что это правило кодирования может не учитывать ситуации, в которых потенциальный перебежчик бросает вызов режиму с четкой целью добиться исключения из партии. Но мы решили не кодировать эти случаи как расколы, потому что включение этих случаев в совокупность расколов неизбежно повлекло бы учёт инициированных режимов партийных чисток, когда известные члены партии просто исключались из партии против их собственной воли.

когда более двух перебежчиков участвовали в одних и тех же выборах.

Главной независимой переменной является экономический рост. Мы измеряем экономический рост через средние темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) за период, начинающийся с года предыдущих выборов в режиме с доминантной партией и заканчивающийся годом, предшествующим выборам. Для тех случаев, в которых не было предыдущих выборов, период измерения начинается за 5 лет до проведения выборов. С помощью этой переменной мы намерены проверить основную гипотезу, которая состоит в том, что раскол является более вероятным во время неблагоприятного состояния экономики: показатель средних темпов роста ВВП должен иметь отрицательное значение⁴¹.

В соответствии с теориями модернизации избиратели более склонны к совершению идеологических инвестиций в оппозиционных кандидатов и/или придавать высокую ценность политической конкуренции при повышении уровня экономического развития. Поэтому мы также проверяем реальный ВВП на душу населения. Высокий уровень развития может быть связан с большим числом расколов.

Мы включаем ряд аналитических контрольных переменных для учета действий, которые предпринимают режимы для предупреждения ухода элит из партии. В качестве переменной, отражающей уровень репрессивности режима, мы используем переменную типа режима «Polity», значения которой имеют выраженные различия среди режимов с доминантной партией, включенных в нашу выборку. Высокие значения переменной «Polity» соответствуют менее репрессивным и более открытым режимам, таким образом, тип режима должен иметь положительную связь с расколами. Переменная «Рента», выступающая релевантным измерением ресурсов, которые имеют в своем распоряжении авторитарные лидеры, используется в качестве контрольной переменной. Она включа-

ет пять значений, соответствующих разным уровням доли стоимости экспорта топливно-энергетических ресурсов, минералов и/или горных руд в ВВП. С повышением значения переменной «Рента» вероятность раскола снижается, потому что автократы имеют больше ресурсов для кооптации элит.

Таблица 1
Перечень кейсов, включенных в анализ

Страна	Год
Ангола	1992
Азербайджан	1998
Азербайджан	2003
Бангладеш	1973
Бенин	1960
Боливия	1956
Боливия	1960
Боливия	1964
Ботсвана	1969
Ботсвана	1974
Ботсвана	1979
Ботсвана	1984
Ботсвана	1989
Ботсвана	1994
Ботсвана	1999
Ботсвана	2004
Бразилия	1966
Бразилия	1970
Бразилия	1974
Бразилия	1978
Буркина-Фасо	1978
Буркина-Фасо	1998
Камбоджа	1998
Камбоджа	2003
Камерун	1965
Камерун	1992
Камерун	1997
Камерун	2004
Чад	1996
Чад	2001
Колумбия	1958
Республика Конго	1992
Кот-д'Ивуар	1990
Кот-д'Ивуар	1995
Джибути	1993
Джибути	1999
Доминиканская Республика	1947
Доминиканская Республика	1952
Доминиканская Республика	1957
Доминиканская Республика	1962
Египет	1956
Египет	1958
Египет	1965
Египет	1970
Египет	1976
Египет	1981
Египет	1987
Египет	1993
Египет	1999
Сальвадор	1956
Сальвадор	1962
Сальвадор	1962
Сальвадор	1967
Сальвадор	1972
Сальвадор	1977
Экваториальная Гвинея	1996
Экваториальная Гвинея	2002

⁴¹ Мы также проверяем влияние долгосрочного экономического роста (показатель среднего роста в течение срока деятельности доминантной партии) и одногодичного запаздывания экономического роста. Как было сказано выше, результаты влияния этих переменных являются похожими.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Страна	Год	Страна	Год
Эфиопия	1995	Мексика	1976
Эфиопия	2000	Мексика	1982
Габон	1961	Мексика	1988
Габон	1964	Мексика	1994
Габон	1967	Мексика	2000
Габон	1993	Мозамбик	1994
Габон	1998	Мозамбик	1999
Гамбия	1966	Мозамбик	2004
Гамбия	1972	Намибия	1994
Гамбия	1977	Намибия	1999
Гамбия	1982	Намибия	2004
Гамбия	1987	Никарагуа	1947
Гамбия	1992	Никарагуа	1950
Гамбия	2001	Никарагуа	1957
Грузия	2000	Никарагуа	1963
Гана	1960	Никарагуа	1967
Гана	1992	Никарагуа	1974
Гана	1996	Нигер	1993
Гвинея	1998	Нигер	1996
Гвинея	2003	Нигерия	1999
Гвинея-Бисау	1994	Нигерия	2003
Гвинея-Бисау	1999	Парагвай	1954
Гайана	1968	Парагвай	1958
Гайана	1973	Парагвай	1963
Гайана	1980	Парагвай	1968
Гайана	1985	Парагвай	1973
Гайана	1992	Парагвай	1978
Гондурас	1948	Парагвай	1983
Гондурас	1954	Парагвай	1988
Индонезия	1971	Парагвай	1989
Индонезия	1977	Парагвай	1993
Индонезия	1982	Парагвай	1998
Индонезия	1987	Перу	1995
Индонезия	1992	Перу	2000
Индонезия	1998	Филиппины	1969
Кения	1963	Филиппины	1981
Кения	1992	Филиппины	1986
Кения	1997	Йеменская Республика	1993
Кения	2002	Йеменская Республика	1997
Республика Корея	1963	Йеменская Республика	1999
Республика Корея	1967	Россия	2004
Республика Корея	1971	Руанда	2003
Республика Корея	1987	Сенегал	1963
Либерия	1951	Сенегал	1978
Либерия	1955	Сенегал	1983
Либерия	1959	Сенегал	1988
Либерия	1963	Сенегал	1993
Либерия	1967	Сенегал	2000
Либерия	1971	Сейшельские острова	1993
Либерия	1975	Сейшельские острова	1998
Мадагаскар	1965	Сейшельские острова	2001
Мадагаскар	1972	Сьерра-Леоне	1973
Мадагаскар	1992	Сьерра-Леоне	1976
Малайзия	1969	Сьерра-Леоне	2002
Малайзия	1974	Сингапур	1968
Малайзия	1978	Сингапур	1972
Малайзия	1982	Сингапур	1976
Малайзия	1986	Сингапур	1980
Малайзия	1990	Сингапур	1984
Малайзия	1995	Сингапур	1988
Малайзия	1999	Сингапур	1991
Малайзия	2004	Сингапур	1997
Мавритания	1961	Сингапур	2001
Мавритания	1992	Шри-Ланка	1977
Мавритания	1997	Шри-Ланка	1982
Мавритания	2003	Шри-Ланка	1988
Мексика	1946	Шри-Ланка	1994
Мексика	1952	Тайвань	1969
Мексика	1958	Тайвань	1972
Мексика	1964	Тайвань	1975
Мексика	1970	Тайвань	1980

Страна	Год
Тайвань	1983
Тайвань	1986
Тайвань	1989
Тайвань	1992
Тайвань	1995
Тайвань	1996
Тайвань	2000
Танзания	1995
Танзания	2000
Того	1961
Того	1963
Того	1993
Того	1998
Того	2003
Тунис	1959
Тунис	1989
Тунис	1994
Тунис	1999
Тунис	2004
Турция	1946
Турция	1950
Турция	1954
Турция	1957
Замбия	1968
Замбия	1991
Зимбабве	1990
Зимбабве	1996
Зимбабве	2002

Мы также включаем ряд показателей, отражающих воспринимаемую электоральную уязвимость режима. Потенциальные перебежчики должны быть менее склонными к уходу из партии, когда воспринимаемые шансы на победу над режимом или даже на достижение достаточно высокого результата на выборах являются незначительными. Это восприятие в значительной степени зависит от того, насколько режим был способен обеспечить поддержку на предыдущих выборах, либо с помощью собственной привлекательности, применения манипуляций или фальсификации результатов голосования. Таким образом, мы проверяем долю голосов полученных режимным кандидатом/партией на предыдущих выборах через переменную «Предыдущее голосование»⁴². Коэффициент переменной должен иметь отрицательное значение. Кроме того, элиты могут иметь возможность оценить электоральные перспективы режима перед выборами. Исходя

⁴² Если президентские выборы ранее не проводились, мы учитываем долю голосов, полученных доминантной партией, на последних парламентских выборах. В случае проведения первых выборов после однопартийного правления, переменной «Предыдущее голосование» присваивается значение «100». В случае проведения первых выборов после обретения независимости мы учитываем долю голосов, полученных доминантной партией на выборах в территориальные или колониальные законодательные собрания.

из этого, мы также проверяем долю голосов режима на выборах с помощью переменной «Доля голосов».

Мы также проверяем инкубентный статус режимного кандидата. В целом диктатуры являются уязвимыми при возникновении проблемы передачи власти, в силу того, что они, как правило, не имеют устоявшихся институциональных механизмов обеспечения сменяемости власти⁴³. Потенциальные перебежчики могут быть более смелыми в выдвижении своих кандидатур на выборах, когда инкубент уходит в отставку и оставляет после себя нового, не имеющего достаточного электорального опыта приемника, который становится режимным кандидатом на выборах. Переменная «Инкубентность» имеет значение «1» в случаях, когда инкубент участвует в выборах, значение «0» – в случаях, когда инкубент не участвует в выборах, и предположительно имеет отрицательное влияние на выход членов из правящей партии.

Потенциальным перебежчикам, как и всем другим ожидаемым участникам выборов необходимо учитывать не только режим, но и стратегии существующей оппозиции. В частности, число других претендентов влияет на принятие потенциальными кандидатами решения об участии в выборах⁴⁴. Сильно фрагментированная оппозиция может в большей степени, чем выраженно консолидированная оппозиция, способствовать участию перебежчиков в выборах. Мы измеряем фрагментацию оппозиции путем деления доли голосов, полученных ведущей

⁴³ Power: Zimbabwe // Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series. – Oxford, 2007. – Vol. 44. – No. 1. – P. 17279C–17280B.

⁴⁴ Мы не имеем возможности измерить пространственное расположение кандидатов и партий на выборах в условиях авторитарного режима. При этом, вполне можно утверждать, что диктатурах разногласия во взглядах на проведение политического курса между оппозиционными партиями играют большую роль в избирательных компаниях в силу того, что изначально понятно, что эти партии имеют небольшие шансы реализовать свою платформу. Cox G.V. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 340p; Hug S. Altering Party Systems: Strategic Behavior and the Emergence of New Political Parties in Western Democracies. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. – 215 p.

оппозиционной партией, на сумму долей голосов, отданных за все оппозиционные партии, $p_i / \sum p_i$, где p – доля голосов, набранных i -ой оппозиционной партией. Эта переменная имеет значение «1», когда в выборах участвует только одна оппозиционная партия, что означает наличие единой оппозиции. Переменная «Сила оппозиции» должна иметь отрицательное влияние на расколы.

Мы также включаем несколько других контрольных переменных, отражающих институциональную среду, в которой проходят выборы. Мы проверяем продолжительность существования партии, потому что способность доминантных партий предупреждать расколы может развиваться с увеличением времени деятельности. Давно существующие партии могут иметь более развитые организационные и институциональные механизмы, обеспечивающие лояльность элит через эффективное распределение патронажа, что усиливает электоральное превосходство партий. Вместе с тем, доминантные партии со значительным сроком существования могут иметь больше перебежчиков, чем недавно образованные партии, потому что они неспособны справиться со всем грузом возникающих проблем.

Независимо от наличия или отсутствия этой связи, мы включаем непрерывную переменную «возраст партии», отражающую продолжительность времени (в годах), в те-

чение которого доминантная партия оставалась у власти.

Контрольная переменная «Первые выборы» показывает, являются ли определенные выборы первыми конкурентными выборами, проведенными в условиях однопартийного доминирования после периода однопартийного правления. Вероятность расколов может увеличиваться в ситуации, когда впервые появляется возможность бороться с режимом на выборах. Мы также проверяем тип выборов (президентские или парламентские), в ходе которых определяется глава исполнительной власти с помощью бинарной переменной «Непрямые выборы». Эта переменная принимает значения «1», когда лицо главы исполнительной власти (премьер-министра) определяется в ходе парламентских выборов или когда парламент голосует за президента, и принимает значения «0», когда президент избирается на прямых выборах.

Некоторые страны имеют выраженно конфликтную политическую среду, что порождает постоянные расколы правящей партии. Поэтому мы включаем бинарную переменную «Прошлые расколы», которая принимает значение «1» в случае, если партия имела опыт расколов когда-либо в прошлом.

Наконец, в силу того, что многие рассматриваемые нами кейсы относятся к субсахарной Африке, мы включаем контрольную переменную для данного региона «субсахарная Африка».

Таблица 2

Описательная статистика переменных анализа

Переменная	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение	N
Расколы	0,19	0,39	0	1	223
Средний рост	2,92	5,15	-10,53	47,80	191
Возраст партии	19,52	15,64	1	72	227
Первые выборы	0,11	0,30	0	1	227
Инкубентность	0,83	0,39	0	1	226
Непрямые выборы	0,30	0,46	0	1	226
ВВП на душу населения	4090,20	4416,10	411,86	28361,03	191
Сила оппозиции	0,51	0,35	0	1	219
Прошлые расколы	0,21	0,40	0	1	227
Предыдущее голосование	71,99	23,72	0	100	214
Polity	-1,30	5,52	-9	9	224
Рента	1,26	1,31	0	4	227
Субсахарная Африка	0,43	0,49	0	1	222
Доля голосов	71,90	18,93	31,01	100,00	221

Примечание. Описание переменных приведено в тексте статьи.

В табл. 2 приведена описательная статистика всех переменных, используемых в анализе. Выборка включает 42 случая раскола. В силу бинарного характера переменной мы оцениваем влияние экономического роста на расколы с помощью логит-моделей. Наличие выбросов может быть обусловлено существованием ненаблюдаемых, партийно-индивидуальных факторов, которые делают расколы более вероятными в некоторых режимах с доминантной партией. В этой связи мы кластеризируем устойчивые стандартные ошибки случаев однопартийного доминирования. Кластеризованные стандартные ошибки учитывают неоднородность структуры ошибок и наиболее вероятный источник автокорреляции наших данных⁴⁵.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты моделей показывают устойчивое подтверждение нашей гипотезы о влиянии экономического развития на расколы. В первом столбце табл. 3 приведены результаты бинарной модели, которая включает только основную интересующую нас независимую переменную. Показатели переменной «Средний рост» в течение последнего электорального цикла имеют выражено отрицательное влияние на расколы. В условиях благоприятной экономической ситуации в краткосрочном периоде элиты менее склонны к уходу из правящей партии. Как показывают следующие модели, этот результат удивительно устойчив к включению многочисленных контрольных переменных.

⁴⁵ Последние исследования, в рамках которых использовались кросс-национальные данные со столь же низкими, как и наши, показателями отношения числа стран (N) к периоду времени (T), укладываются в этот подход (Golder M. *Presidential Coattails and Legislative Fragmentation* // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 2006. – Vol. 50, No. 1. – pp. 34–48.; Hicken A. *Building Party Systems in Developing Democracies*. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 207 p.). Включение запаздывающей зависимой переменной для коррекции автокорреляции между переменными неосуществимо в условиях большого числа наблюдений, которое может колебаться между выборами. Даже в этом случае модели, включающие переменную «Прошлые расколы» (измерение того, сталкивалась ли доминантная партия с расколами когда-либо в прошлом) в качестве контрольной переменной, имеют слабую временную зависимость.

Модель 2 показывает влияние экономического развития на вероятность расколов после включения группы контрольных переменных, описанных выше. Влияние экономического развития остаётся сильным. Большинство других контрольных переменных являются статистически незначимыми с некоторыми исключениями. Отрицательное и статистически значимое влияние переменной «Доля голосов» означает, что если члены партии предвидят высокие электоральные результаты инкумбента, то они менее склонны к уходу из партии⁴⁶. Переменная «Возраст партии» близка к достижению статистической значимости. Давно существующие партии имеют большую вероятность столкнуться со случаями раскола.

Другие контрольные переменные этой модели не имеют значимого влияния, в достаточной степени отличного от нуля. Независимо от того, являются прямыми или косвенными выборы на пост главы исполнительной власти, это не оказывает влияния на вероятность расколов. Кроме того, на вероятность расколов в правящей партии не оказывают влияния проблемы передачи власти, как показывают результаты анализа переменной «Инкубентность». Доступность ренты (переменная «Рента») не имеет влияния на предупреждение ухода членов из доминантной партии. Уровень развития также не является имеющим влияние фактором, о чем свидетельствует незначимый коэффициент переменной «ВВП на душу населения». Ни стратегия позиции, ни опыт прошлых расколов партии не оказывают влияния на поведение потенциальных перебежчиков. Переменная «Первые выборы» также незначима, потому что вероятность расколов не является более высокой в условиях конкурентных

⁴⁶ При этом обратная причинно-следственная связь возможна в случае, когда раскол может влиять на долю голосов, полученных инкумбентом на совпадающих по времени выборах. Также эта переменная обладает сильной корреляцией с переменными «Polity» и «Предыдущее голосование». Действительно, после исключения переменной «Доля голосов» из Модели 2 переменная «Предыдущее голосование» становится значимой. Поэтому в большинстве последующих моделей для устранения проблем эндогенности, представляемых переменной «Доля голосов», мы используем переменные «Предыдущее голосование» и «Доля голосов».

выборов после периода однопартийного правления или отсутствия выборов⁴⁷. Наконец, в расколах нет вариации, объясняемой региональными различиями⁴⁸.

Модель 3 является усеченной моделью и включает только те контрольные переменные, которые близки к достижению установленного уровня статистической значимости. Для максимизации эффективности и числа наблюдений в следующие модели мы включили те контрольные переменные, которые вместе с любой другой контрольной переменной или при проверке устойчивости модели остаются значимыми.

В модели 4 мы проверяем эффект типологии авторитарных режимов, разработанной Б.Геддес⁴⁹. Эта классификация трех типов авторитарных режимов (однопартийный, персоналистский и военный) широко используется в литературе. Мы включаем контрольные переменные как для чистых категорий режима Б.Геддес, так и для гибридных категорий. Мы предполагаем, что

однопартийные и связанные с ними гибридные режимы будут более эффективны в предупреждении расколов по причине наличия сильных институциональных связей⁵⁰. Вместе с тем, результаты показывают, что тип диктатуры не оказывает независимого влияния на вероятность расколов.

В модель 5 для учета ряда концептов, которые мы предполагали включить в исходный перечень контрольных переменных, мы вводим дополнительные контрольные переменные. Вместо переменной «Polity» (которая оказалась статистически незначимой) мы проверяем склонность режима к применению репрессий через включение переменной «Свобода прессы», которая может принимать значения от 1 до 4, в зависимости от степени контроля или цензуры прессы со стороны правительства. Переменная «Свобода прессы» должна иметь отрицательное влияние на вероятность расколов⁵¹. Вместо переменной «Предыдущее голосование», применяемой для анализа воспринимаемой электоральной уязвимости режима, мы обращаемся к изменению доли голосов, полученных режимным кандидатом в течение определенного времени. Значения переменной «Электоральный спад» рассчитываются как сумма отклонений результатов режимного кандидата на выборах по сравнению с предыдущими выборам. Например, если кандидат А набирает 70% голосов на выборах t , 50% - на выборах $t+1$ и 60% - на выборах $t+2$, значение переменной «Электоральный спад» на выборах $t+2$ составляет $(70-50)+(50-60)=10$. В силу того, что

⁴⁷ Большое значение структуры возможностей для определения вероятности расколов повышает важность вопроса внутрипартийных выборов. Если диктаторы предвидят выход элит из коалиций на предстоящих выборах, они могут отменить выборы, открывая возможность для эффектов отбора, который может привести к смещению наших результатов. Анализируя отменённые выборы, мы выявили, что диктаторы в партийных режимах крайне редко отменяют выборы. Например, в Африке назначенные выборы были впоследствии отменены лишь четыре раза (выборы в Анголе в 1997 и 2002 годах, выборы в Буркина-Фасо в 1974 году и выборы в Гвине-Бисау в 1992 году). Исходя из низкой распространённости случаев отмены выборов, мы решили не использовать модель отбора, потому что асимметрия зависимой переменной на первом этапе (отменённые выборы) приведёт к выражению неэффективным и возможно смещённым оценкам ковариат, которые влияют на принятие решения о проведении выборов, и обратному показателю Миля. Кроме того, в силу того, что выраженность смещения отбора прямо пропорциональна доле отсекаемых от выборки наблюдений, мы оптимистичны в отношении устойчивости наших результатов к возможному смещению отбора.

⁴⁸ Указанная модель включает только субсахарную Африку в качестве контрольной переменной. В других результатах мы проверили другие региональные контрольные переменные и обнаружили их совместно незначимыми.

⁴⁹ Geddes B. [Geddes, 1999b] What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. – Palo Alto, CA, 1999. – Vol. 2. – pp. 115–144.

⁵⁰ Мы признательны Дж.Райту за предоставленный нам обновленный вариант классификации режимов Б.Геддес [Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 2008. – Vol. 52, No. 2. – pp. 322–343].

⁵¹ Мы также пробовали измерить склонность режима к применению репрессий через переменную, оценивающую число репрессивных действий в течение года, где репрессивные действия описываются как любые систематические тюремные заключения или казни, применяемые режимом по отношению к политической оппозиции (Banks A. Cross-National Time Series Data Archive. – Binghamton, NY, 2005. – Mode of access: <http://www.databanksinternational.com/32.html> (date of access: 06.04.2014)). Эта переменная оказалась незначимой.

Таблица 3

Влияние экономического роста на расколы доминантных партий

Переменная	Коэффициенты											
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11	Модель 12
Средний рост	-0,189*** (0,062)	-0,180*** (0,072)	-0,236*** (0,054)	-0,238*** (0,066)	-0,242*** (0,095)	-0,292*** (0,127)	-0,038 (0,235)	-0,391* (0,201)	-0,208*** (0,061)	-0,297*** (0,067)		
Предыдущее голосование		-0,001 (0,017)	-0,018* (0,010)	-0,014 (0,010)	-0,060** (0,029)	-0,019* (0,033)		-0,041 (0,026)	-0,018* (0,011)	-0,018* (0,011)	-0,018* (0,010)	-0,013 (0,011)
Возраст партии		0,031 (0,026)	0,036*** (0,012)	0,024* (0,014)	0,034 (0,024)	0,033*** (0,012)	0,033** (0,013)	0,084** (0,033)	0,029** (0,012)	0,042*** (0,013)	0,038*** (0,011)	0,032*** (0,010)
Рента		0,243 (0,188)										
Непрямые выборы		-0,547 (0,572)										
ВВП на душу населения		0,000 (0,000)										
Инкубентность		0,219 (0,745)										
Доля голосов		-0,038* (0,021)					-0,051*** (0,013)					
Сила оппозиции		0,552 (0,854)										
Прошлые расколы		0,543 (0,646)										
Субсахарная Африка		-0,013 (0,618)										
Первые выборы		0,885 (0,985)										
Polity		0,062 (0,050)										
Однопартийные режимы				-0,231 (0,748)								
Военные режимы				-0,881 (1,672)								
Персоналистские режимы				-1,256 (0,842)								
Тройная угроза				-3,106* (1,600)								
Военные /				-0,750 (1,758)								
Персоналистские режимы				-0,785 (1,037)								
Однопартийные /					0,298 (0,509)							
Персоналистские режимы					0,027 (0,019)							
Свобода прессы												
Электоральный спад						0,003 (0,004)						
Возраст партии X												
Средний рост							-0,003 (0,003)					
Доля голосов X												
Средний рост												
Средний рост в течение срока деятельности партии											-0,222*** (0,068)	
Запаздывающий рост												-0,107*** (0,033)
Постоянные величины	-1,042*** (0,230)	-0,131 (1,414)	-0,464 (0,731)	0,236 (1,060)	0,911 (2,924)	-0,369 (0,801)	1,653* (0,953)	-0,059 (1,558)	-0,259 (0,871)	-0,461 (0,760)	-0,423 (0,724)	-1,026 (0,732)
Число наблюдений	187	159	183	183	77	183	185	56	127	180	182	183

Примечание. Устойчивые стандартные ошибки приведены в скобках и сгруппированы по доминантным партиям. *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$

положительные значения отражают чистое снижение доли голосов, полученных инкубентом, переменная «Электоральный спад» должна иметь отрицательную корреляцию с расколами. Мы включаем эти две контрольные переменные в отдельную модель, потому что они значительно уменьшают размер нашей выборки (со 187 до 77 наблюдений).

Модель 6 показывает взаимодействие экономического роста и срока деятельности партии в определении того, обусловлено ли влияние первого на продолжительность пребывания партии у власти. Статистически незначимый коэффициент эффекта взаимодействия означает, что влияние роста не изменяется при разных значениях срока деятельности партии. Вместе с тем, проверка условных коэффициентов этой модели показывает, что содержательная и статистическая значимость переменной «Средний рост» остается неизменной при разных уровнях продолжительности существования партии. Иными словами, негативная экономическая ситуация стимулирует расколы в доминантных партиях в равной степени как в недавно образованных партиях, так и в партиях со значительным сроком существования. Этот результат дает эмпирическое обоснование отказа от использования критерия долговечности в концептуализации понятия доминантных партий.

Модель 7 позволяет оценить эффект взаимодействия переменных «Доля голосов» и «Средний рост» для проверки того, обусловлено ли влияние последнего уровнем электорального доминирования режима. Незначимый коэффициент эффекта взаимодействия свидетельствует о том, что это не так. Влияние переменной «Средний рост» на вероятность расколов не изменяется при разных уровнях доминирования партии. Обращение к условным коэффициентам для этого эффекта взаимодействия подтверждает, что влияние экономического развития на расколы не зависит от количества голосов, полученных партией. Экономический рост не способствует расколам как в тех режимах, которые обладают устойчивыми электоральными позициями, так и в тех режимах, которые едва обеспечивают большинство мест в парламенте. Это дает определенное

эмпирическое обоснование для уровня 50%, используемого для концептуализации понятия доминантных партий.

Модели 8 и 9 показывают отдельные результаты для парламентских и президентских режимов соответственно. Число наблюдений значительно уменьшилось в подвыборках. Экономический рост имеет содержательное и значительное влияние на расколы в президентских режимах, при этом его влияние не является статистически значимым в парламентских режимах. Возможно, случайный вывод, сделанный на основе малого числа наблюдений в парламентской подвыборке, также может иметь под собой содержательные основания: влияние роста на расколы может быть в парламентских режимах менее постоянным в силу сложности, которую имеют избиратели при определении ответственности за экономическое развитие парламентских режимов в сравнении с президентскими режимами. Избиратели склонны поощрять/наказывать инкубентов, когда они точно могут установить ответственность за экономические результаты⁵². В этой связи на президентских выборах избиратели в большей степени склонны приписывать инкубентам ответственность за экономику, чем в парламентских режимах, в условиях которых парламент может отстранить членов правительства от должности между выборами, позволяя ответственным за развитие экономики избежать наказания со стороны избирателей⁵³. Эти закономерности относятся к избирателям в демократических режимах, но они также могут быть релевантными для экономического голосования в недемократических режимах, даже

⁵² Bingham Powell G., Jr., Whitten G. A Cross-National Analysis of Economic Voting: Taking Account of the Political Context // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 1993. – Vol. 37, No. 2. – pp. 391–414; Anderson C. The End of Economic Voting? Contingency Dilemmas and the Limits of Democratic Accountability // *Annual Review of Political Science*. – Palo Alto, CA, 2007. – Vol. 10. – pp. 271–296; Duch R.M., Stevenson R. Economic Vote: How Political and Economic Institutions Condition Election Results. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 399 p.

⁵³ Hellwig T., Samuels D. Electoral Accountability and the Variety of Democratic Regimes // *British Journal of Political Science*. – London, 2008. – Vol. 38, No. 1. – pp. 65–90.

если вероятность поражения инкумбента является незначительной. Избиратели на выборах в условиях недемократического режима могут верить (ошибочно), что смена власти возможна или хотят сообщить о своем недовольстве работой инкумбента. Эта ответственность в таких условиях затуманивается, что может удерживать потенциальных перебежчиков от выхода из партии, так как они предвидят, что избиратели не смогут точно оценить деятельность инкумбента.

Переменная «Средний рост» содержит несколько экстремальных значений. Для установления того, что наши результаты устойчивы к возможным выбросам, мы проверяли значения «D» Кука и исключили четыре влияющих наблюдения. Результаты Модели 10 показывают, что наши результаты после исключения этих наблюдений в основном остаются неизменными. Мы также убедились в том, что наши результаты оказались устойчивы к исключению наблюдений с пятью самыми высокими и пятью самыми низкими значениями экономического роста.

Наконец, Модели 11 и 12 показывают, что содержательные результаты влияния роста на вероятность расколов устойчивы к различным измерениям основной интересующей нас независимой переменной. Модель 11 включает показатель среднего роста в течение всего срока деятельности партии (переменная «Средний рост в течение срока деятельности партии»). Более конкретно, этот показатель рассчитывается на основе среднегодового роста реального ВВП на душу населения за период, начинающийся с первого года пребывания доминантной партии у власти и заканчивающийся предшествующим выборам годом. В качестве альтернативного варианта Модель 12 включает переменную «Запаздывающий рост», которая отражает показатель роста реального ВВП на душу населения за предыдущий год. Обе модели показывают, что продолжительность времени, в течение которого измеряется рост, не вносит отрицательного воздействия во влияние благоприятной экономической ситуации на вероятность расколов.

Очевидно, наиболее важные результаты анализа моделей представляют отрицательные коэффициенты переменной «Средний

рост». Значимость других результатов состоит в том, что в менее «автократических» режимах и в давно существующих партиях могут с большой вероятностью произойти расколы даже при управлении степенью открытости режима. Этот результат может пролить определенный эмпирический свет на ведущиеся в литературе споры между теми, кто предполагает усиление институциональных связей партии с течением времени⁵⁴ и теми, кто отмечает склонность доминантных партий становиться более хрупкими при увеличении срока их деятельности⁵⁵. Наши выводы свидетельствуют о том, что такие коалиции могут со временем становиться менее прочными, даже после контроля их доли голосов.

Влияние роста на вероятность расколов графически изображено на рис. 2, который показывает прогнозируемую вероятность раскола в Модели 3 в присутствии других контрольных переменных, а также выраженные различия значений переменной «Средний рост» в выборке.

Когда рост является положительным, прогнозируемая вероятность раскола является низкой при небольшом доверительном интервале. В случае отрицательных значений среднего роста вероятность расколов в доминантной партии возрастает, но доверительный интервал при этом значительно увеличивается. По-видимому, экономическая деятельность инкумбентов не должна быть главным критерием. Настолько долго, насколько авторитарные инкумбенты не могут справиться с экономическими катастрофами или длительными периодами экономического спада, они могут не беспокоиться о выходе членов из доминантной партии.

⁵⁴ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. — New York: Cambridge University Press, 2006. — 296 p.; Brownlee J. Authoritarianism in the Age of Democratization. — New York: Cambridge University Press, 2007. — 264 p.

⁵⁵ Haggard S., Kaufman R.R. The Political Economy of Democratic Transitions. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. — 391 p.; Bunce V. Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State. — New York: Cambridge University Press, 1999. — 206 p.

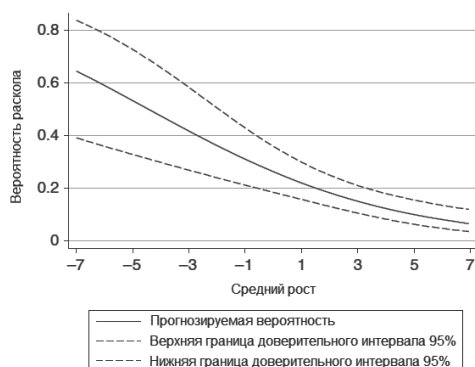

Рис. 2. Влияние роста на прогнозируемую вероятность расколов

Результаты показывают, что экономический рост имеет значимое влияние на вероятность, с которой элиты режима будут выходить из доминантной партии. Кроме того, потенциальные перебежчики, судя по всему, не предполагают, что более обеспеченные избиратели будут совершать «идеологические инвестиции» в оппозицию. Когда экономический рост является высоким, избиратели более склонны соглашаться со статусом-кво. Наблюдая за этим, члены доминантной партии имеют мало стимулов к выходу из партии и борьбе с инкумбентом на выборах⁵⁶.

КРИЗИСЫ И РАСКОЛЫ ЭЛИТ В ТУРЦИИ И ЗИМБАБВЕ

Теперь приступим к более углубленному анализу зависимости между экономическим развитием и расколами в двух важных доминантных партиях — Демократической партии в Турции и Зимбабвийском Африканском Национальном Союзе — Патриотическом Фронте в Зимбабве. Целью рассмотрения этих кейсов является более глубокое исследование устоявшейся и хорошо обобщенной связи, что полностью соответствует выбору случаев однопартийного

⁵⁶ Мы также проверили эту альтернативную гипотезу через включение показателя доходов на душу населения. Коэффициент доходов на душу населения ни разу не показал значимость, отличную от нуля, при этом влияние других переменных оставалось содержательно неизменным.

доминирования по значениям независимой и зависимой переменных⁵⁷. Таким образом, в выбранных кейсах доминантные партии претерпевали расколы в условиях нарастающего экономического кризиса. Оба случая увязываются с контекстом нашей теории, показывая, что она имеет значение в реальном мире авторитарной политики, начиная с более или менее отдаленного прошлого. Мы также изучаем возможность того, что разногласия во взглядах по вопросам проведения политического курса и/или межличностные противоречия обуславливают наблюдаемую связь между экономическим развитием и расколами. Несмотря на то, что исторические факты не позволяют нам полностью исключить роль разногласий во взглядах на проведение политического курса и/или межличностных противоречий в стимулировании расколов, сильная временная связь между экономическим спадом и выходом членов из режимной партии в обоих случаях является показательной. Последовательный характер событий также вызывает сомнения в возможности существования обратной причинно-следственной связи, в соответствии с которой расколы влияют на макроэкономическую ситуацию.

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА: РАСКОЛ ПАРТИИ СВОБОДЫ

С 1923 по 1946 год Турция была однопартийным государством, в котором власть принадлежала Кемалистской Народно-Республиканской Партии (НРП). Партия и государство в этот период были тесно связаны между собой, а оппозиционные партии были запрещены. В 1946 году по инициативе НРП было разрешено создание других политических партий, а затем в июле того же года последовало проведение первых в истории Турции конкурентных выборов⁵⁸. Одной из первых оппозицион-

⁵⁷ Gerring J. Case Study Research: Principles and Practices. — New York: Cambridge University Press, 2007. — 265 p.

⁵⁸ Исторический опыт показывает, что проведение выборов было нерегулярным. Более того, выборы объявлялись как можно позднее, чтобы воспользоваться неспособностью оппозиции подготовиться к выборам за столь короткое время. Несмотря на то, что официальные результаты выборов ни разу не становились общедоступными, НРП сохраняла контроль большин-

ных партий была создана Демократическая Партия (ДП), основанная в том же году влиятельной группой министров и парламентариев от НРП⁵⁹. На выборах 1950 года ДП легко победила, заняв 416 из 487 мест в парламенте.

Несмотря на то, что эти выборы принесли с собой смену власти, новое правительство ДП мало что сделало для дальнейшей политической либерализации. Несмотря на данные в ходе избирательной кампании обещания исключить антидемократические законы из законодательства Турции, партия вскоре отказалась от этой повестки и вместо этого перешла к дальнейшему ограничению свободы прессы и деятельности оппозиции⁶⁰. Уже в мае 1951 года партия ввела в действие закон, расширяющий государственный контроль за прессой. В июле того же года партия начала ликвидацию ресурсов своего главного конкурента (НРП)⁶¹. Спустя два года в июне 1953 года ДП нанесла удар по другой оппозиционной партии, Партии Нации, сначала временно запретив ее деятельность, а затем ликвидировав ее на постоянной основе. Дальнейшие ограничения, направленные против интеллигенции, выражались в принятии в 1953 году закона, который запретил университетским профессорам заниматься политической деятельностью⁶². В эти ранние годы партия

также установила полный контроль над судебной системой и ограничила использование различных видов агитации на выборах. В целом ДП демонстрировала готовность и способность продолжать (и, в действительности, расширять) нелиберальную политику НРП, отчуждая от себя многих своих изначальных сторонников, включая представителей интеллигенции и либеральной экономической элиты⁶³. Согласно Эрогулу, «всеобщие выборы 2 мая 1954 года были проведены в обстановке, когда интеллигенцию заставили замолчать, оппозицию подавили, население ослепили продолжительными благотворительными церемониями, а видимое богатство, созданное благодаря либеральной экономической политике, еще не перешло в кризис»⁶⁴.

На выборах 1954 года ДП одержала разгромную победу, воспользовавшись экономическим бумом, наблюдавшимся в первые четыре года правления партии⁶⁵. Благодаря стимулируемому небывалыми урожаями росту государственных инвестиций в тяжелую промышленность и механизированное сельское хозяйство, а также внешним займам, экономика выросла на 21% в 1951 году, на 4% – в 1952 году и на 10% – в 1953 году. Вместе с тем, совершение инвестиций, направленных на стимулирование роста производства, привело к стремительному скачку инфляции⁶⁶. Всё это, а также случившаяся летом 1954 года засуха, привело к крайне бедному урожаю и соответственно к небольшим зерновым запасам⁶⁷. Более того, режим накопил большой внутренний и внешний долг, в силу чего Центральному Банку было необходимо покрывать значительный дефи-

ства мест в парламенте (Bahrampour F. Turkey: Political and Social Transformation. – Brooklyn, NY.: Theo. Gaus' Sons, 1967. – 100 p.; Karpas K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.).

⁵⁹ Karpas K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.

⁶⁰ Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.

⁶¹ То, что этот закон не был «морально обоснованным» компонентом программы люстрации против НРП подтверждается тем, что ДП ожидала предпринять эти меры до середины 1951 года, и тем, что резолюция изначально не была приведена в исполнение, а была предложена только как угроза для сдерживания НРП (Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987).

⁶² Weiker W.F. The Turkish Revolution: 1960–1961: Aspects of Military Politics. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1963. – 172 p.

⁶³ Как отмечает Вейкер в «Турецкой революции», законы по сути не были антидемократическими, при этом присутствовали их избирательная интерпретация и правоприменение.

⁶⁴ Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.

⁶⁵ Партия получила 93% мест в парламенте.

⁶⁶ Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.

⁶⁷ Robinson R.R. The First Turkish Republic: A Case Study in National Development. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1963. – 367 p.

цит баланса за счет золота и запасов иностранной валюты. Состояние экономики еще более ухудшилось, когда был отменен займ в \$300 миллионов от США, который правительство планировало использовать для покрытия дефицита⁶⁸. В условиях бремени всех накопившихся проблем турецкая экономика после падения ВВП на 12% в 1954 году погрузилась в рецессию⁶⁹.

После того, как в начале 1955 года экономические проблемы стали очень тяжелыми, начало усиливаться недовольство населения политическим курсом режима. Со снижением уровня жизни и усилением дефицита продуктов питания, оппозиция усилила свою критику правительства. Общество также начало активно выражать свое недовольство. В сентябре вспыхнуло массовое восстание в Стамбуле, которое было спровоцировано беспорядками среди трудовых мигрантов из сельской местности. К лету 1955 года среди высокопоставленных членов ДП появились признаки разлада. Либеральная фракция в партии начала выступать с критикой государственнической экономической политики и ограничения свобод⁷⁰. Наиболее влиятельными представителями либеральной фракции, включавшей 19 депутатов парламента, были бывший дипломат и министр внутренних дел Ф.Караосманоглу, а также бывший министр экономики Ф.Целикбас. Последний был известен как экономический либерал, который постоянно выступал за политику свободного рынка в экономическом развитии. Осенью 1955 года эта «Группа девятнадцати» внесла проект закона, который наделял газеты правом приводить факты коррупции среди должностных лиц правительства⁷¹. Нет ничего удивительного в том,

что руководство ДП выступало против этого закона и угрожало исключить его разработчиков из партии. В октябре на партийной конференции, следуя реализации выдвинутой угрозы, руководство ДП исключило из партии 9 из 19 членов группы. В ответ на это другие 10 членов фракции вышли из партии. В течение следующих недель до дюжины других депутатов последовали примеру перебежчиков и сдали свои партийные билеты⁷². В декабре 1955 года эти тридцать бывших депутатов от ДП формально основали Партию Свободы и заявили об участии в предстоящих выборах. База поддержки партии в основном состояла из либералов и интеллектуалов, ранее являвшихся сторонниками ДП⁷³.

Хотя исторический опыт показывает, что непосредственной причиной выхода депутатов из партии было их недовольство ограничительным законом о прессе, необходимо отметить, что они стали открыто выражать свое несогласие только после того, как экономика Турции стала давать сбои. Действительно, поправка в закон о прессе, вызвавшая недовольство со стороны либеральных депутатов, была введена в действие в 1951 году и, насколько известно, оставалась после этого неизменной. Мы допускаем, что несмотря на публичную лояльность руководству, многие члены ДП в это время были очень недовольны авторитаризмом партии, но мы также обращаем внимание на то, что ДП в полной мере демонстрировала недемократические тенденции, начиная с 1951 года и до 1954 года, вводя в действие драконовские поправки в вышеупомянутый закон о прессе, уголовный кодекс и законодательство о правах оппозиции⁷⁴. В течение этого

⁶⁸ Более подробно об истоках экономических проблем Турции в 1954–1955 годах см.: The Economist, 2 July 1955 and 24 December 1955.

⁶⁹ См. об условиях, приведших к кризису: Karpat K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.; Robinson R.R. The First Turkish Republic: A Case Study in National Development. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1963. – 367 p.

⁷⁰ Ahmad F. The Making of Modern Turkey. – London: Rutledge, 1993. – 252 p.

⁷¹ Karpat K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.

⁷² Ibid.

⁷³ Партия столкнулась с трудностями при строительстве национальной организации и плохо выступила на всеобщих выборах в октябре 1957 года, получив 3,7% голосов избирателей и четыре места в парламенте. Спустя несколько месяцев партия объединилась с НРП.

⁷⁴ Некоторые источники полагают, что ДП в 1954 и 1955 годах всё больше и больше применяла авторитарные практики (Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.; Weiker W.F. The Turkish Revolution: 1960–1961: Aspects of Military Politics. – Washington, D.C.: The Brookings

раннего времени, когда развивалась экономика и росли доходы, небывалые успехи не давали предпосылок для внутрипартийного недовольства и сопротивления вплоть до 1955 года. Вместе с тем, возможность существования эндогенной зависимости между экономическим ростом и расколами в данном случае исключается. Экзогенные факторы (такие, как бедный урожай в 1954 году и отказ США предоставить Турции дополнительную финансовую помощь в \$300 миллионов) в сочетании с некомпетентным проведением макроэкономической политики привели экономику к кризису задолго до появления первых признаков недовольства в ДП.

ЗИМБАБВЕ: УХОД СИМБА МАКОНИ В 2008 ГОДУ

Начиная с момента обретения независимости в 1980 году, власть в Зимбабве принадлежит Роберту Мугабе и Зимбабвийскому Африканскому Национальному Союзу – Патриотическому Фронту⁷⁵. Будучи изначально утверждённым парламентом, впоследствии президент был впервые избран на всенародном голосовании в 1990 году. Р.Мугабе легко победил на этих и следующих выборах, получив по их результатам 83% и 93% голосов избирателей соответственно⁷⁶. На выборах

2002 года он столкнулся с сильным сопротивлением, которое оказывалось со стороны Движения за демократические изменения. Представляя собой коалицию, включавшую представителей правозащитных, предпринимательских и студенческих организаций и возглавлявшуюся Зимбабвийским Конгрессом Профсоюзов, Движение за демократические изменения было создано в 1999 году с целью принуждения Р.Мугабе и Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта к проведению политических и экономических реформ. Набрав 47% голосов избирателей на парламентских выборах 2000 года, Движение за демократические изменения и выдвинутый им кандидат на пост Президента М.Цвангираи представляли серьёзную угрозу для Р.Мугабе и Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта.

Отвечая на этот вызов, Р.Мугабе и Зимбабвийский Африканский Национальный Союз – Патриотический Фронт использовали различные тактические приемы. По причине усугубления продовольственного дефицита, который мог привести к массовому голоду, правительство объявило чрезвычайное положение, обосновывая возникший кризис засухой. Произошедшее в результате захвата земель фактическое разрушение сельского хозяйства повлекло за собой превращение Зимбабве из чистого экспортёра продуктов питания в безнадёжного потребителя внешней продовольственной помощи⁷⁷. В июле 2005 года правительство провело «Операцию Мурамбацина», направленную на уничтожение незаконных жилых строений и ликвидацию неформальной экономической активности, разрушив с помощью бульдозеров несколько посёлков из бараков около Хараре⁷⁸. Стремясь запугать потенциальных сторонников Движения за демократические изменения, Правительство оставило

Institution, 1963. – 172 p). Мы готовы признать сложность определения того, раскол Партии Свободы произошел в силу недовольства усилением авторитаризма ДП, достигшего в некоторой степени предельного уровня в 1955 году, или он случился исключительно по причине экономического кризиса. Мы можем только сделать переоценку того, что время принятия решения Целихбасом о вводе в действие поправки и последующий раскол партии наступили спустя несколько недель после сентябрьских массовых восстаний в Стамбуле, которые были вызваны экономическим кризисом.

⁷⁵ Изначально партией Р.Мугабе был Зимбабвийский Африканский Национальный Союз, в состав которой незадолго до обретения независимости был включен Патриотический Фронт. Этот альянс был временно разрушен в период выборов 1980 года, когда прежний лидер Патриотического Фронта Дж.Нкомо участвовал в выборах с партией Патриотический Фронт – Зимбабвийский Африканский Народный Союз (PF-ZAPU), в то время как Р.Мугабе вёл избирательную кампанию под партийным брендом Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта (ZANU-PF).

⁷⁶ Kriger N. ZANU(PF) Strategies in General Elections, 1980–2000: Discourse and Coercion // African Affairs. – London, 2005. – Vol. 104, No. 414. – pp. 1–34.; Sachikonye L. The 1990 Zimbabwe Elections: A Post-

Mortem // Review of African Political Economy. – London, 1990. – Vol. 17, No. 48. – pp. 92–99.

⁷⁷ Richardson C.J. How Much Did Droughts Matter? Linking Rainfall and GDP Growth in Zimbabwe // African Affairs. – London, 2007. – Vol. 106, No. 424. – pp. 463–478.

⁷⁸ Bratton M., Masunungure E. Popular Reactions to State Repression: Operation Murambatsvina in Zimbabwe // African Affairs. – London, 2006. – Vol. 106, No. 422. – pp. 21–45.

без жилья несколько тысяч горожан. Кроме того, в 2007 году правительство разработало закон, который обязывал компании, принадлежащие иностранным владельцам, передавать большинство акций местным заинтересованным лицам⁷⁹. Подготовленный в духе состоявшегося ранее захвата земель этот законопроект оказал отрицательное воздействие на инвестиции. Совокупные последствия этих мер выразились в раскручивании гиперинфляции до 66000%, росте безработицы до 80% и сокращению официальной экономики до 60%, в результате чего за три месяца до выборов Зимбабве стала наиболее быстро сжимающейся в мирное время экономикой мира⁸⁰.

В феврале 2008 года член Политбюро Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта Симба Макони объявил о выдвижении себя в качестве кандидата на выборах. До этого С.Макони занимал различные должности в правительстве Р.Мугабе. Когда было сформировано первое правительство в эпоху независимости, С.Макони получил в нём пост заместителя министра сельского хозяйства. В течение следующих четырех лет он работал министром энергетики, а потом, вплоть до неожиданного ухода из Правительства, был министром по делам молодёжи. Его уход в отставку выглядел как итог предпринимавшихся им попыток реформировать и модернизировать правительство. Являясь представителем следующего после Р.Мугабе поколения, С.Макони виделся «слишком умным и слишком молодым со стороны более превосходящих его по возрасту членов партии. Они хотели убрать его с дороги»⁸¹. С.Макони вернулся

в правительство в 2000 году, когда Р.Мугабе решил его назначить на пост министра финансов. Экономика уже демонстрировала признаки кризиса, сокращались резервы в иностранной валюте, увеличивался государственный долг, росла безработица, и снижалось доверие инвесторов. Вынужденный восстанавливать имидж Зимбабве в глазах доноров и инвесторов, С.Макони быстро осуществил меры по либерализации экономики. Проявляемое им упорство привело к прямому конфликту между ним и Р.Мугабе, который беспокоился о политических рисках проведения экономических реформ. В результате С.Макони стал располагать большим авторитетом в бизнес-сообществе, а также пользоваться значительным уважением среди независимых от Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта людей, но при этом он утратил доверие со стороны президента.

При выдвижении своей кандидатуры на выборах С.Макони занял такую политическую платформу, в центре которой стояла задача улучшения экономической ситуации, а в своём предвыборном заявлении о решении по выходу из экономического кризиса в Зимбабве он сказал: «Я также разделяю широко распространённый взгляд, что эти трудности являются следствием провала политики руководства страны и что изменения в этой сфере станут предпосылкой для изменений в других сферах»⁸². Обращение С.Макони получило поддержку не только со стороны бедных, но и со стороны представителей среднего класса, которые пострадали от снижения уровня жизни⁸³. Поверив в то, что С.Макони способен бросить убедительный вызов, вокруг фигуры С.Макони объединилась группа членов Зимбабвийско-

⁷⁹ Industries: Zimbabwe // Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series. – Oxford, 2007. – Vol. 44, No. 5. – pp. 17425A–17426A.

⁸⁰ Power: Zimbabwe // Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series. – Oxford, 2007. – Vol. 44, No. 1. – pp. 17279C–17280B.; Latham B. Zimbabwe Currency Plunges to Four Million to the U.S. Dollar // International Herald Tribune. – Paris, 2007. – 5 December. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20080217000949/http://www.ihf.com/articles/2007/12/04/bloomberg/bxzim.php> (date of access: 05.04.2014).

⁸¹ Winter J. Simba Makoni: Zimbabwe's Roaring Lion? // BBC News. – London, 2008. – 5 February. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7228205.stm>

(date of access: 05.04.2014).

⁸² Winter J. Simba Makoni: Zimbabwe's Roaring Lion? // BBC News. – London, 2008. – 5 February. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7228205.stm> (date of access: 05.04.2014).

⁸³ Taylor D. Former ZANU-PF Heavyweight Prepares to Challenge Mugabe // Voice of America. – Washington, D.C., 2008. – 19 March. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20080725012959/http://www.voanews.com/english/Africa/Former-ZANU-PF-Heavyweight-Prepares-to-Challenge-Mugabe.cfm> (Date of access: 05.04.2014).

го Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта «для организации крупнейшего на протяжении десятилетий сопротивления лидеру Зимбабве [Мугабе]»⁸⁴.

В конечном итоге С.Макони получил значительно меньше голосов избирателей, чем действующий президент Р.Мугабе и основной оппозиционный кандидат М.Цвангарай. Вместе с тем, его выход из Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта впервые в истории проведения выборов в стране привёл к росту ожиданий, что Р.Мугабе может быть вскоре отстранён от власти. Кампания С.Макони против Р.Мугабе, основой которой была экономическая платформа, заслуживает внимания по трем причинам. Во-первых, несмотря на его членство в правящем аппарате, который был ответственен за экономический кризис, С.Макони заслужил репутацию одного из немногих людей, кто полностью поддерживал экономическую либерализацию, даже ценой ущерба собственным персональным амбициям. То, что Р.Мугабе не прислушивался к его советам, вследствие чего Зимбабве столкнулась со столь значительными экономическими проблемами, подтверждало, что С.Макони потенциально может предложить решение по выходу из кризиса. Один избиратель сказал: «Мне нравится С.Макони, потому что он в прошлом доказывал, что имея соответствующие возможности, он может эффективно развивать экономику»⁸⁵.

Во-вторых, если разногласия во взглядах на проведение политического курса и/или карьерные амбиции были единственным фактором, стимулировавшим расколы в доминантной партии, то С.Макони следовало

выйти из Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта задолго до февраля 2008 года. Разногласия во взглядах на проведение политического курса между ним и Р.Мугабе, достигшие апогея в 2002 году во время отставки С.Макони с поста министра финансов, не побуждали С.Макони уйти из Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта вплоть до выборов 2008 года – момента, когда он мог воспользоваться углублением экономического кризиса для того, чтобы обеспечить привлекательность анти-инкубентских позиций и разгласить повсюду о собственном опыте реформатора. Разногласия во взглядах на проведение политического курса и межличностные противоречия не могут выступать в качестве стимулов, но они были задействованы только тогда, когда состояние экономики предоставило удобный момент.

Наконец, последствия событий 2002–2008 годов чётко показывают, что корреляция между экономическим развитием и выходом из режимной партии действует в одном направлении. Случившись после десяти лет неэффективной экономической политики и отсутствия доверия инвесторов, уход С.Макони был результатом, а не причиной в этой зависимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До распада СССР считалось, что однопартийные диктатуры неуязвимы в силу наличия кооптационных и репрессивных возможностей режимной партии. Режимы с доминантной партией обладают рядом характеристик, присущих однопартийным государствам, при этом они отличаются от последних в двух отношениях: проведение конкурентных выборов и наличие оппозиционных партий. Эти институты создаются для того, чтобы способствовать пребыванию у власти авторитарных правителей, они также несут с собой риски для инкубентов. Эти серьезнейшие угрозы создаются не существующими оппозиционными партиями, а проистекают из элит в рамках режимной партии, которые взвешивают издержки и преимущества того, чтобы остаться вместе.

⁸⁴ С.Макони, предположительно, имел поддержку бывшего командующего армии и главной фигуры в партии С.Мужуру, жена которого была вице-президентом наряду с другими членами Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта (Winter, 'SimbaMakoni'). Mprofu P. MDC Welcomes New Mugabe Challenger // ZimOnline. – Harare, 2008. – 6 February. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20041204031211/http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity/index.htm> (date of access: 10.02.2008).

⁸⁵ Chirinda S. Surprise, Disbelief Greets Makoni's Bid for Presidency // ZimOnline. – Harare, 2008. – 6 February. – URL: <http://www.zimonline.co.za/> (date of access: 10.02.2008).

Два важных элемента расчетов элит и избирателей лежат в экономике. Режимные элиты осознают, что в условиях отсутствия активной поддержки со стороны граждан они должны сохранять лояльность. Когда наблюдается негативная экономическая ситуация, этот общественный договор попадает под угрозу, но даже в период экономического кризиса массовые протесты против режима маловероятны; во-первых, граждане сталкиваются с проблемами коллективного действия; во-вторых, репрессивные возможности режима удерживают любых политических предпринимателей от организации масс. Элиты располагают инструментами обращения к рядовым гражданам и обеспечения поддержки; это происходит обычно через выборы, а не путем вооруженной борьбы на улицах.

В условиях снижения доходов населения режимные элиты имеют возможность выйти из доминантной партии и вести борьбу с инкумбентами на выборах. Экономика предоставляет ряд вопросов, вокруг которых перебежчики могут мобилизовать поддержку, структура которой может пересекать другие социальные расколы. Перебежчики предвидят, что избиратели хотят наказать инкумбентов на выборах за неблагоприятную экономическую ситуацию. Основываясь на этом предположении, мы обнаруживаем, что показатель среднего роста доходов на душу населения перед выборами оказывает влияние на вероятность ухода режимных элит из доминантной партии. В частности, когда доходы повышаются, или даже остаются неизменными, стимулы для элит к выходу из режимной партии находятся на низком уровне.

В результате этого анализа могут быть сформулированы два важных вывода об этих режимах. Во-первых, правящая партия и выборы – институты режима, которые вроде бы предназначены для содействия выживанию инкумбентов, – могут стать ключевыми механизмами, способствующими распаду режима. Во-вторых, устойчивость этих институтов не полностью основывается на эндогенных механизмах самовоспроизводства, значимость которых подчеркивают ученые, но также поддерживается экзогенными фак-

торами, которые обеспечивают для элит стимулы оставаться лояльными режиму. Б.Магалони полагает, что это видимость непобедимости, которая предупреждает расколы элит в этих режимах⁸⁶. Проверив долю голосов, полученных режимной партией на выборах, мы доказываем, что это больше, чем просто «гипердоминирование», которое способствует единству элиты. Кроме того, это больше, чем институциональные связи партии, которые обеспечивают единство элиты в этих режимах. Действительно, Смит показывает, что долговечность партийных режимов в сравнении с другими субтипами авторитарных режимов ниже при исключении ряда выбросов (Мексика и СССР) и проверке экономического роста⁸⁷. Таким образом, если это тот случай, когда положительный экономический рост необходим для привлечения и сохранения элитных союзников, независимое влияние институтов доминантной партии на лояльность элиты остается под вопросом.

Авторы выражают благодарность К.Бош, Х.Фернандес-Альбертос, У.Киму, Т.Ремингтону, Х.Риос Фигуэйра, М.Шварцберг, а также участникам Ежегодного конгресса Американской Ассоциации политической науки 2007 года и участникам Конференции «Конституции и рынки» Европейского Университетского Института, состоявшейся в июне 2007 года.

⁸⁶ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

⁸⁷ Smith B. Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule // World Politics. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, No. 3. – pp. 421–451.

Экономическое развитие и расколы доминантных партий

Ора Джон Рейтер, профессор; **Дженнифер Ганди**, профессор,
Университет Эмори, кафедра политологии
E-mail: oreuter@emory.edu, jgandh2@emory.edu

Аннотация. Режимы с доминантной партией – это недемократические режимы, в которых (1) правление осуществляется при поддержке доминантной политической партии и (2) поддерживается в условиях проведения многопартийных выборов. Коалиции элит, организуемые в рамках доминантной партии, уязвимы перед выборами, совпадающими по времени с неблагоприятной экономической ситуацией. Спад в экономике даёт элитам платформу, на базе которой они могут мобилизовать поддержку для борьбы с действующей властью на выборах. В результате вероятность расколов в доминантной партии повышается тогда, когда снижается уровень доходов. Оригинальная база данных исследования, включающая 227 выборов на пост главы исполнительной власти в диктатурах с доминантной партией с 1946 по 2004 год и анализ казусов расколов элит в Зимбабве в период правления Зимбабвийского африканского национального союза – Патриотического фронта в 2008 году и в Турции в период правления Демократической партии в 1955 году, предоставляет доказательную базу этого предположения.

Ключевые слова: доминантная партия, выборы, элиты, экономическое развитие

Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties

Ora John Reuter, PhD, Professor; **Jennifer Gandhi**, PhD, Professor,
Emory University,
Political Science Department
E-mail: oreuter@emory.edu, jgandh2@emory.edu

Abstract. Hegemonic party regimes are non-democratic regimes that [1] rule with the aid of a dominant political party and [2] hold multi-party elections. Elite coalitions organized under the aegis of a hegemonic party are most vulnerable in elections that coincide with poor economic performance. A declining economy provides elites with a platform around which they can mobilize support to challenge incumbents in elections. As a result, the likelihood of defections from hegemonic parties increases as income declines. This study's original dataset, which includes 227 elections for the chief executive in hegemonic party dictatorships from 1946 to 2004, and its case studies of defections in Zimbabwe under ZANU-PF in 2008 and Turkey under the Democratic Party in 1955 provide evidence for this proposition.

Key words: dominant party, elections, elites, economic development.

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ В КИТАЕ

М.Ю. Коростиков

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ В КИТАЕ: ОТ ТРАДИЦИИ К МАРКСИЗМУ

Взаимоотношения власти и собственности являются ключевой характеристикой внутренней жизни государства. Защищены ли права собственности? Насколько сильно власть контролирует экономику? Какие формы принимает коррупция? Все эти вопросы имеют не только научную, но и практическую ценность: в зависимости от существующей модели страна может либо процветать, либо находиться в упадке. Власть и собственность могут сосуществовать следующим образом:

- Условно «западная» модель, когда собственность порождает власть. Богатейшие люди фактически покупают политическое влияние.

- Условно «восточная» модель, при которой власть даёт право на контроль над собственностью. Права на имущество сосредоточены в руках управленцев, которые дают и отбирают её по своему желанию.

- Смешанная модель, характеризующаяся нестабильностью взаимоотношений и частыми кризисами, протекающими как поочерёдное доминирование каждой из моделей.

- Китай – страна с древнейшей непрерывной задокументированной историей, и все перечисленные выше модели сыграли в её развитии важную роль. Будучи «письменной» цивилизацией, достаточно рано сделавшей кодификацию норм элементом повседневности, Китай обеспечил себе основу для роста благосостояния государства, создав легко узнаваемый тип взаимоотношений

между властью и собственностью. Кратко его можно описать следующим набором черт:

- «Восточный» тип имущественных отношений: глава государства – верховный редистрибутор земли и ресурсов в целом.

- Политическая централизация и контроль государства над экономикой воспринимается как благо, децентрализация и обособление политических единиц – как предвестник смуты и хаоса.

- Отбор частной собственности считается жестокой, но в целом оправданной мерой, призванной помешать излишнему усилению отдельных игроков.

- Собственность как таковая не считается неприкосновенной, распоряжение ею подчинено цели предотвращения ослабления государства.

После прихода к власти коммунистов взаимоотношения между властью и собственностью были перестроены в соответствии с марксистской доктриной, хотя и в более «лёгкой» версии, чем в СССР. Все банки были национализированы, унифицирована была расшатанная за годы войны клик финансовая система. Были учреждены государственные торговые компании, которые закупали продукты у производителей и конкурировали на рынке с частными продавцами. Принятые на первых порах меры можно было бы даже назвать стимулированием коммерции и торгового оборота. В государственных руках ещё при Гоминьдане и без того находилось более трети всей экономики, включая большую часть тяжёлой промышленности и транспорт, так что коммунисты лишь продолжили развивать линию на огосударствление народного хозяйства.

Тем не менее, доктрина диктовала свои условия. К 1952 году 83% экономики было передано в государственное управление, а к 1958 частных предприятий в стране не осталось: 67,5% были государственными, 32,5% – смешанной частно-государственной формы собственности. Сделано это было не столько через прямую экспроприацию, сколько через установку невыносимых условий кредитования и налогообложения для исключительно частных предприятий: их вынуждали акционироваться и продавать большую часть акций государству. Впрочем, бывших владельцев нередко назначали директорами новых государственных предприятий, что делало национализацию менее болезненной, чем в СССР. Большие изменения произошли в сельском хозяйстве: земля была конфискована у лендлордов и «кулаков» (около 30% населения) и распределена между всеми крестьянами относительно в равной пропорции. Внедрялась система «команд взаимопомощи», протоколхозов, где объединённые в группы домохозяйства должны были помогать друг другу в работе, и к 1958 году 94% хозяйств были коллективизированы. Направление на огосударствление имело место до конца 1970х гг.

После смерти Мао Цзедунa и непродолжительного периода борьбы за власть победителем оказался Дэн Сяопин, и вскоре последние ультралево-консерваторы были повержены и отправлены в тюрьму, а экономические отношения приобретали новое измерение. В стране начинались рыночные реформы, нарождался класс предпринимателей. Для закрепления существующего статуса была издана новая Конституция 1982 года, которая оказалась настолько удачной, что с поправками существует и по сей день. В этой конституции были сохранены две формы собственности, государственная и коллективная, но статья 11 указывает на существование «индивидуальной экономики», которая хотя и находится под надзором государства, но и защищается им. Также статья 13 утверждает, что государство защищает нажитое в соответствии с законом, частную собственность граждан и право на наследуемое имущество. Согласно поправке к статье 11, принятой в 1988 году «государство

разрешает существование частного сектора экономики в дополнение к социалистической экономике». Государство, как указано, контролирует и надзирает за частным сектором, но и защищает его права. Более того, в этом же году поправкой в конституцию было разрешено передавать или продавать права пользования на землю, что ранее было строжайше запрещено.

Стоит отметить, что общепризнанно главной реформой начального этапа пост-маоистских преобразований по праву считается введение системы «индивидуальной ответственности домохозяйств» в начале 1980х гг., что по сути было отменой колхозного строя на селе¹. Правительство разрешило крестьянам «вырезать» из колхозного надела равные части и самостоятельно нести ответственность за прибыли и убытки, полученные в ходе работы на нём. Распространяя опыт деревни Сяоган, где эксперимент был впервые проведён, на всю страну, власти отдали значительную долю контроля над экономикой в руки частных лиц.

В 1980 году была проведена фискальная децентрализация², больше налогов стало оставаться на местном уровне³, что способствовало росту сегмента так называемых городских и сельских предприятий (*township and village enterprises*). По форме это были предприятия, создававшиеся городскими или сельскими властями либо коллективами рабочих и крестьян и относившиеся к коллективной или государственной собственности. По факту после фискальной децентрализации такие предприятия лишь на бумаге были государственными или общественными, а по факту управлялись как частные⁴. Согласно экономическим теориям, неопределённость

¹ Tilt, B. (2008), 'Smallholders and the 'Household Responsibility System': Adapting to Institutional Change in Chinese Agriculture', *Human Ecology*, April, vol. 36, issue 2.

² Montinola, G., Qian, Y., Weingast, B.R. (1996) *Federalism, Chinese style: political basis for economic success*, *World politics*, 48:1 (The John Hopkins University Press), pp. 50-81.

³ Lijiang, Z. (2000) 'Creation, Reform and Adaptation—On the Historical Experience of the Development of the Central Local Relationship Since the Founding of the PRC', *Jiangnan Tribune*, Vol. 1, 2000, p.75..

⁴ Williams, H. (2001) 'Property Rights and Legal Reform in Township and Village Enterprises in China', *Asia-Pacific Law and Property Journal*, 2001, vol.2, issue 1.

прав собственности должна была вести к неэффективности предприятий, но реально в 1980х гг. они были самым динамичным сегментом экономики⁵, обеспечивавшим двузначные цифры роста. Формально такие предприятия принадлежали чиновникам, управляющим поселением, в реальности у них не было ни навыков, ни желания заниматься оперативным управлением, они переводили предприятие на полный хозрасчёт и поручали его дела менеджменту. От предприятия требовалось платить налоги, участвовать в социальных проектах, вроде строительства школ и больниц, наполнять рынок и создавать рабочие места⁶. Чиновники всячески помогали предприятиям, так как те закрывали цифры отчётности, делая вверенную территорию богаче и стабильнее. Это способствовало карьерному росту самих чиновников.

Интересно также то, что «система индивидуальной ответственности домохозяйств», была закреплена документально в качестве одного из разрешённых вариантов хозяйствования только поправкой в конституцию 1993 года, до этого её использование разрешалось только с некодифицированного разрешения высшего руководства государства. Окончательно все особенности этой системы были зафиксированы в отдельном законе «О контрактном использовании земель сельскохозяйственного назначения», принятом только в 2003 году⁷. Вполне вероятно, что государство не кодифицировало норму долгое время потому, что аккумуляция земли у богатых и удачливых землевладельцев лежала в основе бунтов, сотрясавших китайское государство всю его историю. Только убедившись, что земля больше не представляет такой ценности и опасности как раньше, власти решили довести дело до конца.

Дополнительную идеологическую основу под новый курс подвела прошедшая в 1985

году специальная совместная конференция «Центра изучения развития Госсовета КНР» и Всемирного Банка, которая называлась «Международная конференция по макроэкономическим реформам в Китае». Она была созвана по совместной инициативе сторон с целью выработки стратегии борьбы с инфляцией, которая в 1985 году стала угрожающе высокой (до 10% в квартал года). На конференцию были приглашены нобелевские лауреаты по экономике преимущественно социалистической ориентации, такие, как Джеймс Тобин (автор знаменитой идеи «налога Тобина») и Янош Корнай. В результате руководство Китая получило не только массу советов по существу вопроса, но и укрепило общее понимание макроэкономической ситуации в мире⁸. Стоит отметить, что именно Тобин порекомендовал КНР использовать жёсткую монетарную и валютную политику, которая в последствии позволила стране избежать худших последствий азиатского финансового кризиса. Можно сказать, что западные экономисты-социалисты предложили Китаю опробовать у себя теории, которые на Западе в силу господства в ту пору либерального фундаментализма применения найти не могли.

Несмотря на огромный прогресс, который прошла китайская правовая система в области взаимоотношений власти и собственности, нельзя не отметить, что эта сфера остаётся одной из самых неопределённых. Указанные в конституции 1982 года положения о защите частной собственности нуждаются в подкрепляющих и конкретизирующих их законах, и между её принятием и вступлением в силу положения, к примеру, о защите частной собственности, прошло более 20 лет, оно было принято лишь в 2007 г. (об этом подробнее будет рассказано ниже). Причины сохранявшегося долгое время правового вакуума может трактоваться по-разному. С одной стороны, для властей неопределённость — удобный механизм, позволяющий держать людей под контролем. Если полномочия власти дискретны, то,

⁵ Zweig, D. (1997) 'Rural People, the Politicians, and Power', The China Journal, 1997, vol. 3.

⁶ McDonnel, B.H. (2004) 'Lessons from the Rise and (Possible) Fall of the Chinese Township-Village Enterprises', William and Mary Law Review, 2004, vol.45, issue 3.

⁷ China Questions and Answers. Mode of access: <http://www.china.org.cn/english/Q&A/160352.htm>, (last visited 16 November 2014).

⁸ Lin, J.Y. (2004) 'The Chinese Miracle: How OECD Country Policy Contributed?', The Impact and Coherence of OECD Country Policies on Asian Developing Economies Conference paper (Paris, July 21, 2004).

по сути, она может делать всё, что захочет, включая отъём частной собственности во имя определённой цели. К примеру, возможна экспроприация имущества бизнесмена в случае поддержки им оппозиционных политических сил, как это произошло в своё время в России с Михаилом Ходорковским и компанией ЮКОС. С другой стороны, КПК могла просто проводить юридический эксперимент, проверяя, какой тип взаимоотношений между бизнесом и властью установится сам собой, чтобы потом его кодифицировать. При всей наивности этого предположения оно вполне вписывается в китайскую логику «переходить реку, ощупывая камни», то есть постоянно экспериментировать и запускать любое нововведение в тестовом режиме.

Из-за большого числа «дыр» в правовом поле китайская система характеризуется исследователями как «власть постановления»⁹, по аналогии с «властью закона». Когда проблема с правовым вакуумом в определённой области ощущается совсем остро, Госсовет выпускает «Постановление» или «Временное положение», которое затыкает юридическую «дыру» до тех пор, пока власть не соберёт достаточно информации и не согласует все интересы, чтобы издать полноценный закон. Исследователи часто связывают это с особенностями культуры, в которой очень важное место занимают личные договорённости, не нуждающиеся в законодательном оформлении.

Все 1980е и 1990е гг. предпринимательство и частная собственность носили экспериментальный характер, к ним относились с подозрением, причём даже тогда, когда государственный сектор в социалистической стране сжался до менее чем половины экономики. Программу разгосударствления готовы были в любой момент свернуть, если бы она была признана вредной для обороноспособности или политического режима. Такие опасения существовали во время после подавления восстания на площади Тяньаньмынь, но Дэн Сяопин, несмотря на преклонный возраст, лично приложил все усилия, чтобы ничего подобного не случилось.

⁹ Williams, H. (2001) 'Property Rights and Legal Reform in Township and Village Enterprises in China', *Asia-Pacific Law and Property Journal*, 2001, vol.2, issue 1.

Двойственность статуса предпринимателей и неопределённость прав собственности привели к необходимости в 2002 году новому руководителю КНР Цзян Цземиню выступить с докладом о «трёх представителях» (рабочих, крестьян и предпринимателей), который сделал бизнесменов частью общества на идеологическом уровне и открыл им доступ для вступления в КПК¹⁰. Этот поступок окончательно легитимизировал их вид деятельности, но частная собственность не имела полностью юридически оформленной защиты до 2007 года. Тем не менее, оторванность практики от правовой базы не помешала КНР достичь выдающихся результатов.

РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ПО-КИТАЙСКИ

Когда власти КНР пришли к выводу о благотворности влияния частной инициативы на рост экономики, перед ними лежало множество путей, которыми можно было отпустить её в рыночную стихию. В середине-конце 1980х гг. на выбор уже были различные модели «рыночного социализма», который существовал, а также опыт реформ Косыгина в СССР, которые хоть и не дали результатов, но, как показывает история, активно изучались в КНР. В результате, была сделана ставка на приватизацию малых предприятий их же собственным менеджментом.

Приватизация шла в несколько этапов. Во-первых, в 1984 году ЦК КПК издал постановление «Решение о реформе экономической структуры», имевшее целью повторить на госпредприятиях успехи системы индивидуальной ответственности домохозяйств на селе. Отныне чиновникам всех уровней запрещалось вмешиваться в оперативное управление деятельностью предприятий, находившихся у них в подчинении. Часть прибыли после выполнения плана оставалась на предприятии и шла на премии управляющим в случае их достойной работы. Менеджеры госкомпаний получали в своё распоряжение всю продукцию, выпущенную сверх плана, а также набор прав кадрового и финансо-

¹⁰ Mode of access: http://russian.people.com.cn/200210/22/rus20021022_67108.html, (last visited 16 November 2014).

вого характера. Так как заработная плата теперь полностью зависела от производительности, управляющие государственных предприятий стремились увеличить производительности и брали субподрядчиками частные компании, перенимая у них в том числе управленческий опыт¹¹. Это привело к дополнительному росту числа частных предприятий. Хотя они и брали на себя огромные риски, но разница в хозяйствовании была настолько велика, что к 1993 году госсектор уже производил только 43% промышленных товаров (в 1978 г. – 78%), а на селе число занятых в нём опустилось до 30%.

В середине 1980х гг. государство выпустило серию законов, постепенно вводивших систему акционирования госпредприятий¹². Изначально было создано перекрёстное владение госпредприятиями акций друг друга, что привело к объединению и укрупнению госпредприятий на базе самых эффективных их представителей. К 1992 году Государственной комиссией по реструктуризации экономики было выпущено постановление «Пробные меры акционирования предприятий» (*Share Enterprise Trial Measures*), согласно которому предприятиям разрешалось выпускать три вида акций: акции для государственных покупателей, акции для юридических лиц и акции для физических лиц. Последний тип был разделён на акции для китайских граждан и для иностранцев. Сумма, на которую государство желает продать акций госкомпаний, утверждалась раз в год Госсоветом и равномерно делилась между провинциями, а те дробили и спускали её дальше вниз. Конечное решение о том, какие предприятия акционировать, оставалось за местными властями. При этом, государство отключило госпредприятия от прямых субсидий из бюджета, и продажа акций стала единственным способом привлечь внешний по отношению к фирме капитал.

Важной реформой, в ходе которой система менеджмента на оставшихся госпредприятиях была радикально пересмотрена, можно считать внедрённую в 1994 году так

называемую Современную систему управления предприятиями (ССУП). Ключевые её особенности состояли в следующем:

1. Обособление предприятий от государства, передача им прав собственности на фактически используемые мощности и объекты.
2. Прояснение прав и обязанностей руководства госпредприятий и государственных управляющих госпредприятий.
3. Разделение функций бизнеса и бюрократии.
4. Внедрение научных практик управления.

В практическом плане, ССУП прямо рекомендовала государственным компаниям переходить к акционерной форме собственности. Целей у реформы было несколько: понять, какая модель лучше всего подходит для управления и контроля над госпредприятиями; понять, какая система стимулов поможет соблюсти интересы госпредприятий, власти и жителей региона; понять, как лучше всего организовать собственность госпредприятия. На время реформы все госпредприятия были включены в трёхзвенную систему управления: профильное министерство – местная власть – местное предприятие¹³.

К 1998 году более 80% госпредприятий, которые подчинялись уездному уровню власти и ниже (за редчайшим исключением это были малые и средние предприятия) оказались приватизированы¹⁴. Никакого плана по приватизации крупных предприятий не было, но максимум, на который могли рассчитывать покупатели – до 24% акций, зачастую не голосующих. Частично приватизированные государственные компании получили разрешение на выхода на Шанхайскую и Шеньчженьскую фондовые биржи для привлечения дополнительного капитала. Частным малым и средним предприятиям этот метод был долгое время не-

¹¹ Naughton, B. (1995) *Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978-1993* (New York: Cambridge University Press).

¹² Cao, L. (2001) *Chinese Privatization: Between Plan and Market* (Brooklyn Law School).

¹³ Lee, J. (2010) *State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence*, OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets (OECD Publishing).

¹⁴ Ho, D., Young, A. (2013) 'China's Experience in Reforming Its State-Owned Enterprises: Something New, Something Old and Something Chinese?', *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*, 2(4) April 2013.

доступен (существовал довольно высокий минимальный порог стоимости размещения и многочисленные бюрократические препоны), и многие фирмы предпочитали выходить на открытую в 1999 году биржу в Гонконге, специализирующуюся на малых и средних инновационных предприятиях. Впрочем, для этого тоже нужно было получить разрешение властей, боявшихся массового оттока высокотехнологичных компаний с материка¹⁵. Эта мера была перестраховочной, как и ещё одна: не сумев привлечь достаточно средств через размещение акций госкомпаний на бирже, государство вместо того, чтобы открыть рынок для частных компаний и радикально увеличить его размер, предпочло выпустить ещё акций в Гонконге и Нью-Йорке.

Согласно результатам исследований выборки 634 фирм в период с 1994 по 1998 приватизация действительно улучшала финансовые показатели компании. Также приватизация положительным образом сказывалась на производительности труда¹⁶. Ещё большей продуктивности удавалось достичь за счёт продажи части госкомпаний не просто частным лицам, а иностранным инвесторам. Обратная национализация компаний является редким явлением, но вызывает обычно ухудшение финансовых показателей¹⁷.

Несмотря на изменение характера собственности, многие компании сохраняли проблемы, характерные для социалистических предприятий. В основном это было результатом закрытого характера приватизации: она была проведена таким образом, что в большинстве случаев собственником становилась управленческая команда. В итоге система менеджмента в большинстве случаев не претерпела изменений, новые практики хозяйствования внедрены были не везде. Некоторые управленческие коллективы, получив в руки контроль над предприятием,

предпочитали распродавать его имущество, после чего передавать «скелет» по бросовой цене. Во многих местах местные чиновники через дружеские и иные связи с менеджментом малых предприятий (ведь это были их бывшие подчинённые) получали фактический контроль над финансовыми потоками компаний. Особенно это было актуально в свете того, что первые пятнадцать лет существования массовой частной собственности и капиталистических отношений в КНР юридическая база была крайне неразвита. Многие вопросы хозяйствования вообще не были освещены, некоторые оставались на усмотрение местных чиновников. Всё это, фактически, ставило предпринимателей в зависимость от благосклонности того или иного чиновника, и во многих случаях делало его полноправным бизнес-партнёром.

Что касается крупных предприятий, то здесь ситуация была ненамного лучше: до 2003 года они были подчинены различным органам, имеющим разный статус в китайской властной иерархии. Какие-то предприятия находились непосредственно в ведении министерств, какие-то — в подчинении провинциальных властей, какие-то подчинялись на прямую исполнительным органам. Это затрудняло коммуникацию: крупные предприятия оборонного комплекса получали ресурсы от таких же по размеру предприятий добывающей промышленности через множество государственных посредников, что сильно затрудняло работу и удлиняло производственный цикл. Крупнейшими администраторами предприятий были Государственная комиссия по экономике и торговле, Центральный рабочий комитет по делам крупных предприятий, Комиссия КПК по делам предприятий, а также профильные департаменты Министерства финансов и Министерства труда и социальной защиты¹⁸. Полномочия часто дублировались.

Несмотря на постоянные усилия по улучшению эффективности госпредприятий, прибыльность многих из них в рыночной среде неуклонно падала. Согласно

¹⁵ Mode of access: <https://law.wm.edu/faculty/documents/cao-653-6431.pdf> (last visited 16.11.2014).

¹⁶ Song, L., Yao, Y. (2004) 'Impacts of privatization on firm performance in China. China Share Issue Privatization: the extent of its success', *Journal of Financial Economics*. Vol. 70, Iss. 2. pp.183–222.

¹⁷ Driffield, N., Du, J. (2007) 'Privatisation, State Ownership and Productivity: Evidence from China', *International Journal of the Economics of Business*, vol. 14:2.

¹⁸ Wang, X, Tan, L, Zhou, J. (2005) 'The nature of the state-owned assets supervision and administration commission', *Contemporary Finance & Economics*, vol. 246.

докладу ОЭСР¹⁹, к 1997 году из 22000 госпредприятий около 7000 зарегистрировали убытки. В 1998 году премьер госсовета КНР Чжу Жунцзы объявил о запуске Трёх-летнего плана реформ и начале реорганизации госпредприятий. Его суть обозначили, как принято в Китае, в ёмкой фразе «сохранить больших, отпустить маленьких»²⁰. Это означало, что в государстве окончательно победил курс на создание супергигантов в ключевых для экономики областях, а мелкие и средние предприятия решено было продать на рынке. Впрочем, ставка на «национальных чемпионов» отнюдь не означала, что они будут выращиваться в тепличных условиях. Моделью развития были выбраны южнокорейские и японские концерны, но даже крупные компании должны были доказать свою эффективность в рыночных условиях. Начались массовые увольнения, закрытия безнадёжных компаний, увольнения некомпетентных менеджеров и диверсификация производств. Провинциальные власти бросились распродавать убыточные предприятия, сливая в конгломераты прибыльные. В результате, шла концентрация государственной собственности.

На этом этапе анализа важно выделить причину, по которой схема отношения между властью и собственностью позволили стране достичь выдающихся экономических результатов. Почему чиновники не разрушили систему хозяйствования рейдерскими захватами, разорением предпринимателей, постоянными проверками? Ключевым фактором, предотвратившим такое развитие событий, стала реформа регионального управления, которая выразилась в привязке центральной властью процветания чиновников к процветанию местного бизнеса. Руководители территориальной единицы любого уровня подписывают контракт, по которому обязуются перед начальством к концу определённого срока повысить ряд показателей. Если они его не выполняют – чиновник получает выго-

вор и может быть уволен или понижен. Если выполняют или перевыполняют – чиновник получает премию или идёт на повышение. Показатели делятся на «жёсткие» и «мягкие», и выполнение первых даёт больше «очков». В списке жёстких критериев – привлечение в регион инвестиций, повышение промышленного производства, рост налоговых отчислений. В числе «мягких» – экология, здравоохранение и образование. Более того, в рамках описанной системы фискальной децентрализации местные власти были практически отрезаны от центрального финансирования и бюджетных субсидий, они обязаны были покрывать все имеющиеся расходы за счёт налоговых поступлений. Естественно, предприниматели, как крупнейшие налогоплательщики, стали восприниматься как важная составная часть местной экономики.

ГКУНГС И СОЗДАНИЕ МЕГАКОРПОРАЦИЙ

В 2003 году для упорядочения управления госпредприятиями была образована ГКУНГС (SASAC), Государственная комиссия по управлению и надзору за государственной собственностью, которая переподчинила себе все крупные предприятия, обозначенные как стратегические, кроме банков и финансовых учреждений (для них уже существовали отдельные структуры). К этому моменту приватизация малых и части средних предприятий уже была завершена, а другая часть средних и многие крупные госпредприятия провели некоторое время на рынке и были поглощены либо частными, либо, что происходило чаще, другими государственными компаниями. Наиболее крупные «монстры индустрии» были серьёзно реструктурированы, управление было улучшено, а лишний персонал хоть и медленно, но увольнялся. В связи с резко изменившимся экономическим ландшафтом, государству потребовался единый орган для координации действий госкомпаний в новых условиях.

Главной целью создания ГКУНГС являлось повышение прибыльности госпредприятий, а ключевыми задачами были следующие²¹:

¹⁹ Lee, J. (2010) *State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence*, OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets (OECD Publishing).

²⁰ Zheng, Y., Chen, M. (2007) 'China's Recent State-Owned Enterprise Reform and its Social Consequence', China Policy Institute Briefing, Issue 23.

²¹ Mode of access: <http://www.sasac.gov.cn/n2963340/n2963393/2965120.html> (last visited: 17.11.2014).

Таблица 1

Типы компаний под управлением ГКУНГС
и информация о них

Тип компаний	Описание отраслей группы	Описание плана собствования	Количество предприятий в списке
Ключевые и стратегические компании	Оборона, производство и транспортировка энергии, телекоммуникации, нефть и нефтепереработка, угледобыча, гражданская авиация, кораблестроение	Сохранять 100% контроль над отраслями, по возможности наращивать объёмы собственности	40
Стержневые компании (pillar industries)	Машиностроение, автомобилестроение, ИТ, строительство, металлообработка, химическая промышленность, геологоразведка	Сохранять достаточную долю во всех компаниях для влияния на процессы в отрасли	60
Прочие компании	Торговля, инвестиции, медицина, производство стройматериалов, сельское хозяйство, земельные работы	Контролировать значительные доли в ключевых компаниях отраслей. Из остальных – уходить	40

1. Управление активами госпредприятий.
2. Деятельность в качестве стратегического инвестора.
3. Контроль за кадровой политикой.
4. Стимуляция реформирования и модернизации госпредприятий.

Для каждой из крупных компаний разрабатывался план, подписываемый топ-менеджерами при назначении на должность. План включает в себя ключевые индикаторы роста, которые необходимо достигнуть компании по истечении отчётного периода. Если в результате план не выполняется – менеджер в первый отчётный период штрафуются, а потом и увольняется. В случае успеха или перевыполнения плана назначается премия. По сути, эта схема мало отличается от той, которая принята на частных предприятиях, с той лишь разницей, что государство продолжает сохранять «командные высоты» в экономике. Более того, согласно перечню полномочий, ГКУНГС имеет право наложить вето на любое коммерческое решение, если оно будет сочтено противоречащим интересам государства.

В результате, в стране установилась новая система управления госпредприятиями. В ней присутствуют три составляющие:

1. Компании, напрямую подчиняющиеся ГКУНГС.
2. Финансовые компании, подчиняющиеся профильным контролирующим органам: Китайской комиссии по регулированию банковской деятельности, Китайской комиссии

по регулированию страховой деятельности и Китайской комиссии по регулированию обращения ценных бумаг.

3. Компании и учреждения, подчиняющиеся непосредственно центральным министерствам.

Рассматривая особенности и структуру предприятий, управляемых ГКУНГС, стоит отметить, что до 2006 года их список вообще был закрыт для общественности. С 2006 года он находится в открытом доступе, как и общее описание плана собствования, и мы можем видеть, что государство считает стратегическими следующие типы предприятий табл.1.

Стоит учесть, что из первоначальных 140 компаний (к 2014 году их осталось 113) практически все были огромными зонтичными холдингами, объединявшими много сотен предприятий. Крупнейшие компании из списка имеют до 17 000 субподрядчиков, разделённых пятью уровнями подчинения по принципу матрёшки. При этом, многие мелкие подчинённые компании зачастую бывают частично, а то и полностью приватизированы, так что по факту контроль ГКУНГС над всей цепью производства далеко не абсолютен²². Более того, к 2009 году стало очевидно, что на нижнем уровне продолжается распродажа местными властями малых и средних предприятий, прямо действованных в деятельности стратегиче-

²² Mattlin, M. (2010) 'Chinese Strategic State-owned Enterprises and Ownership Control', BICCS Asia Paper, vol. 4.

ских холдингов. В результате, было издано постановление правительства, в котором за-прещалась приватизация и даже частичная продажа компаний, имеющих отношение к производственным цепочкам холдингов, отнесённых к «Ключевым и стратегическим».

Внимание к компаниям под управлением ГКУНГС не ограничивается вышеописанным постановлением. Официальные лица не раз заявляли, что будут и дальше прилагать все усилия для максимального укрупнения этих предприятий и будут стремиться сократить их число до 30–50 штук, причём предприятия из второй и третьей групп будут либо слиты с первой, либо приватизированы²³. По мнению властей КНР, расширять список не стоит, но управляемые ГКУНГС компании должны быть самыми крупными, прибыльными и современными, их основная цель – конкурировать на международной арене. Помимо всего прочего, они являются популярным местом для работы членов Партии – в 2012 году там трудилось более 5 млн коммунистов²⁴, и некоторые главы госкомпаний являлись членами ЦК КПК. Грань между политической и менеджерской позиций в госкомпаниях стёрта, так как через них государство экономическими методами решало задачи сохранения контроля над страной и стабилизации социальной сферы: регулирование цен на энергию, продовольствие, строительство и т.п.

По большому счёту, государство стремится уйти как можно дальше от оперативного управления экономикой, реализуя свою роль контролёра «командных высот» через управление ключевыми вспомогательными индустриями, главные из которых – энергетика, оборона и телекоммуникации. По сути, эти три отрасли способны при должном управлении оказывать ключевое влияние на всю экономику: все современные компании пользуются связью и все производства нуж-

даются в энергии. Государственная оборонная промышленность позволяет контролировать производство оружия и гарантировать, что оно окажется только у «нужных» людей. Авиация и кораблестроение же являются отраслями с очень высокими входными барьерами, и на сегодняшний день без значительного участия государства поднять их с нуля было бы весьма затруднительно, так что контроль также можно считать оправданным. Уменьшение числа корпораций позволит также уйти из-под огня внутренней и внешней критики, которая утверждает, что госпредприятия всё ещё неэффективны, рабочие там получают неоправданно высокую зарплату, а банки выдают им льготные кредиты²⁵. Проблема с банковским финансированием действительно довольно серьёзна: в 2005 году численность малых и средних предприятий составляла около двух третей экономики, но на них приходилось лишь 16% банковского обеспечения²⁶.

Хороший пример протекания процесса образования мегакорпораций, которые вошли в структуру ГКУНГС, даёт исследование этого явления в провинции Шаньдун²⁷. В 1993 году после публикации приказа о введении ССУП, власти провинции выбрали 136 больших компаний, находившихся под их прямым управлением. В последствии они были сгруппированы в 8 концернов, которым суждено было стать сначала провинциальными, а потом и национальными локомотивами роста. Моделью для управления компаниями был, как уже упоминалось, южнокорейский конгломерат *Samsung*, который объединял в себе в то время (до азиатского финансового кризиса) широкий спектр производств, от йогуртов до высокоскоростных поездов. Критерии отбора предприятий на позиции национальных чемпионов были следующими:

1. Совпадение профиля с целями местной промышленной политики;

²³ Pan, L. (2007) 'Number of Central Enterprises to Reduce One-third', China Daily, 15.07.2007 available online 22.11.14 at http://www.gov.cn/english/2007-06/15/content_650104.htm

²⁴ Pei, M. (2012) 'China's Politics of the Economically Possible', Project Syndicate online, 16.03.2014, available online 22.11.14 at <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-politics-of-the-economically-possible>

²⁵ Zheng, Y., Chen, M. (2007) 'China's Recent State-Owned Enterprise Reform and its Social Consequence', China Policy Institute Briefing, Issue 23.

²⁶ Ibid.

²⁷ Liu, L. (2008) 'Local Government and Big Business in the People's Republic of China –Case Study Evidence from Shandong Province', Asia Pacific Business Review, vol. 14, issue 4.

2. Значительный вклад в местный ВВП;
3. Конкурентоспособность продукции на мировом рынке и способность зарабатывать иностранную валюту;

4. Реализованный эффект масштаба. Другими словами, достаточно большой размер при сохраняющейся прибыльности и эффективности.

Отобранным предприятиям был придан специальный политический статус приоритетных компаний. Они обязаны были составить индивидуальные бизнес-планы кратного увеличения прибыли, а взамен получали доступ к дешёвым кредитам, приоритетному снабжению водой и электричеством, спонсированию технического перевооружения и т.п. В 1997 году власти провинции одобрили 57 сделок по слиянию и поглощению между госпредприятиями, укрупняя отобранные компании. В результате, к 2001 году объединённые в 8 концернов 136 компаний давали 52,6% совокупной прибыли госпредприятий в провинции (всего их было около 8 тысяч). Активно привлекалось внебюджетное финансирование программ развития. С 1996 по 1998 год в одной только провинции Шаньдун было списано 3 млрд юаней долгов, лежавших на будущих чемпионах.

При этом, по мнению исследователя Джеймса МакГрегора, концерны являются зачастую убыточными предприятиями. Ссылаясь на данные китайского Института экономики «Юнирул», автор приводит следующие цифры: в период с 2001 по 2009 года госкорпорации под управлением ГКУНГС отчитались о прибыли в размере 920 млрд долларов. Тем не менее, если вычесть все государственные субсидии, получается, что за этот период среднегодовой возврат на вложенный капитал составил минус 6,29%²⁸.

Осознавая эту проблему, в октябре 2012 года был возвращён к жизни так называемый план «36 пунктов», разработанный в 2005 и положенный тогда под сукно. Он предполагает развитие возможностей для частичной приватизации компаний, работающих в святая святых государственной экономики: телекоммуникациях, электроэнергетике, не-

фтегазовой сфере и т.п. Было объявлено, что концерны, если позволят условия, выставят на продажу значительные пакеты акций дочерних предприятий²⁹. Основная цель реформы – довести все государственные компании до уровня, на котором они бы удовлетворили требованиям для выхода на биржу. Для этого было решено пригласить во все наблюдательные советы независимых директоров³⁰.

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КИТАЕ

Исследователи зачастую описывают существующую в Китае модель как «государство-предприниматель» (*entrepreneurial state*), что несколько отличается от модели государственного капитализма. Ключевой особенностью модели является то, что государственные органы и выступают как бизнесмены, вкладывая деньги в высокорискованные активы³¹ и стимулируют конкуренцию вместо того, чтобы, как принято в госкапитализме, всячески их защищать от любых шоков. Как уже говорилось выше, в 1990х гг. и во многих случаях до сих пор чиновники зачастую непрямым образом участвуют в управлении и получении прибыли от предприятий, что также даёт им некоторые предпринимательские навыки. Тем не менее, государственный сектор в Китае, очевидно, отступил, и частная собственность занимает в нём доминирующее по совокупному вкладу в ВВП место.

В начале процесса реформ в 1978 году госпредприятия давали 77,6% промышленной продукции (остальное – предприятия коллективной формы владения). К 2004 году эта цифра упала до 30%, и в 2011 году государственный сектор давал лишь 27% продукции, 35% налоговых поступлений и 20% капитальных инвестиций.

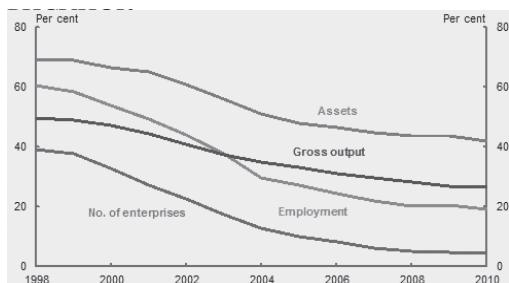
²⁸ McGregor, J. (2012) No ancient wisdom, no followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism, Easton Studio Press.

²⁹ McGregor, J. (2012) No ancient wisdom, no followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism, Easton Studio Press.

³⁰ Mode of access: <http://english.peopledaily.com.cn/90785/7990705.html> (last visited 16.11.2014)

³¹ Liu, L. (2008) 'Local Government and Big Business in the People's Republic of China –Case Study Evidence from Shandong Province', Asia Pacific Business Review, vol. 14, issue 4.

Таблица 2

Снижение доли государственного сектора
в период 1998-2010 года³²

Государственный сектор также получил 60% всех иностранных инвестиций и трудоустраивает 20% рабочей силы³³. Совокупная стоимость всех активов госпредприятий на 2012 год составляла 44% ВНД³⁴, что говорит об их большой капиталоемкости.

Таблица 3

Доля производства государственных предприятий
в общем объеме производства отраслей.

Составлено на основе данных ОЭСР³⁵

Год	Производство еды и напитков	Изделия из текстиля, меха и кожи	Медицинские товары	Обработка чёрных и цветных металлов
1998	51,5	35,6	60,8	65,6
2002	34	19,5	46,8	53,9
2006	19,5	7,9	29,5	43

В 2008–2009 гг. во время всемирного экономического кризиса положение государственных компаний по сравнению с частными несколько упрочилось. Произошло это в результате массовой программы спасения государственных предприятий, развёрнутой государственными же банками. Несмотря на то, что частные компании формально пользуются такими же возмож-

ностями, что и государственные, крупнейшие банки выдавали последним кредиты намного охотнее. Из-за наличия самых крупных в мире золотовалютных резервов, Китай провёл беспрецедентную программу вливания средств в экономику (4 млрд. юаней), эффект от которой далеко превосходит посткризисное восстановление.

Несмотря на это, сразу после финансового кризиса разрыв по прибыльности между частными и государственными компаниями ещё больше вырос. Средний возврат на единицу вложений в 2013 г. достиг 9,1% для частных и 4,6% для государственных компаний³⁶. Аналитики утверждают, что модель администрирования госкорпораций близка к истощению, и они уже не способны выдавать темпы роста, необходимые для увеличения ВВП на плановые 7% в год. Более того, с 2007 г. задолженность госкомпаний по отношению к их собственному капиталу начала расти, достигнув к 2012 г. 154%, показатель, невиданный с азиатского кризиса 1997–1998 гг. Задолженность частных компаний при этом в среднем упала до 120% с тех же 160%³⁷. Реагируя на эти замечания и объективную ситуацию, Госсовет в декабре 2013 года выпустил новый набор постановлений, которые предполагают существенное продвижение по пути приватизации предприятий под управлением ГКУНГС. Конкретизация этого положения последовала полугодом позже, когда стало известно, что для 6 крупных (но не крупнейших) компаний будут ослаблены ограничения на выпуск акций для иностранцев, физических и юридических лиц. В список попали предприятия Синофарм, Государственная корпорация по развитию и инвестициям, Китайская корпорация по энергосбережению и защите окружающей среды, Синьсин Кайтай Интернешнл и Китайская национальная корпора-

³² Zhang, D., Freestone, O. (2013) 'China's unfinished state-owned enterprise reforms', Economic Roundup, issue 2.

³³ British Embassy in Beijing (2013) 'China Economy: Prospects for SOE Reform', Analytical paper.

³⁴ Mode of access: <http://www.mckinseychina.com/chinas-next-wave-of-priv> на сайте izna сайте ion (last visited 16.11.2014).

³⁵ Lee, J. (2010) State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence, OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets (OECD Publishing).

³⁶ Widalou, G. (2014) 'China announces plan for reform of state-owned enterprises', Financial Times, 15.07.2014, available online 19.11.2014 at <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/07928638-0c24-11e4-a096-00144feabdc0.html#axzz3A56IU95t>

³⁷ Tudor-Ackroyd, A., Song, J. (2014) 'China's SOE Reform Gathers Pace', Finance Asia, 15.07.2014, available online on 19.11.2014 at <http://www.financeasia.com/News/388692,chinas-soe-reform-gathers-pace.aspx> (accessed 16.11.2014).

ция стройматериалов³⁸. Ведущая нефтяная компания Китая Синопек хотя и не попала в список, но синхронно с выходом постановления заявила, что самостоятельно приступит к частичной приватизации некоторый из своих «дочек», в частности, сегмента конечных продаж³⁹. Другая китайская нефтегазовая корпорация КННК не пошла так далеко, но наняла пятерых независимых членов совета директоров для улучшения корпоративного управления⁴⁰. В числе других важных мер было указано, что госпредприятия будут постепенно отдавать всё больше налогов в специальные социальные фонды, и к 2020 году размер взносов будет достигать 30% от прибыли, в то время как сейчас он составляет от 0% до 15%⁴¹.

Основная проблема с госкорпорациями в настоящий момент состоит в том, что они «застряли между двумя мирами». С одной стороны, им предписано управляться как коммерческим структурам, выставлять акции на бирже и осуществлять прямые иностранные инвестиции, и многие из них действительно современны и модернизированы. С другой – они сохранили черты, присущие предприятиям плановой экономики: доступ к дешёвым кредитам, списание долгов, сомнительная рентабельность и нагрузка «социальными обязательствами». Госпредприятия искажают рыночную среду и вызывают на себя огонь критики со стороны владельцев частного бизнеса за неэффективность и коррупцию, но при этом они выполняют очень важную функцию. Через владение госпредприятиями Компартия осуществляет контроль над секторами экономики, жизненно важными для функционирования всех частных предприятий. В основном они имеют отношение к инфраструктуре, транспорту и энергетике во всех её формах (разведка, добыча, производство транспортных средств,

поставки потребителям). Во-первых, эти отрасли высокомаржинальны (кроме судо- и авиастроения), а значит государство получает доход, во-вторых, они позволяют «перекрыть кислород» любому предприятию, владецу которого тем или иным образом ведёт нежелательную, пусть даже и законную, деятельность.

ВОПРОС О ЗЕМЛЕ

В 2007 году случилось долгожданное событие: специальным законом в Китае был одобрен закон о защите частной собственности⁴². Отныне частная собственность защищалась законом так же, как коллективная и государственная. Западные СМИ назвали этот закон «эпохальным»⁴³ и ведущим к дальнейшему укреплению капитализма в Китае. Однако, очень большая группа населения не получила от закона того, что ожидала. Эта группа – крестьяне, которые зачастую высеялись со своих земель государственными компаниями без должной компенсации, если местные или центральные власти решали, что их землю выгоднее будет перепрофилировать и передать бизнесменам, которые увеличивали налоговые поступления и были всегда щедры на неформальные подарки. Земля в законе по-прежнему названа исключительной собственностью государства, которое имеет право перераспределять её любым образом. Крестьяне, как и тысячу лет назад, остались лишь её арендаторами. Отношения власти собственности в КНР понять будет трудно, если не рассмотреть эту норму и её последствия особым образом.

Основные проблемы по этому вопросу были связаны с системой региональной власти, существующей в КНР. Как уже говорилось выше, чтобы удержаться на посту и расти вверх, чиновнику необходимо развивать местный бизнес. С одной стороны, это идёт на пользу локальной экономике, с другой – заводы и отели нужно где-то размещать, и

³⁸ Widalou, G. (2014) 'China announces plan for reform of state-owned enterprises', Financial Times, 15.07.2014, available online 19.11.2014 at <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/07928638-0c24-11e4-a096-00144feabdc0.html#axzz3A56IU95t>

³⁹ Mode of access: <http://www.bunkerportsnews.com/News.aspx?ElementId=f802eb0b-1e73-48b6-95de-3e8cd577a05a> (last visited 16.11.2014).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2013-11/19/content_17117233.htm (last visited 16.11.2014).

⁴² Закон КНР о частной собственности (Zhonghua renmin gongheguo wuquan fa), Mode of access: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=193400 (last visited 22.11.14).

⁴³ 'China passes new law on property', BBC News, Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/6456959.stm> (last visited 22.11.14).

чиновники, как представители владеющего землёй государства, чаще всего выселяют крестьян с земли, лучше всего подходящей под застройку. При этом, разница между выделяемой компенсацией и рыночной ценой земли может достигать нескольких десятков раз. В среднем по экономике компенсация за 400 кв. метров (1 акр) реквизируемой земли составляет приблизительно 110 000 юаней, в то время как рыночная стоимость может доходить до 4,5 млн юаней⁴⁴.

Но на этом проблемы переселённых китайских фермеров не заканчиваются. В КНР действует система очень жёсткой городской прописки *хукоу*, которая препятствует использованию сельским населением социальных благ, предоставляемых в городах. В случае переезда перемещённых лиц в города прописка у них остаётся деревенская. Это значит, что они не смогут пользоваться государственными услугами, а их дети не смогут пойти в местную школу. Только в 2011 году наконец-то был утверждён закон, прямо запрещающий перемещение или выселение людей кроме как в случае «чрезвычайной ситуации». Впрочем, какую ситуацию считать «чрезвычайной», в законе не указано.

Вполне вероятно, что закон была каким-то образом связан с восстанием сентября-декабря 2011 года в деревне Укань, которое имело большой общественный резонанс. С 2009 года местные власти постепенно распродавали частному бизнесу фермы крестьян, располагавшиеся в удачном с точки зрения размещения месте провинции Гуандун. Крестьяне писали петиции в местные и центральные органы, но эффекта не последовало. В сентябре 2011 года жители начали собираться у здания местной администрации в городском центре Луфенг. Когда их попытались разогнать – началось массовое побоище: в город ввели спецподразделения полиции, которые в течение трёх дней пытались разогнать собравшихся, которые сопротивлялись при помощи самодельного оружия. В конце концов пришлось

вмешаться губернатору провинции Гуандун, который велел решить дело миром и сказал, что его устраивают более низкие темпы экономического роста. Протестующим предложили выделить 13 переговорщиков для урегулирования вопросов с местными властями. Это было сделано, но ещё до начала переговоров трое из них были арестованы и один умер в полицейском участке при невыясненных обстоятельствах. Власти утверждали, что у него был сердечный приступ, но родственники при осмотре тела (выдать им его для похорон отказывались) обнаружили на теле следы пыток.

После этого около 10 тысяч человек опять собрались около полицейского участка. Власти отказались выдать родственникам тело умершего, после чего протестующие пошли на штурм полицейского участка и местной администрации. Они выгнали из города всех чиновников представителей власти, после чего контроль над деревней перешёл в руки оставшихся в живых и на свободе выборных переговорщиков, которые управляли ею из храма богини моря Мацу⁴⁵. В ответ на это власти перекрыли ведущие в город магистрали, отрезав деревню от поставок любых товаров. Тем не менее, восставшие не сдавались до тех пор, пока 20 декабря провинциальные власти не вмешались и не выполнили практически все требования восставших: тело погибшего активиста было возвращено родственникам, земля возвращена крестьянам, ответственные за отъём земли чиновники арестованы, механизм избрания деревенских управляющих изменён (в КНР он по закону может отличаться от деревни к деревне), а все финансовые дела деревни были открыты для публичного ознакомления. На выборах управляющего деревней в следующем году лидер протестующих Лин Цзулуань победил, получив поддержку 85% проголосовавших, а дочь погибшего переговорщика получила должность в специальном совете, который был создан для надзора за испол-

⁴⁴ Lee, P. (2012) 'A Land Grab Epidemic: China's Wonderful World of Wukans', Council on Foreign Relations, available online 22.11.14 at <http://blogs.cfr.org/asia/2012/02/07/a-land-grab-epidemic-chinas-wonderful-world-of-wukans/>

⁴⁵ Simpson, P. (2011) 'Wukan siege: rebel Chinese villagers reject resolution talks', The Telegraph, available online 22.11.14 at <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/8964409/Wukan-siege-rebel-Chinese-villagers-reject-resolution-talks.html>

нительной властью деревни⁴⁶. Стоит отметить, что голосование чуть ли не впервые в истории китайской сельского избирательной истории было тайным и проходило в присутствии независимых наблюдателей.

Данный инцидент даёт достаточно много для понимания особенностей взаимоотношений между властью и собственностью в КНР. Реализуемая в стране модель управления, на первый взгляд, выглядит как чрезмерно централизованная: исполнительная власть, подчинённая Компартии, формально пронизывает всё общество сверху донизу и распоряжается всеми ресурсами. По факту же центральные и даже провинциальные управляющие зачастую очень плохо осведомлены о происходящем на низовом уровне, где безраздельно царствуют мелкие чиновники, зачастую серьёзно превышающие свои полномочия и вовлекаемые в различные коррупционные схемы с участием местных же бизнесменов. В условиях отсутствия законодательной базы, защищающей права крестьян на землю, а также полноценного контроля граждан над властью, подобные инциденты неизбежны. В целом стратегия разрешения конфликтов на местном уровне предполагает вмешательства властей провинции, которые чаще всего разрешают его в пользу жителей. Таким образом, Компартии в целом удаётся поддерживать свой имидж, несмотря на то, что нарушающие закон местные власти тоже являются коммунистами. Она выступает как защитник обездоленных, хотя низкие зарплаты чиновников и контракты с руководителями административных единиц, заставляющие их идти на противоправные действия для выполнения плана, являются целенаправленной политикой центральной власти.

Один пример был бы мало полезен с точки зрения научного анализа, но, к сожалению, случай в Укане мало чем выделяется на фоне других инцидентов подобного рода, происходящих в КНР повсеместно. В частности, в день окончания противостояния в Укане 20 декабря 2011 года в городе Хаймэнь той же провинции вспыхнули жесточайшие беспорядки, связанные с переселением кре-

стьян для строительства угольной электростанции. Столкновения с полицией привели к двум погибшим, и напряжение спало 23 декабря только после того, как местные власти отменили строительство и освободили всех задержанных, не дожидаясь вмешательства губернатора⁴⁷.

Примечательно, что постепенно власть относится к восставшим против произвола крестьянам и их требования со всё большим пониманием. Инцидент схожего характера в деревне Дунчжоу в конце 2005 – начале 2006 года хоть и завершился в пользу восставших, но привёл к аресту большинства активистов⁴⁸. А вот в 2004 году совершенно аналогичные протесты в деревне Таншань провинции Хэбэй завершились массовым задержанием, игнорированием всех требований и усилением репрессий в отношении активистов⁴⁹ и журналистов, освещавших инцидент⁵⁰.

Постепенно отношение властей к праву крестьян пользоваться землёй становится всё более гуманным. Конечно, инциденты с незаконным изъятием продолжают иметь место, но сегодня ситуация в этой сфере, особенно после запрещения реквизиции без экстренной ситуации, стала намного лучше.

Впрочем, это касается только легальной стороны вопроса. В определённых условиях местные власти в КНР идут на сделку с криминалитетом для того, чтобы восстание недовольных крестьян было подавлено ещё в зародыше. Схема выглядит следующим образом⁵¹: чиновники планируют пополнить областной и свой личный бюд-

⁴⁶ Mode of access: <http://www.bangkokpost.com/news/asia/279492/chinese-village-experiments-with-democracy> (last visited 16.11.2014).

⁴⁷ Mode of access: http://www.dahuawang.com/strb/html/2011-12/21/content_277192.htm (last visited 16.11.2014).

⁴⁸ Mode of access: <http://www.scmp.com/article/549582/lawful-resolution-land-disputes-needed> (last visited 16.11.2014).

⁴⁹ Tangshan Peasant Protest Leader Detained in Advance of Wen Visit, *Human Rights in China*, 06.07.2014, Mode of access: <http://www.hrichina.org/en/content/1886> (last visited 22.11.14).

⁵⁰ Chinese Police Harass Journalist Who covered Tangshan Protest, *Human Rights in China*, 14.06.2014, Mode of access: <http://www.hrichina.org/en/content/1981> (last visited 22.11.14).

⁵¹ Смолин, А. (2014) «Голые чиновники», шуангуй, гуаньши и другие китайские инновации в праве, РАПСИ, Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_publication/20140611/271508754.html#ixzz34ydu1zX0 [Smolin, A. (2014) "Golye chinovniki", shuangui, guan'shi i drugie kitaiskie innovatsii v prave, RAPSI, Rezhim dostupa: http://rapsinews.ru/international_publication/20140611/271508754.html#ixzz34ydu1zX0].

жет через строительство на территориях, принадлежащих крестьянам, социального жилья. Они вступают в сговор с местным преступным сообществом, которое оказывает помощь в освобождении требуемой территории от местных жителей в сжатые сроки. После постройки на этом месте «социального жилья» участникам преступного сообщества выделяется в готовых домах часть квартир. Большинство остальных квартир, построенных за бюджетные деньги, отходят чиновникам из местной администрации. Доходит до того, что к моменту окончания строительства и сдачи дома чиновники успевают перепродавать полученные квартиры на вторичном рынке, как произошло в городе Синьчжоу⁵².

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Отношения между властью и собственностью в Китае постепенно изменяются в сторону увеличения структуризации и уменьшения «белых пятен» и дискретных положений. Признав частную собственность и предпринимателей главным локомотивом экономики, государство сделало всё возможное, чтобы создать в стране экономический климат, способствующий развитию этого вида деятельности. Это, впрочем, отнюдь не отменило того факта, что КПК намерено сохранять полный контроль над государством и обществом, в том числе и через значительный сектор государственной собственности, в основном включающей в себя энергетику, оборону, транспорт и базовые ресурсы.

Компартия постепенно уходит от оперативного контроля над экономикой, её не интересует формат распределения товаров внутри страны. Цель владения государственной собственностью – политическая. Во-первых, через контроль над ресурсами и энергией легче всего влиять на цены на конечную продукцию, что важно при осуществлении внешне- и внутривнутриполитических действий. Во-вторых, госкорпорации трудоустраивают значительное число членов пар-

тии и, таким образом, создают для КПК базу лояльности из состоятельных и влиятельных профессионалов. В-третьих, партии необходимы каналы привлечения средств, не связанных с официальной бухгалтерией, так как она может стать достоянием общественности.

Ключевым элементом, предохраняющим систему от экстрактивного поведения чиновников по отношению к бизнесменам, является высокий престиж партийно-чиновничьей карьеры и система регионального управления, построенная на зависимости перспектив чиновника от экономики территории. Эта же система ведёт к нарушению властью прав крестьян, сгоняемых с земли для строительства жилых или бизнес-объектов. Эта проблема реальна, но она решится только в ходе урбанизации, когда большая часть крестьян сможет переехать в города.

В ходе финансового кризиса 2008–2009 годов доля государства в экономике выросла с 29% до 35%, но только потому, что у властей была возможность вложить в спасение госкомпаний несколько триллионов юаней. При аналогичной структуре экономики Южная Корея в 1997 вынуждена была фактически разукрупнить чеболи, и высока вероятность, что при затяжном кризисе госпредприятия также ждёт коллапс. Учитывая, что государство выбрало их одним из главных инструментов стабилизации политической сферы, последствия могут быть непредсказуемы.

⁵² Dyer, G. (2010) 'Property Boom Stokes Corruption in China', Financial Times, available online 22.11.14 at <http://www.ft.com/cms/s/0/30207dec-7b39-11df-8935-00144feabdc0.html>

Власть и собственность в Китае

Михаил Юрьевич Коростиков, магистрант МГИМО (У) МИД РФ

Аннотация: Несмотря на то, что исторически Китай олицетворял собой «восточный» тип отношений между властью и собственностью, при котором всё в стране принадлежит верховному правителю, последние 35 лет это положение вещей стало меняться. Постепенно, шаг за шагом государство добровольно передаёт контроль над собственностью представителям различных групп. Этот процесс сопряжён со множеством проблем: правовой вакуум порождает рентоориентированное поведение части бюрократии, реформы зачастую выходят половинчатыми и не решают поставленной задачи. Тем не менее, процесс уже выглядит необратимым и, скорее всего, в ближайшее время приведёт к ускорению политических и социальных изменений в КНР.

Ключевые слова: Китай, бюрократия, политическая система, модернизация, власть и собственность, модели развития, экономика

Power and Property in Chinas

Mikhail Yurievich Korostikov, MA in World Regional Studies
(MGIMO-University)

Abstract: Despite the fact that China has historically symbolized an “Oriental” pattern of power-property relations, with everything in the country belonging to a sovereign ruler, this has been changing over the last 35 years. Steadily and voluntarily the state is ceding control of property to different social groups. This process entails several problems: legal vacuum engenders rent-oriented behavior of bureaucracy, reforms often turn out to be half-way and cannot solve a problem. Nevertheless, the process seems to be irreversible and likely to foster political and social changes in China in the near future.

Key words: China, bureaucracy, political system, modernization, power and property, development patterns, economy.

THE STRATEGIC IMPORTANCE OF THE WESTERN HEMISPHERE: DEFINING U.S. INTERESTS IN THE REGION*

R. Evan Ellis

There is arguably no region more critical to the security and prosperity of the United States than Latin America and the Caribbean. The U.S. trades with and invests more in the region than with any other part of the world, binding our well-being to that of Latin America and the Caribbean.

The 17% of U.S. residents of Hispanic origin also highlights how we are connected to the region by bonds of family.

Through our shared land and maritime borders, the ills that occur in the region are transmitted to this country in the form of refugees, criminal activities, and openings for terrorists and state rivals, who would use it as a base from which to do us harm.

Today, I wish to highlight four interrelated challenges in Latin America and the Caribbean, which I respectfully submit merit this Subcommittee's attention: organized crime, Russia, Islamic radicalism, and China.

Organized crime. In Mexico and Central America, the passage of drugs and immigrants toward the United States continues to fuel transnational criminal organizations, street gangs, and other illicit groups, deepening the crisis of violence, corruption, impunity and lack of opportunity in parts of those societies – particularly in El Salvador, Honduras and Guatemala. Such conditions, in turn, also create spaces in which actors disposed to harm the United States may operate.

In Mexico, just two weeks ago, David Arellano Cuan, head of legal affairs in the country's Interior Ministry, warned that 75% of Mexico's municipalities are vulnerable to

infiltration by organized crime.¹ At that same hearing, the head of criminal investigations in the Mexico's Attorney Generals' office, Tomas Zeron de Lucio, called the level of municipal police corruption in the country "alarming."²

Mexico's government reports that it has captured or killed more than 80 of the nation's 122 most wanted criminals.³ Yet with more than 80,000 Mexican lives lost since 2006 in the conflict, it is not clear whether the situation has improved.

I also worry that momentum has been lost in the historic expansion of mutual respect and confidence that occurred between our governments and armed forces since 2006. In addition, according to 2013 data, extraditions of criminals to the United States under President Peña Nieto are proceeding

¹ "75% de municipios tienen infiltración del crimen organizado: Segob," *Crónica*, January 21, 2015, <http://www.cronica.com.mx/notas/2015/879412.html>. See also Arron Daugherty, "75% of Mexico Municipalities Susceptible to Organized Crime: Official," *Insight Crime*, January 23, 2015, <http://www.insightcrime.org/news-briefs/75-of-mexico-municipalities-susceptible-to-organized-crime-official>.

² "Crimen organizado mandaba en 13 municipios de Guerrero: PGR," *Animal Político*, January 21, 2015, <http://www.animalpolitico.com/2015/01/crimen-organizado-mandaba-en-13-municipios-de-guerrero-pgr>. See also Arron Daugherty, "75% of Mexico Municipalities Susceptible to Organized Crime: Official," *Insight Crime*, January 23, 2015, <http://www.insightcrime.org/news-briefs/75-of-mexico-municipalities-susceptible-to-organized-crime-official>.

³ Leticia Pineda, "Mexico arrests Beltran Leyva cartel chief," *Yahoo! News*, October 2, 2014, <http://news.yahoo.com/mexico-captures-most-wanted-drug-cartel-kingpin-015758497.html>.

* Mr. R. Evan Ellis Testimony to the Subcommittee on the Western Hemisphere, Foreign Affairs Committee U.S. House of Representatives.

at a rate of less than half of what they were under his predecessor.⁴

In Central America, the surge in immigrant children arriving at the U.S. border last spring, the willingness of El Salvador government, to broker a truce (which has now collapsed) between the rival street gangs Mara Salvatrucha and Barrio 18,⁵ and the September 2012 appeal by conservative Guatemalan President Otto Perez Molina that violence and criminality is so out of control that the region should consider legalizing drugs,⁶ shows just how desperate the situation has become.

One illustrative case is Honduras. Like others in the region, it was designated by the White House in 2014 as a “major drug transit and/or major illicit drug producing country.” Its president, Juan Orlando Hernandez, has publicly declared that the transnational criminal organizations operating there are as aggressive and cause as much destruction as Middle Eastern terrorist groups like ISIL.⁷ Indeed, in 2013, Honduras had the highest murder rate in the world, at 79 per 100,000, while only one percent of such homicides in major cities result in convictions of the perpetrator.⁸

In the Caribbean, the flow of cocaine has reached levels not seen for more than a decade, with 91 metric tons seized in 2013.⁹

The situation is compounded by both the external and domestic policies of the ALBA regimes, where high levels of public corruption combine with an unwillingness to cooperate with Western law enforcement to effectively creates sanctuaries for transnational criminal organizations operating in the region. In 2014, pursuant to section 706(1) of the Foreign Relations Authorization Act of 2003 (Public Law 107-228), the administration designated the ALBA regimes Venezuela and Bolivia as not complying with their international obligations in the fight against narcotics.¹⁰ Last week, Venezuelan security official and presidential bodyguard Leamsy Salizar fled to the United States, collaborating with U.S. authorities and publicly naming Diosdado Cabello, his former boss and President of Venezuela’s National Assembly, as the head of the “Cartel of the Suns”, Venezuela’s principal transnational criminal organization.¹¹

In addition, the still modest but growing threat of trans-pacific crime involving the region also merits more attention. Dimensions of concern include human smuggling, precursor chemicals, illegal mining, other contraband goods, and money laundering.¹²

Illustrative of such problems, a major operation by the Mexican Navy in the state of Michoacán in November 2013 exposed a transpacific criminal production chain in which ore illegally mined in territory under the control of the Knights Templar criminal

⁴ In the first half of 2013, Mexico extradited 19 persons to the United States, compared to 579 extradited during the six years of the Calderon administration. See Luis Pablo Beauregard, “‘El Chapo’ Guzmán consigue frenar su extradición a EE UU,” *El País*, January 27, 2015, http://internacional.elpais.com/internacional/2015/01/27/actualidad/1422318809_357796.html. See also Loren Riesenfeld, “‘El Chapo’ Gains Ground in Fight Against Extradition,” *Insight Crime*, January 27, 2015, <http://www.insightcrime.org/news-briefs/el-chapo-gains-ground-fight-against-extradition>.

⁵ See, for example, Marguerite Cawley, “MS13 Expanding After Truce Collapse in El Salvador?” *Insight Crime*, June 2, 2014, <http://www.insightcrime.org/news-briefs/ms13-expanding-after-truce-collapse-in-el-salvador>.

⁶ “Otto Pérez apoya legalizar marihuana y amapola,” *Prensa Libre*, March 4, 2014, http://www.prens Libre.com/noticias/politica/Perez-apoya-legalizar-marihuana-amapola_0_1113488655.html.

⁷ Silvia Blanco, “‘La guerra al narco es una guerra que no es nuestra’” *El País*, October 1, 2014, http://internacional.elpais.com/internacional/2014/10/01/actualidad/1412199282_188307.html.

⁸ German H. Reyes R., “‘La investigación criminal está en detrimento’: Fiscal Especial de Delitos contra la Vida,” *Revistazo*, December 9, 2014, <http://www.revistazo.biz/web2/index.php/nacional/item/997-‘la-investigación-criminal-está-en-detrimento’>. See also Kyra Gurney, “Honduras Solves 1% of Homicide Cases: Report,” *Insight Crime*, December 19, 2014, <http://www.insightcrime.org/news-briefs/honduras-solves-1-of-homicide-cases>.

⁹ Elyssa Pachico, “US Releases New Plan for Caribbean Drug Trafficking,” *Insight Crime*, January 26, 2015, <http://www.insightcrime.com/news-analysis/us-releases-new-plan-for-caribbean-drug-trafficking>.

¹⁰ “Presidential Determination – Major Drug Transit or Major Illicit Drug Producing Countries for Fiscal Year 2015,” White House, Official Website, September 15, 2014, <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/15/presidential-determination-major-drug-transit-or-major-illicit-drug-prod>.

¹¹ Antonio Maria Delgado, “Identifican a Diosdado Cabello como jefe del Cartel de los Soles,” *El Nuevo Herald*, January 27, 2015, <http://www.elnuevoherald.com/noticias/mundo/america-latina/venezuela-es/article8206548.html>.

¹² For a detailed overview of growing trans-Pacific crime ties, see R. Evan Ellis, “Chinese Organized Crime in Latin America,” *Prism*, Vol. 4, No. 1, December 1, 2012, pp. 67-77.

organization was bought by criminal middlemen and eventually shipped to the PRC.¹³ Similarly, the February 2014 takedown of Sinaloa Cartel boss “El Chapo” Guzman led to the public exposure of his organization’s ties across the Pacific, including operations the Philippines, and precursor chemicals sourced from Chinese mafia organizations such as Sun Yee On and Sap Sze Wui.¹⁴ In Brazil, a recent government investigation found that the transnational criminal organization First Capital Command (PCC), one of the largest such groups in the country, is using bank accounts in the PRC, as well as in the United States, to launder money.¹⁵

Russia. Of the external actors with an interest in the region, Russia is the one which has most openly challenged the United States. Since 2008, Russia has repeatedly deployed nuclear-capable aircraft, warships, and submarines within close proximity to this country. In November 2013, a Tu-160 bomber violated the airspace of U.S. ally Colombia in a transit between Nicaragua and Cuba.¹⁶ In addition, signals intelligence ship Viktor Leonov has been operating in the Caribbean, making at least three port calls in Havana Harbor in the past year, including in February and March 2014 as tensions between the US and Russia heated up over Ukraine,¹⁷ and most recently, on

January 20th of this year, as Assistant Secretary of State for the Western Hemisphere Roberta Jacobson and her team headed to Havana to advance the normalization of relations between our government and Cuba.¹⁸

Since 2001, Russia has sold Latin America \$14.5 billion in arms, of which approximately \$11 billion has gone to Venezuela,¹⁹ although Brazil, Peru, and Nicaragua have also been important customers.²⁰ Moscow is also working with Nicaragua in counterdrug operations,²¹ and has established a regional training center in Managua, giving Russian instructors the opportunity to interact with visiting security personnel from across the region.²²

Russia has also signaled its intent to expand its military presence in the region. In February 2014, its Defense Minister Sergei Shoigu expressed his government’s intent to pursue agreements with Nicaragua, Cuba and Venezuela to allow Russian military ships and aircraft to resupply in the ports and airports of

ruso-201501202144.html. See also Michael Winter, “Russian Spy Ship Visits Havana,” USA Today, February 28, 2014, <http://www.usatoday.com/story/news/world/2014/02/27/russia-cuba-warship/5876249/>.

¹⁸ Fred Weir, “Russia sends clear message - and spy ship - on eve of US-Cuba talks,” Christian Science Monitor, January 21, 2015, <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2015/0121/Russia-sends-clear-message-and-spy-ship-on-eve-of-US-Cuba-talks-video>.

¹⁹ “Russia Seeks New Arms Deals on Growing Latin American Market,” RIA Novosti, May 18, 2013, <http://en.ria.ru/world/20130518/181219365/Russia-Seeks-New-Arms-Deals-on-Growing-Latin-American-Market.html>.

²⁰ In December 2013, for example, the Peruvian military signed a contract to acquire an additional 24 Mi-171 helicopters in a contract valued at \$528 million, in support of increasing the mobility of its forces operating in the region. See “El ministro de Defensa de Perú revisa en Moscú con su homólogo ruso los avances del contrato para el suministro de 24 Mi-171Sh-P Hip H,” Defensa, September 4, 2014, http://www.defensa.com/index.php?option=com_content&view=article&id=13173:el-ministro-de-defensa-de-peru-revisa-en-moscu-con-su-homologo-ruso-los-avances-del-contrato-para-el-suministro-de-24-mi-171sh-p-hip-h&catid=55:latinoamerica&Itemid=163.

²¹ In 2014, Russian intelligence reportedly helped Nicaragua to decommission more than a ton of cocaine. “Rusia busca ampliar relaciones con Nicaragua,” Estrategia y Negocios, January 24, 2015, <http://www.estrategiaynegocios.net/lasclavesdeldia/785285-330/rusia-busca-ampliar-relaciones-con-nicaragua>.

²² “Russia to open police anti-drug training centre in Nicaragua,” Jane’s Intelligence Weekly, March 25, 2013, <https://janes.ihs.com>

¹³ “Los Templarios controlaban exportación minera a China desde Lázaro Cárdenas,” La Vanguardia, January 5, 2014, <http://www.vanguardia.com.mx/lostemplarios-controlabanexportacionmineraachinadesdelazarocardenas-1917212.html>.

¹⁴ Julieta Pelcastre, “‘El Chapo’ conspires with Chinese mafias to produce synthetic drugs in Latin America,” El Dialogo, February 19, 2014, http://dialogo-americas.com/en_GB/articles/rmisa/features/regional_news/2014/02/19/sinaloa-alianza-china.

¹⁵ Bruno Ribiero, “PCC envia dinheiro do tráfico para Estados Unidos e China,” O Estado de São Paulo, January 15, 2015, <http://sao-paulo.estadao.com.br/noticias/geral,pcc-envia-dinheiro-do-trafico-para-estados-unidos-e-china,1619985>. See also Kyra Gurney, “Brazil’s PCC, Mimicking the Country, Shifts Towards China,” Insight Crime, January 19, 2015, <http://www.insightcrime.org/news-briefs/brazil-pcc-gang-launder-money-in-china-united-states>.

¹⁶ “Colombia entregó nota de protesta a Rusia por violación de espacio aéreo,” El Espectador, November 6, 2013, <http://www.elespectador.com/noticias/elmundo/colombia-entrego-nota-de-protesta-rusia-violacion-de-es-articulo-456989>.

¹⁷ “La presencia de un buque espía ruso en La Habana ante el comienzo del deshielo provoca recelo,” ABC, January 21, 2015, <http://www.abc.es/internacional/20150121/abci-cuba-eeuu-intriga-presencia-buque-espia->

those countries, as well as possibly re-opening the large Cold War era surveillance facility in Lourdes, Cuba.²³

Last November, Minister Shoigu added to such declarations of intent, announcing Russian plans to send bombers and other Russian military aircraft on long range patrols in proximity to the U.S. coast, including flights into the Caribbean and Gulf of Mexico.²⁴

Islamic Radicalism. Iran's current president Hassan Rouhani, in contrast to his predecessor Mahmoud Ahmadinejad, has not publicly pursued alliances with anti-US leaders in Latin America and the Caribbean. Yet Iran has used its embassy personnel to recruit and radicalize would be terrorists in the region, who have then planned operations against the United States. Examples of such Iranian officials include former cultural attaché to Argentina Mohsen Rabbani, implicated in the 1994 attack against the AMIA Jewish cultural center in Argentina, and believed to have been one of Iran's lead recruiters of Islamic radicals in the region. One of the people whom he is believed to have recruited is Abdul Kadir, a Guyanese convert to Islamic radicalism, sentenced to life in prison in 2010 for a plot to detonate bombs under New York's JFK airport.²⁵

The death of Argentine Special Prosecutor Alberto Nisman by a gunshot to the head, the day before he was to testify to the Argentine Congress regarding an alleged cover-up of Iran's role in the 1994 AMIA attack by Argentine President Cristina Fernandez de Kirchner and her government, raises disturbing questions regarding that government's relationship with Iran and Islamic radicals.

While it is not clear to what degree Iranian activities in Latin America have continued under President Rouhani, Latin America continues to be a source of terrorist financing, including a portion of the otherwise legitimate remittances and charitable donations sent from Islamic

businessmen in the region, as well as illicit activities such as those by the narcotrafficker Chekry Harb, and by Ayman Joumaa, who laundered money for Los Zetas; both men channeled a portion of their earnings to the terrorist organization Hezbollah.²⁶

Latin America and the Caribbean also continues to provide fertile ground for terrorist recruitment, including the previously mentioned JFK Airport plot by Guyanese nationals Abdul Kadir and Abdel Nurwere, and more recently, Muamad Amadar, arrested near Lima, Peru in October 2014, believed to be a Hezbollah operative stockpiling explosives in his apartment for use against targets in the country.²⁷

PRC. China, in its pursuit of economic objectives in Latin America and the Caribbean also has impacted the region's security environment. Of the more than \$100 billion that its banks have loaned to the region since 2005, more than ¾ has gone to the nations of ALBA and Argentina,²⁸ including more than \$9 billion lent to the regime of Nicholas Maduro in Venezuela since the death of his predecessor Hugo Chavez in March 2013. The PRC has also committed almost \$20 billion to Ecuador, including \$7.5 billion in new credit, just announced during President Correa's January 2015 visit to Beijing.²⁹

While the PRC has been cautious not to associate itself with the anti-US rhetoric and activities of the ALBA regimes, its money has sustained their viability, enabling countries such as Venezuela to continue as de facto sanctuaries for criminal and insurgent groups, and also,

²³ "Russia with plans for military bases in Nicaragua, Cuba and Venezuela," Mercopress, February 17, 2014, <http://en.mercopress.com/2014/02/27/russia-with-plans-for-military-bases-in-nicaragua-cuba-and-venezuela>.

²⁴ Greg Botelho and Faith Karimi, "Russia flexes muscles with long-range bomber flights near U.S. shores," CNN, November 13, 2014, <http://www.cnn.com/2014/11/13/world/europe/russia-bombers-plan/index.html>.

²⁵ See G. Sulzburger, "2 men convicted in Kennedy Airport Plot," New York Times, August 3, 2010, p. A1.

²⁶ Jason Ryan, "Lebanese Drug Lord Charged in US: Links to Zetas and Hezbollah," ABC News, December 13, 2011, <http://abcnews.go.com/blogs/politics/2011/12/lebanese-drug-lord-charged-in-us-links-to-zetas-and-hezbollah/>.

²⁷ Cecelia Valenzuela, "Terrorismo sin fronteras," El Comercio, September 29, 2014, <http://elcomercio.pe/opinion/columnistas/terrorismo-sin-fronteras-cecilia-valenzuela-noticia-1767395>. See also "Presunto miembro de Hezbolá fue detenido en Surquillo," El Comercio, Lima, Peru, October 28, 2014, http://elcomercio.pe/lima/ciudad/presunto-terrorista-hezbola-fue-detenido-surquillo-noticia-1767375?ref=nota_lima&ft=mod_leatambien&e=titulo.

²⁸ "China-Latin America Finance Database," Interamerican Dialogue, accessed January 18, 2015, http://thediologue.org/map_list.

²⁹ Ed Adamczyk, "China agrees to financing for Ecuador, Venezuela," United Press International, January 8, 2014, http://www.upi.com/Top_News/World-News/2015/01/08/China-agrees-to-financing-for-Ecuador-Venezuela/6751420741127/.

as points of entry into the region for Russia, Iran and other actors with potentially hostile intentions toward the United States.

Chinese resources also contribute to ALBA efforts to undercut the region's established institutions for multilateral democratic interaction, including the Organization of American States. In recent years, ALBA regimes have created obstacles to the use of the OAS to address important regional issues, and have withdrawn their personnel from OAS institutions such as the Interamerican Defense College, while simultaneously attempting to create substitute institutions that explicitly exclude the U.S. and Canada, such as UNASUR and the Community of Latin American and Caribbean States (CELAC), and to use such substitute institutions to address the region's most important issues.

Indeed, the PRC has directly contributed to the promotion of institutions that exclude the U.S., rather than working through the OAS and established Interamerican system. Although the PRC has been welcomed as an observer at the OAS since 2004, it has chosen CELAC, which explicitly excludes the United States and Canada, as its preferred vehicle for engaging with Latin America and the Caribbean.³⁰

The PRC has also expanded its military activities with Latin American and the Caribbean states. Institutional visits to the region by the People's Liberation Army, education and training for its officers in China, and gifts and sales of military material by Chinese companies are undermining U.S. efforts to remain the security partner of choice for Latin American and Caribbean countries.³¹

³⁰ See R. Evan Ellis, "Strategic Insights: The China-CELAC Summit: Opening a New Phase in China-Latin America-U.S. Relations?" U.S. Army War College Strategic Studies Institute, January 27, 2015, <http://strategicstudiesinstitute.army.mil/index.cfm/articles/The-China-CELAC-Summit/2015/01/27>.

³¹ For a detailed account of such sales, see R. Evan Ellis, *The Strategic Dimension of China's Engagement with Latin America*, Washington DC: William J. Perry Center for Hemispheric Defense Studies, 2013, <http://chds.dodlive.mil/files/2013/12/pub-PP-ellis.pdf>. See also R. Evan Ellis, *China – Latin America Military Engagement*, Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College Strategic Studies Institute, August 2011, <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=1077>.

Chinese military companies such as the NORINCO group are also now selling radars, fighter aircraft, military helicopters, trucks and armored vehicles to Venezuela, Bolivia and Ecuador.

Beyond the ALBA countries, Chinese arms companies have sold the Peruvian armed forces Beiben, Dong Feng, and Shaanxy military trucks, and have pursued contracts to supply 40 Type 90B multiple launch rocket vehicles to the country.³² Chinese companies have also recently advanced into the sale of naval vessels to the region, agreeing last year to providing a patrol boat for Trinidad and Tobago,³³ and negotiating similar sales with Uruguay and Argentina.³⁴ The PRC is also in negotiations to sell its FC-1 fighter to Argentina, just as Russia is trying to sell Argentina its Su-24 bomber,³⁵ either of which would create a threat to the British position in the Falkland Islands.³⁶

PLA military activities in Latin America and the Caribbean have expanded from multilateral humanitarian exercises, such as participation in the MINUSTAH peacekeeping operation in Haiti from 2004 through 2012, to bilateral activities such as a November 2010 disaster response exercise with the Peruvian

- Perú selecciona el sistema táctico de lanzacohetes múltiples Norinco tipo 90B," Infodefensa, January 10, 2014, <http://www.infodefensa.com/latam/2014/01/10/noticia-selecciona-sistema-tactico-lanzacohetes-multiples-norinco.html>. See also "El Ejército de Perú adquiere sistemas de artillería chinos por 38 millones de dólares," Defensa, December 27, 2013, http://www.defensa.com/index.php?option=com_content&view=article&id=11143:el-ejercito-de-peru-adquiere-sistemas-de-artilleria-chinos-por-38-millones-de-dolares&catid=55:latinoamerica&Itemid=163.
- ³³ Ridzwan Rahmat, "Trinidad and Tobago to receive Chinese-supplied patrol vessel," IHS Janes 360, March 12, 2014, <http://www.janes.com/article/35273/trinidad-and-tobago-to-receive-chinese-supplied-patrol-vessel>.
- ³⁴ "Argentina escolhe a China como parceira para seus OPV," Poder Naval, January 27, 2015, <http://www.naval.com.br/blog/2015/01/27/argentina-escolhe-a-china-como-parceira-para-seus-opv>.
- ³⁵ "En busca de nuevos acuerdos militares entre Rusia y Argentina," Russia Beyond the Headlines, January 20, 2015, <http://es.rbth.com/internacional/2015/01/20/en-busca-de-nuevos-acuerdos-militares-entre-rusia-y-argentina-46603.html>.
- ³⁶ Gareth Wood, "Argentina looking to buy Anti-Ship Strike Fighter from China," Fighter Jet News, January 1, 2015, <https://fighterjetnews.wordpress.com/2015/01/01/argentina-looking-to-buy-chinese-fighters-and-anti-ship-missiles/>.

military, followed in 2011 by deployment of the new PLA Navy hospital ship "Peace Arc" to conduct medical activities in the Caribbean.³⁷

Moving beyond such humanitarian activities, in October 2013, while Washington was distracted by the federal budget crisis, a PLA naval flotilla crossed the Pacific, where, for the first time, Chinese warships conducted bilateral combat exercises with their counterparts in Chile³⁸ and Brazil,³⁹ as well as making a port call in Argentina.

While the PRC does not currently show an interest in establishing military bases or alliances in Latin America or the Caribbean, its expanding economic presence and commercial capabilities in the region in areas such as logistics, telecommunications, and space gives it numerous options for shaping the outcome of a crisis involving the US and our allies in Asia, were one to occur.⁴⁰

I am concerned that, while public discussions of security challenges to the United States in the hemisphere correctly focus on issues such as drugs, organized crime and terrorism, they seldom include the equally important consideration of how, in the undesirable event of a major conflict involving the U.S. elsewhere in the world, our adversaries could use their commercial position and assets to impact U.S. coalition formation, deployment, sustainment, and political will.⁴¹

Despite such difficulties, there is arguably no other region in the world where the U.S. has

as much of a comparative advantage for building strong partnerships and making a difference, than it does in Latin America and the Caribbean. What is needed, however, is more strategic thinking about the region, its connection to the world, and its contribution to U.S. security, prosperity, and the U.S. global posture broadly.

The U.S. should take advantage of the extraordinary opportunity provided by both reapproachment with Cuba and the upcoming summit of the Americas to reinvigorate the OAS as the primer multilateral institution for the Western Hemisphere, while opposing attempts through the empowerment of alternative organizations such as UNASUR and CELAC to exclude the U.S. from the region.⁴²

For Mexico and Central America, we must show our partners that we are as focused on reducing narcotics demand in the U.S. and the flow of firearms to the region, as we are to stopping drug transits and dismantling criminal organizations in the region itself. From this base of confidence and trust, we can then work more effectively with those partners in pursuit of internationally coordinated, whole-of-government solutions, helping them strengthen their own institutions (as well as ours) to collectively become more secure and more prosperous.

The United States can also make it clearer to extra-hemispheric actors such as Russia, the PRC, and Iran where it draws the line between engagement in Latin America and the Caribbean, and actions which unacceptably undermine US security and other interests in the region.

Reciprocally, the U.S. can also do more to facilitate engagements by those extra-hemispheric actors whose objectives and practices are consistent with democracy, free markets, and the rule of law in the region, such as India, Japan, and South Korea. If our current era is the "Century of the Pacific," then one cornerstone of our strategy should be to coordinate with like-minded states on both the Asian and American sides of that ocean to advance projects such as the Trans-Pacific Partnership, and initiatives of others such as the Pacific Alliance, to ensure that the regime that prevails across the Pacific is one in which

³⁷ Jeff Franks, "Chinese navy hospital ship visits Cuba, Caribbean," Reuters, October 22, 2011, <http://in.reuters.com/article/2011/10/21/idINIndia-60058520111021>.

³⁸ "Armadas de China y Chile Realizaron Ejercicios Navales," Noticias FFAA Chile. October 16, 2013, <http://noticiasffaa.chile.blogspot.com/2013/10/armadas-de-china-y-chile-realizaron.html>.

³⁹ "PLAN taskforce conducts joint maritime exercise with Brazilian Navy," Ministry of National Defense, Peoples Republic of China, Official Website, October 28, 2013, http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2013-10/28/content_4472787.htm.

⁴⁰ For a more detailed discussion of such scenarios, see R. Evan Ellis, "The Strategic Relevance of Latin America for the United States," U.S. Army War College Strategic Studies Institute, December 8, 2014, <http://strategicstudiesinstitute.army.mil/index.cfm/articles/The-Strategic-Relevance-of-Latin-America/2014/12/08>.

⁴¹ For a more detailed discussion of such possibilities, see R. Evan Ellis, "Strategic Insights: The Strategic Relevance of Latin America for the United States," U.S. Army War College Strategic Studies Institute, December 8, 2014, <http://strategicstudiesinstitute.army.mil/index.cfm/articles/The-Strategic-Relevance-of-Latin-America/2014/12/08>.

⁴² See, for example, R. Evan Ellis, "Re-Engagement with Cuba: The Strategic Calculus," War on the Rocks, December 18, 2011, <http://warontherocks.com/2014/12/re-engagement-with-cuba-the-strategic-calculus/>.

democratic states, respecting human rights, free markets, and the rule of law, can thrive.

There are also still other ways in this time of tight budgets that, without expensive new programs, the Administration and this Congress can demonstrate that Latin America and the Caribbean are fundamental for US security and prosperity. It would be refreshing, for example, for the President and Congressional leaders to mention the region more often when on trips to other parts of the world, just as visits to Latin America by Administration officials are filled with discussions of ISIL, Ebola, or North Korea.

Latin America and the Caribbean will also be listening, I suspect, for how many times the

region is mentioned (other than for matters of immigration and border security), by candidates for the U.S. Presidency in 2016.

Arguably in no other part of the world does a region's prosperity and good governance so affect the well-being of the United States, and in no other region do failures so immediately bring economic refugees, criminal actors, and potentially, terrorists to our borders, as Latin America and the Caribbean.

For no other region is what happens there a matter of "family" as this region is for so many Americans. Latin America and the Caribbean deserve our attention; its security and prosperity are in our common interest.

Стратегическое значение Западного полушария: интересы США в регионе

Роберт Эван Эллис, PhD, профессор Института стратегических исследований Военного колледжа Армии США (Карлайсл Барракс, Пенсильвания)

Аннотация: В статье анализируется значение Латинской Америки и Карибского бассейна относительно безопасности США. Автор подчеркивает, что взаимоотношения США с данным регионом связано не только с инвестициями США, но и с рядом проблем, таких как террористическая деятельность, преступность, беженцы. В статье выделяются четыре основные угрозы: организованная преступность, исламский радикализм, Россия и Китай. Автор детально рассматривает данные угрозы и анализирует их влияние в регионе на США. Также делаются выводы о дальнейшей стратегии и необходимых мерах Соединенных Штатов Америки по отношению к странам латиноамериканского региона.

Ключевые слова: США, Латинская Америка, Карибский бассейн, организованная преступность, исламский радикализм, Иран, Китай, Россия

The Strategic Importance of the Western Hemisphere: Defining U.S. Interests in the Region

Robert Evan Ellis, PhD, Research Professor of Latin American Studies, U.S. Army War College Strategic Studies Institute, Carlisle Barracks, PA

Abstract: Testimony analyses the emerging importance of Latin America and the Caribbean relative to the security of the United States. Author highlights that relations between the United States and the region of Latin America are related to the USA's investments and trade as well as to a whole range of problems such as terrorists, crime and refugees. According to the author there are four fundamental challenges in Latin America and the Caribbean: organized crime, Islamic radicalism, Russia and China. The author examines in detail these challenges and analyses their influence in the region on the United States. Furthermore, the author stresses that the USA should take necessary measures and develop further strategy to improve the relations with Latin-American countries.

Key words: the USA, Latin America, the Caribbean, organized crime, Islamic radicalism, Iran, China, Russia

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ СУБСАХАРНОЙ АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В.В. Шишков

В современном мире, отличительными чертами которого выступают нестабильность и беспоплярность, возрастает значение ведущих развивающихся государств. В политическом плане их устремления могут быть направлены на региональное доминирование, т.е. по сути, на собственное утверждение в имперском статусе, в его новом современном виде. Неоимпериализм в развивающихся странах, восхождение которых наблюдается во втором десятилетии XXI в., основывается на сочетании современных экономических, военных технологий при сохранении политической архаики, основной чертой которой является авторитарность.

Одной из основных политических характеристик таких неоимперских центров выступает незавершенность процесса образования национального государства, и, как следствие, отсутствие прочных институциональных оснований для развития демократической политической системы. Незавершенность политической модернизации выступает определяющим фактором для использования ими своего политического, экономического и военного потенциала для расширения сферы своего влияния в условиях формирующейся многополярной модели политических отношений.

Неустойчивость постбиополярной системы международных отношений, в значительной степени определяемая неоимперской политикой США, проявляется в нарастании турбулентности политических процессов в мире и в отдельных государствах. Тем не менее, по мере уменьшения экономического и военного превосходства

США относительно других государств выкристаллизовывается политическая модель, в которой влияние в мире будет разделено между региональными союзами, новыми центрами силы, великими державами XXI в. Понятие «великая держава», обозначающее, в общем плане, способность оказывать преобразующее влияние на мировое развитие в разных сферах, возвращается в современный политологический лексикон¹. Вместе с этим существуют перспективы обострения противостояния между восходящими великими державами за важнейшие ресурсы и технологии, что само по себе располагает к конфликтам и экспансии. Вполне возможно, что политика новых великих держав будет направлена на объединение гетерогенных периферий вокруг господствующего центра, сосредотачивающего ресурсы политической власти и оправдывающего такое господство идеологией, связанной с реализацией той или иной модели развития. Иными словами, высока вероятность того, что политика ведущих развивающихся государств будет осуществляться в соответствии с имперской парадигмой, предполагающей автократическое доминирование центра над периферией, реализуемого за счет и посредством концентрации политической власти, ее ресурсов.

В задачи настоящей статьи входит анализ факторов, обеспечивающих подъем новых центров силы в развивающемся мире,

¹ Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы / Т. Шаклеина // Международные процессы. 2011. Том 9, № 2(26). Май–август. С. 30. [Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы / Т. Шаклеина // Международные процессы. 2011. Том 9, № 2(26). Май–август. С. 30.]

рассмотрение условий, тенденций и предпосылок их образования в таких регионах как Субсахарная Африка и Латинская Америка.

По мнению Т. де Монбриаля, происходит становление важных структурных тенденций, преодолевающих хаотичность современного мира и формирование контуров относительно устойчивой системы. Их суть можно передать в трех словах: многополярность, разнородность и глобальность². Указанные тенденции способствуют образованию нескольких полюсов политического влияния среди современных развивающихся стран и их противостоянию (борьбе) за глобальные преимущества, связанные главным образом с доступом к природным ресурсам и инновационным технологиям. Политические центры силы в развивающемся мире приобретут черты неоимперских систем в связи с объективными факторами политического, экономического и геополитического характера. Перечислим и охарактеризуем основные из них.

1. Авторитарность политических режимов ведущих развивающихся государств.

А. Гат формулирует проблему, связанную с перспективами демократизации «нового второго мира», состоящего преимущественно из авторитарных капиталистических государств. Согласно его позиции, нет достаточных оснований предполагать, что переход сегодняшних авторитарных капиталистических держав к демократии неотвратим, зато многое заставляет полагать, что такие державы в совокупности будут обладать куда более мощным экономическим потенциалом, а возможно и военными возможностями, чем их коммунистические предшественники³.

Недемократичность, или точнее псевдodemократичность⁴ ведущих развивающихся

государств сама по себе не указывает на их имперские амбиции и устремления по расширению сферы своих геополитических интересов. Тем не менее, отсутствие возможностей для публичного оспаривания и выражения интересов населения, его групп, в политике выступает важной предпосылкой для бесконтрольности политической элиты в вопросах упрочения собственной власти, в том числе и за счет расширения пространства своего господства.

2. Непоследовательный и фрагментарный характер модернизации.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что хотя модернизация воспринята в большинстве ведущих развивающихся стран, в каждой из них она приобрела специфические характеристики. Данное обстоятельство позволяет Ч. Капчану утверждать, что по мере подъема восходящие державы пойдут собственным путем к модернити⁵. Политическая модернизация в странах Азии и Африки сводится к актуальности вопроса суверенитета, который сливается с вопросом об идентичности соответствующих стран и является в ряде случаев совершенно «неприкосновенной» идеей⁶. Вопросы политической модернизации общественно-политической жизни отходят на второй план при необходимости сократить указанное отставание, причем в конце XX – начале XXI вв. важно не отстать в технологической модернизации и от других развивающихся стран.

3. Тренд на многополярность.

Все более очевидным становится, что проект однополярного мира, в котором США занимают доминирующее положение, близкое по своей сути к положению мирового имперского центра, невозможно реализо-

кране медленно, что позволяет указывать на авторитарность ряда государств или переходных характер их политических режимов.

⁵ Капчан Ч. Побеждающее многообразие: надежды 1990-х и современное развитие мира / Ч. Капчан // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 103–104. [Kapchan Ch. Pobezhdaiushchee mnogoobrazie: nadezhdy 1990-kh i sovremennoe razvitie mira / Ch. Kapchan // Rossiia v global'noi politike. 2011. № 6. S. 103–104.]

⁶ Торкунов А. Дефицит демократии и международное сотрудничество / А. Торкунов // Международные процессы. 2009. Том 7, № 3. С.21. [Torkunov A. Defitsit demokratii i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo / A. Torkunov // Mezhdunarodnye protsessy. 2009. Tom 7, № 3. S.21.]

² Монбриаль Т. де. Мир стал многополярным, разнородным и глобальным... / Т. де. Монбриаль // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 3 (21). С. 40. [Monbrial T. de. Mir stal mnogopoliarnym, raznorodnym i global'nym... / T. de. Monbrial' // Mezhdunarodnye protsessy. 2009. T. 7, № 3 (21). S. 40]

³ Гат А. Возвращение великих авторитарных держав / А. Гат // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 4. С. 79. [Gat A. Vozvrashchenie velikikh avtoritarnykh derzhav / A. Gat // Rossiia v global'noi politike. 2007. T. 5, № 4. S. 79.]

⁴ Большинство государств современного мира официально в своих конституциях провозгласили демократический режим при этом развитие демократического процесса или свернуто или продвигается

вать. В современной международной политической системе происходит «перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния... Главная интрига в формирующейся международной системе разворачивается по линии отношений между развитым и развивающимся миром»⁷. Относительное ослабление силы и глобального влияния Западной цивилизации во главе с США⁸ в политическом и экономическом отношениях, выражающееся в тенденциях уменьшения доли экономически развитых западных стран в мировом ВВП⁹ и ослаблении их роли в принятии важнейших политических решений на глобальном уровне, способствует проявлению стремительных перемен в глобальном геополитическом ландшафте¹⁰ в том числе и противоречий среди развивающихся государств. При сохранении заинтересованности их правящих групп в экономических и научно-технологических связях с Западом на первый план выходит противостояние между самими развивающимися государствами.

⁷ Барановский В.Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах / В.Г. Барановский // Международные процессы. 2010. Т. 8, №1 (22). С. 5. [Baranovskii V.G. Transformatsiia mirovoi sistemy v 2000-kh godakh / V.G. Baranovskii // Mezhdunarodnye protsessy. 2010. T. 8, №1 (22). S. 5.]

⁸ Ливен А. Мир без гегемона. Холодная война и ее влияние на последующий период / А. Ливен // Россия в глобальной политике. 2011. № 6 Ноябрь/Декабрь. С. 148. [Liven A. Mir bez gegemona. Kholodnaia voyna i ee vliianie na posleduiushchii period / A. Liven // Rossiia v global'noi politike. 2011. № 6 Noiabr'/ Dekabr'. S. 148.]

⁹ Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры / Е.Г. Ясин, М.В. Снеговая. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2009. с. 6, 81-83, 87, 96. [Iasin E.G., Snegovaia M.V. Tektonicheskie sdvigi v mirovoi ekonomike. Chto skazhet faktor kul'tury / E.G. Iasin, M.V. Snegovaia. M.: Izdat. dom GU VShE, 2009. s. 6, 81-83, 87, 96.]

¹⁰ Заседание Научного совета при Министре иностранных дел России на тему: «Процесс реконсолидации цивилизаций на фоне уменьшения глобального влияния Запада: выводы для внешней политики России». 27.12.2011. Электронный ресурс. URL: http://www.mid.ru/BDOMP/brp_4.nsf/sps/CB66D3D2EFF1F40744257974004DCE9C. Время обращения: 12.02.2013. [Zasedanie Nauchnogo soveta pri Ministre inostrannykh del Rossii na temu: «Protss rekonsolidatsii tsivilizatsii na fone umen'sheniia global'nogo vliianiia Zapada: vyvody dlia vneshnei politiki Rossii». 27.12.2011. Elektronnyi resurs. URL: http://www.mid.ru/BDOMP/brp_4.nsf/sps/CB66D3D2EFF1F40744257974004DCE9C. Vremia obrashcheniia: 12.02.2013.]

4. Ограниченность природных ресурсов и диффузия технологий.

Ограниченность природных ресурсов, необходимых для успешного экономического развития, а тем самым и роста политического влияния все более ощущается в современном мире. Экономическое могущество вышло на первый план в обеспечении успешной внешней политики, государственной безопасности, а также оно – главное средство борьбы с внутренней политической оппозицией¹¹. Нарастает внимание государств-лидеров развивающегося мира к природным ресурсам, обеспечивающим экономическое развитие и маршрутам их транспортировки, к инновационным технологиям в экономике и в военном деле. В связи с этим их политическое руководство прилагает усилия к укреплению своих геополитических позиций в современном мире.

По мнению И. Данилина, «важно и то, что большинство развивающихся государств претендуют на получение технологий и производств, которые ранее относились к числу стратегических: например, гражданских ядерных, авиационных и космических (в том числе ракетных). Это относится не только к таким гигантам, как Китай или Индия, но и к целому ряду других государств. Ясно, что получение соответствующих технологий в том или ином их виде ощутимо меняет стратегические возможности и международное значение соответствующих государств – в том числе и экономические»¹². В современном мире наблюдается диффузия технологий – происходит не только распространение технологий и знаний, но и укрепление государственно-национальных инновационных систем.

Особое внимание ведущие развивающиеся государства уделяют модернизации

¹¹ Гелб Л. Сегодня ВВП важнее силы. Внешняя политика США в век экономического могущества / Л. Гелб // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. Т. 9. Сентябрь/Октябрь. С. 102. [Gelb L. Segodnia VVP vazhnee sily. Vneshniaia politika SShA v vek ekonomicheskogo mogushchestva / L. Gelb // Rossiia v global'noi politike. 2011. № 5. T. 9. Sentiabr'/Oktiaabr'. S. 102.]

¹² Данилин И. Глобальная диффузия технологий / И. Данилин // Международные процессы. 2010. №2. С. 3. [Danilin I. Global'naia diffuziia tekhnologii / I. Danilin // Mezhdunarodnye protsessy. 2010. №2. S. 3.]

вооруженных сил, в связи с чем производятся закупки современного вооружения и военной техники. Большая часть мирового военного экспорта в 2010 году пришлась на развивающиеся страны. В целом доля военного экспорта странам с развивающейся экономикой составила 76,2 процента¹³ на фоне перемещения – по заявлению агентства IHS Jane's – военных бюджетов на Восток¹⁴.

Несмотря на усилия по модернизации, передовые развивающиеся страны сохраняют черты традиционных политических систем, в которых носителем суверенитета выступает небольшая группа политических руководителей, зачастую возглавляемая харизматичным лидером и претендующая на властвование в силу традиционной легитимности. Для таких политий характерно укрепление внутривластных позиций через успехи во внешней политике, под которыми понимаются не только укрепление престижа, но и захват территорий, формирование и расширение сфер влияния. Авторитарные режимы в развивающихся странах в условиях конкуренции между собой, которая может описываться в рамках «Realpolitik» или «игры с нулевой суммой» направят свои усилия на проведение политики, которая может быть охарактеризована как имперская. То есть, в рамках региональных и цивилизационных образований современного мира они вступят между собой в борьбу за политические ресурсы, статусы неоимперских центров и образование собственных сфер влияния с включением в них подконтрольных периферий.

Обратимся к рассмотрению возможностей появления центров неоимперской интегративности в Африке южнее Сахары

(АЮС, Субсахарная Африка, Тропическая Африка). Следует оговорить, что данный регион до середины XX в. был почти полностью покорен европейскими государствами, народы его населяющие вошли в состав колониальных империй. Современные государственные границы в Африке южнее Сахары были в основном установлены европейцами в процессе колониального раздела и при деколонизации региона.

С учетом того, что Африканский континент занимает первое место на планете по запасам хрома, марганцевых руд, золота, металлов платиновой группы, алмазов, ванадия, фосфоритов, второе – по запасам урана и медных руд, третье – по запасам железных руд, газа, нефти и значительная часть этих природных богатств сосредоточена в регионе южнее Сахары, данный регион привлекает внимание ЕС, Китая, Индии, Ирана¹⁵.

Данное обстоятельство позволило П. Ханне указать на то, что «в целом Африка – это скорее место для китайского, европейского и американского неомеркантилизма, чем пример какого-либо варианта коллективного возрождения»¹⁶. Тем не менее, с учетом того, что границы африканских государств по-прежнему имеют в основном произвольное начертание, политические процессы в большинстве африканских государств далеки от конечных этапов модернизации. Национализм, как правило, находится в зачаточном состоянии, с учетом же экономического потенциала некоторых Субсахарных африканских государств представляется возможным в общих чертах обрисовать перспективы реализации парадигмы империи в регионе.

В оценке общеполитической ситуации в регионе, как представляется, можно согласиться с Э.Е. Лебедевой: «Сохраняется почти во всех государствах Субсахарской Африки конфликтно-кризисный характер властных отношений и взаимодействия власти с массами. Политические режимы авторитар-

¹³ Индия стала крупнейшим импортером вооружений // Электронный ресурс. URL: <http://lenta.ru/news/2011/09/30/arms/>. Время обращения: 14.07.2013. [India stala krupneishim importerom vooruzhenii // Elektronnyi resurs. URL: <http://lenta.ru/news/2011/09/30/arms/>. Vremia obrashcheniia: 14.07.2013.]

¹⁴ Муравьев Д. Ходовой товар / Д. Муравьев // Деловая газета Взгляд. Электронный ресурс. URL: <http://vz.ru/economy/2013/6/25/638660.html>. Время обращения: 14.07.2013. [Murav'ev D. Khodovoi tovar / D. Murav'ev // Delovaia gazeta Vzgljad. Elektronnyi resurs. URL: <http://vz.ru/economy/2013/6/25/638660.html>. Vremia obrashcheniia: 14.07.2013.]

¹⁵ Воробьева И. Незвестная Африка (интервью с В.Г. Шубиным) / И. Воробьева // Прямые инвестиции. 2013. №4(132). С. 13-14. [Vorob'eva I. Neizvestnaia Afrika (interv'iu s V.G. Shubinyim) / I. Vorob'eva // Priamye investitsii. 2013. №4(132). S. 13-14.]

¹⁶ Ханна П. Второй мир / П. Ханна. М.: Издательство «Европа», 2010. 616 с. [Khanna P. Vtoroi mir / P. Khanna. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 616 s.]

ного типа остаются доминирующими. Им, несмотря на развитие хотя и ограниченное, политического плюрализма и становление элементов гражданского общества, не удастся укрепить государственность и создать эффективные механизмы политического управления. Проблема «несостоявшихся государств» (*failed states*) еще долго не будет снята с повестки дня»¹⁷.

Как показывает исследование политической культуры государств Тропической Африки, проведенное В.В. Бочаровым, в политических системах и политической культуре этих государств архаические «обычаи и традиции, частью уходящие корнями в доколониальное прошлое, сами являются неотъемлемой ее (политической культуры – В.Ш.) частью»¹⁸. При этом исследование показывает, что процесс взаимодействия доколониальных властно-управленческих отношений с опытом колониального управления оказался очень сложным, вследствие чего, например, при разрушении колониальной управленческой структуры в африканских обществах качественно новое значение приобрел институт вождя, ставший основой постколониальных африканских авторитарных режимов. Более того, архаические доколониальные традиции играют в жизни африканских обществ настолько большую роль, что возводятся в роль государственной политики и закрепляются законодательно¹⁹. Такая ситуация имеет глубокие причины, связанные с уровнем социально-политического развития и влияния колониализма.

В постколониальный период в африканских государствах острыми стали противоречия между управленческой иерархией, во многом унаследованной от колониального правления, и общиной, сохранившей свое существование в период колонизации, что «объективно способствовало усилению авторитарного начала в методах управления, более широкому применению в том числе и физического принуждения»²⁰. Ускоренность традиционных властных структур привела к тому, что в государствах Тропической Африки наблюдался процесс эрозии политико-государственных институтов, установленных непосредственно после обретения независимости во многом по примеру бывших метрополий в сторону все большего государственно-правового закрепления традиционных политических структур (клановость, племенные и деревенские советы старейшин, клятвопринижения и т.п.). В конце концов, авторитарный режим стал для большинства государств Африки южнее Сахары той системой власти, которая в наибольшей степени отвечала традиционным (в т.ч. магическим) представлениям о вожде и позволяла, зачастую при помощи вооруженной силы, сохранить в большей или меньшей степени те государственные институты и границы, которые остались в наследство от колонизаторов.

Представляется, что большинство государств Тропической Африки проходят через тот этап развития, который европейские общества прошли несколько столетий назад, с учетом региональной специфики²¹, осложненный колониальным наследием и вмешательством со стороны «великих держав» современности. В связи этим не случайно, что преобладающий тип вооружен-

¹⁷ Лебедева Э.Е. Африка южнее Сахары в перипетиях мировой политики / Э.Е. Лебедева // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 203 с. С. 96-101. [Lebedeva E.E. Afrika iuzhnee Sakhary v peripetiiakh mirovoi politiki / E.E. Lebedeva // Aziia i Afrika v sovremennoi mirovoi politike. Sbornik statei / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Malysheva, k.e.n. A.A. Rogozhin. M.: IMEMO RAN, 2012. 203 s. S. 96-101.]

¹⁸ Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки / В.В. Бочаров. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – с.17. [Bocharov V.V. Vlast'. Traditsii. Upravlenie. Popytka etnoistoricheskogo analiza politicheskikh kul'tur sovremennykh gosudarstv Tropicheskoi Afriki / V.V. Bocharov. M.: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1992. – s.17.]

¹⁹ Там же, с. 19-20. [Tam zhe, s. 19-20.]

²⁰ Там же, – с.206. [Tam zhe, – s.206.]

²¹ Филатова И.И. Африканская государственность и африканский ренессанс: Парадокс ненормальности или нормальность парадокса / И.И. Филатова // Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2011. С. 74 – 112. [Filatova I.I. Afrikanskaia gosudarstvennost' i afrikanskii renessans: Paradoks nenormal'nosti ili normal'nost' paradoksa / I.I. Filatova // Gosudarstvennyi suverenitet vs. pravo natsii na samoopredelenie. M.: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. S. 74 – 112.]

ных конфликтов в Африке – гражданские войны и межгосударственные конфликты²². При этом, в регионе с нарастающей силой действуют фактор усиления конфликтности и дезинтеграции ряда государств, как отмечает Н.И. Пискунова: «сам по себе этот фактор не является новым феноменом, но потенциал конфликтности в Африке сегодня как никогда высок: континентальные противоречия более не сдерживаются мощными игроками извне»²³.

В связи с тем, что основными характеристиками политической культуры и, как следствие, политических отношений в государствах Африки южнее Сахары выступают авторитарность, политическая нестабильность, применение вооруженного насилия, сакральность политической власти, не без оснований можно говорить о том, что имперские формы государственности могут быть воспроизведены в этом регионе.

Собственно говоря, «империи» уже существовали и провозглашались в этом регионе, причем совсем недавно.

Наиболее заметный пример африканской империи – Эфиопия, в отношении которой можно сказать, что черты имперской государственности существовали с XIV в. со времени объединения эфиопских княжеств под властью императора. Во второй половине XIX в. несмотря на то, что империя столкнулась с колониальными посягательствами со стороны Великобритании и Италии, правительству не только удалось отразить их, но и расширить границы государства. Как пишут Г.В. Цыпкин и В.С. Ягья «территориальное расширение Эфиопской империи конца XIX – начала XX в. сыграло заметную роль в упрочении абсолютистской тенден-

ции в межвоенном развитии Эфиопии»²⁴, при этом предпринимались шаги по инкорпорированию регионов, имевших автономию, в империю.

В послевоенный период «самодержавное» правление императора Хайле-Селассие I, несмотря на использование традиционных социально-политических, религиозных и социально-психологических ценностей и представлений, не смогло выдвинуть никакой общенациональной цели развития, которая соответствовала бы идеям второй половины XX в.²⁵ и модернизировать эфиопское общество, было свергнуто в результате «ползучего переворота» 1974 г.

С этого времени многоэтническое и поликонфессиональное общество Эфиопии пережило череду вооруженных конфликтов, связанных с борьбой за власть в самом государстве, сепаратизмом и нестабильностью в соседнем Сомали.

В настоящее время власть в республике Эфиопии принадлежит партии «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (РДФЭН). Федеративность Эфиопии основывается преимущественно на этническом принципе, но при этом «изначальным недостатком нового федеративного устройства является то, что одни народы Эфиопии получили большие по территории национальные штаты, а другие оказались разделенными новыми административными границами»²⁶. Несмотря на то, что Эфиопия является одним из беднейших государств мира, ее вооруженные формирования в последние годы вели боевые действия в Сомали, Эритрее и на территории самой Эфиопии, в сепаратистском регионе – Огаден.

²² Коновалов И.П., Шубин Г.В. Современная Африка: войны и оружие / И.П. Коновалов, Г.В. Шубин. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2012. – с. 9. [Konovalov I.P., Shubin G.V. Sovremennaya Afrika: voyny i oruzhie / I.P. Konovalov, G.V. Shubin. M.: Izdatel'stvo «Sotsial'no-politicheskaia mysl'», 2012. – s. 9.]

²³ Пискунова Н.И. Внутриполитические трансформации в странах Африканского Рога: тенденции и/или угрозы? / Н.И. Пискунова // Вестник МГИМО-Университета. 2008. №1. С.43. [Piskunova N.I. Vnutripoliticheskie transformatsii v stranakh Afrikanskogo Roga: tendentsii i/ili ugrozy? / N.I. Piskunova // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2008. №1. S.43.]

²⁴ Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время / Г.В. Цыпкин, В.С. Ягья. М., Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989. с. 131. [Tsypkin G.V., Iag'ia V.S. Istoriia Efiopii v novoe i noveishee vremia / G.V. Tsypkin, V.S. Iag'ia. M., Nauka: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1989. s. 131.]

²⁵ Там же. – с. 253. [Tam zhe. – s. 253.]

²⁶ Крылов А.Б. Африканский Рог: Новые тенденции развития / А.Б. Крылов // Мировая экономика и междунар. отношения. 2007. № 9. С. 93. [Krylov A.B. Afrikanskii Rog: Novye tendentsii razvitiia / A.B. Krylov // Mirovaia ekonomika i mezhdunar. otnosheniia. 2007. № 9. S. 93.]

Высокая конфликтогенность, сложившаяся вокруг Эфиопии, общеафриканские тенденции политического развития, а также вмешательство извне могут способствовать восстановлению имперской проектности этого государства.

Другим примером недавней африканской империи выступает – Центральноафриканская империя, провозглашенная диктатором Ж.-Б. Бокассой в 1976 г. Эта «последняя империя», существование которой завершилось вместе с падением диктатора, принявшего титул императора, после чего в стране продолжается гражданская война, несмотря на краткий срок своего существования, показывает на возможно востребованный в будущем имперский статус африканских авторитарных правителей. Учитывая сложный этнический и религиозный состав населения многих государств Тропической Африки, такие притязания, вероятно, не всегда будут обосновательными.

Нельзя не сказать о ситуации в Демократической Республике Конго, имеющую свою доколониальную имперскую предысторию (империи луба и лунда). ДРК отличается крайне разнообразный этнический состав населения (около 200 народов). Проблемы межэтнических отношений в Конго связаны с политикой переселений, проводимой колониальной бельгийской администрацией, и волнами миграции из охваченной войной Руанды уже в постколониальный период. Как отмечает Г.М. Сидорова, эти проблемы наложились на длительную борьбу «между этносами ленду и хема на востоке Заира (название Конго 1965 – 1997 гг.) за лидерство в политической и управленческой сферах, а также за контроль над природными ресурсами, которая стала чаще принимать форму вооруженных столкновений»²⁷. Войны в ДРК (первая и вторая конголезские войны, и др. вооруженные конфликты) имели явную этническую составляющую, а также повлек-

ли вмешательство других африканских государств (Чад, Судан, Ливия, Руанда, Уганда, Бурунди). Только в 2002 во многом благодаря усилиям ЮАР удалось достичь принципиальных соглашений о мире в ДРК (Соглашение в Претории 2002 г.). Однако несмотря на проведение президентских выборов в 2006 г., на которых победил глава одной из групп Ж. Кабила (сын предыдущего Президента ДРК Л.Д. Кабила) в Республике сохраняется политическая и межэтническая напряженность.

До недавнего времени ДРК можно было с полным на то основанием отнести к числу «распавшихся государств», и современную ситуацию сложно назвать стабилизирующей. Как представляется нельзя окончательно исключать того, что траектория политического развития Конго, учитывая во многом этнический характер политических противоречий, социальный запрос на стабильность и африканские традиции вождизма, может приобрести направленность на воспроизведение черт имперской государственности, что в свою очередь может выразиться не только в авторитарности центрального политического управления, сосредоточенного в руках представителей главным образом одного этноса, но и в вооруженном насилии, направленном на подавление других этносов, а также в реальной или даже официальной асимметричности статусов народов и территорий, и, наконец, шовинистической идеологии. Возможно, что такой сценарий будет реализован не только на территориях, входящих в состав ДРК (например: «империя тутси»), но и в других субсахарских африканских странах, отличающихся нестабильностью государственных институтов и потенциалом межэтнической конфликтности (Ангола, Нигерия, Мозамбик, Чад, Сомали).

На фоне конфликтных ситуаций и политических проблем охвативших регион, наиболее вероятным выглядит раздел его на сферы влияния между основными политическими силами современного мира США, ЕС, Китаем и др. Африканские империи, если они возникнут, могут реализоваться только в качестве союзников перечисленных мировых «центров силы». Исключение может

²⁷ Сидорова Г.М. Военные конфликты в Демократической Республике Конго на рубеже XX–XXI веков и их особенности / Г.М. Сидорова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2011. № 2 (20). С. 82. [Sidorova G.M. Voennye konflikty v Demokraticheskoi Respublike Kongo na rubezhe XX–XXI vekov i ikh osobennosti / G.M. Sidorova // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 4, Ist. 2011. № 2 (20). S. 82.]

составить Южно-Африканская республика (ЮАР) – наиболее развитое в политическом и экономическом отношениях государство континента.

Уже на современном этапе своего развития ЮАР ставит вопрос о необходимости развития региональной интеграции стран Южной Африки как наиболее развитой в экономическом и социальном плане части континента. ЮАР активно участвует в структурах региональной африканской интеграции. Это не только Африканский союз (преобразованный в 2002 г. из Организации африканского единства), но и такие организации как Сообщество развития Юга Африки (САДК), на международном уровне, помимо ООН и других правительственных организаций, ЮАР вошло в неформальные организации БРИКС и G20. Кроме того, по инициативе ЮАР реализуется программа «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД)²⁸. Можно сказать, что ЮАР стремится к интеграции вокруг себя южноафриканских государств, вероятнее всего под эгидой САДК.

В современных условиях политика ЮАР ориентирована главным образом на установление политического лидерства в Африке, представление и защиту интересов африканских государств на международном уровне²⁹ с опорой на идеологию «африканского ренессанса»³⁰. В этой части, устрем-

ления ЮАР не остаются без внимания со стороны Нигерии, также претендующей на лидерские позиции на континенте³¹. Современная Нигерия, несмотря на недавние внутренние конфликты, интегрирует вокруг себя западноафриканские государства под эгидой Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), Ее вооруженные силы, составляющие основу контингента ЭКОВАС по наблюдению за прекращением огня в Либерии (ЭКОМОГ), неоднократно вводились на территорию Либерии.

В условиях политической нестабильности, в целом характеризующей ситуацию в Субсахарской Африке, политические интересы ЮАР или Нигерии могут потребовать более непосредственного, а возможно и вооруженного вмешательства в политику соседних государств (прецеденты уже имели место: например, оккупация вооруженными силами ЮАР Намибии, интервенция в Анголу). В целом, с учетом того, что большинство африканских государств южнее Сахары выступают объектом неокOLONиальных устремлений со стороны великих держав, такие государства как ЮАР или Нигерия могут пойти на формирование собственных сфер влияния на континенте. С учетом преобладания в политической культуре и политических отношениях на континенте архаичных черт, данные устремления могут привести к формированию африканских неоимперских образований.

В целом, особенности и современного политического развития в Субсахарской Африке позволяют предположить возможность возникновения неоимперских образований или с помощью внешних сил с опорой на наиболее агрессивные авторитарные режимы, или же формирование имперских

²⁸ Архангельская А.А. Внешняя политика ЮАР (1994–2004 гг.) / А.А. Архангельская. Автореф. дисс. канд. историч. наук. М., 2009. – с. 19. [Arkhangel'skaia A.A. Vneshniaia politika IuAR (1994–2004 gg.) / A.A. Arkhangel'skaia. Avtoref. diss. kand. istorich. nauk. M., 2009. – s. 19.]

²⁹ Лебедева Э.Е. Африка южнее Сахары в перипетиях мировой политики / Э.Е. Лебедева // Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. д.п.н. Д.Б. Малышева, к.э.н. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 203 с. С. 110. [Lebedeva E.E. Afrika iuzhnee Sakhary v peripetiiakh mirovoi politiki / E.E. Lebedeva // Aziia i Afrika v sovremennoi mirovoi politike. Sbornik statei / Otv. red. d.p.n. D.B. Malysheva, k.e.n. A.A. Rogozhin. M.: IMEMO RAN, 2012. 203 s. S. 110.]

³⁰ Ределинхейс Н. Африканский Ренессанс: Взгляд из Южной Африки / Н. Ределинхейс // Сборник материалов международной научной конференции «Афроцентризм и Евроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте». М., ИВИ РАН, 2000. Электронный ресурс. URL: http://www.africana.ru/biblio/afrocentrism/16_Redelincheis.htm. Время обращения. 05.08.2013 [Redelincheis N. Afrikanskii Rennsans: Vzgliad iz Iuzhnoi Afriki / N. Redelincheis

// Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Afrotsentrizm i Evrotsentrizm nakanune XXI veka: afrikanistika v mirovom kontekste». М., ИВИ РАН, 2000. Elektronnyi resurs. URL: http://www.africana.ru/biblio/afrocentrism/16_Redelincheis.htm. Vremia obrashcheniia. 05.08.2013.]

³¹ Аньяха С.Ч. Особенности политического процесса и внешняя политика Нигерии в условиях глобализации / С.Ч. Аньяха. Автореферат дисс. канд. политич. наук. М., 2008. 32 с. [An'iaokha S.Ch. Osobennosti politicheskogo protsessa i vneshniaia politika Nigerii v usloviakh globalizatsii / S.Ch. An'iaokha. Avtoreferat diss. kand. politich. nauk. M., 2008. 32 s.]

по своей сути систем лидерами африканского развития, прежде всего ЮАР, и возможно, Нигерией.

Перейдем к рассмотрению перспектив образования центров неоимперскости в еще одном значимом регионе – Латинской Америке.

Как и при рассмотрении политического развития стран Субсахарской Африки следует отметить, что данный регион имеет свою имперскую историю, связанную с империями инков и атцегов, которые, как известно, существовали до прихода европейцев на континент.

В Новое время практически вся территория современной Латинской Америки вошла в состав европейских колониальных империй – Испанской и Португальской, также в регионе присутствовали колониальные владения Великобритании и Франции.

С 1810 по 1826 гг. продолжались вооруженные конфликты, получившие название – «война за независимость испанских колоний в Америке», приведшие к независимости Мексики, Колумбии, Чили, Парагвая и ряда других государств. В 1822 г. Португалия провозгласила независимость от Бразилия, в которой стал править представитель португальской королевской династии Педру I, а само государство стало называться Бразильской империей до 1889 г., когда была провозглашена республика.

Вообще нужно сказать, что в период антиколониальной борьбы и после ее окончания имперская идеология не является чем-то совершенно чуждым для государств региона. Лидер освободительного движения в Южной Америке С. Боливар стремился к созданию сложносоставного государства, которое охватило бы всю или большую часть территорий бывших испанских колоний. Под власть С. Боливара к моменту окончания войны за независимость оказалась «огромная территория от устья Ориноко до границ Аргентины. Он стал не только президентом Великой Колумбии, но и верховным диктатором Перу и пожизненным президентом Боливии»³². Тем не менее, еще при жиз-

ни С. Боливара и в период его политической деятельности стало очевидно, что проект Великой Колумбии не удастся реализовать. Проект Андской федерации, предложенный также С. Боливаром, предусматривающий первоначально включение в единое государство всех стран, расположенных вдоль Анд от Мексики до Чили, а в конечном варианте объединение Великой Колумбии, Перу и Боливии, причем с созданием новой структуры государственного управления³³, был отвергнут элитными группами южноамериканских групп. При этом, одним из доводов против этого проекта было то, что это приведет к установлению системы просвещенного абсолютизма, власти узкой по своему составу элиты.

Примерно в тоже время в Мексике состоялась и рухнула «Первая мексиканская империя» 1822–1823 гг. во главе с императором А. де Итурбиде. Несмотря на недолговечность, это государственное образование, появившееся в результате успешной борьбы за независимость, отражало сложность этно-территориального комплекса Мексики данного периода, диктаторские амбиции лидера борьбы за независимость – А. де Итурбиде, его стремление к расширению подконтрольных ему территорий и укреплению на них своей власти. После свержения А. де Итурбиде, в 1823 г. от Мексики откололись центральноамериканские провинции, ставшие впоследствии независимыми государствами – Коста-Рика, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас и Гватемала.

В последующие периоды политической истории стран Латинской Америки нет примеров установления имперской государственности (Вторая Мексиканская империя 1863–1867 гг. может считаться таковой только по названию). Однако, великодержавные амбиции обнаруживаются у ведущих государств региона конца XIX – начала XX вв. и проявляются в южноамериканской дредноутной гонке между Бразилией, Чили и Ар-

³² Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века) / О.И. Посконина. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – с.150. [Poskonina O.I. Istoriia Latinskoi

Ameriki (do XX veka) / O.I. Poskonina. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. – s.150.]

³³ Глинкин А.Н. Дипломатия С. Боливара / А.Н. Глинкин. М.: Международные отношения. 1991. – с. 312-313. [Glinkin A.N. Diplomatiia S. Bolivara / A.N. Glinkin. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia. 1991. – s. 312-313.]

гентиной. Впоследствии значительная часть государств региона подпала под влияние США, экономическое и политическое преобладание которых в регионе до недавнего времени выглядело бесспорным. Однако как отмечают исследователи, «скорее всего влияние США в регионе снижается»³⁴ и «постепенно усиливается присутствие других акторов международной политики»³⁵, таких как ЕС и Китай. В силу данного обстоятельства нельзя исключить того, что вновь обострится политическое и экономическое соперничество между ведущими государствами Латинской Америки, что в свою очередь может стать предпосылкой к тому, что некоторые из них возьмут на себя роль центров неоимперской интеграции в регионе.

Безусловно, государственность большинства стран Латинской Америки выглядит более зрелой, чем у стран Тропической Африки, и высока вероятность того, что влияние США в регионе или большей его части вновь станет определяющим для его политического развития. Тем не менее, представляется возможным указать на ряд обстоятельств, которые могут способствовать проявлению неоимперскости в регионе.

Во-первых, проведенный анализ показывает, что имперский тип государственности не может считаться чем-то принципиально недопустимым для политического

развития стран Латинской Америки. Империи возникли в доколониальный период, имперское управление существовала в регионе в период господства Испании и Португалии и в период, когда после обретения независимости государства Латинской Америки провозглашали имперскую государственность.

Во-вторых, в регионе набирают силу интеграционные процессы, которые по мнению их исследователей восходят к традициям, заложенным еще С. Боливаром, и которые представляется возможным реализовать только на современном историческом этапе. Как отмечает Л.В.Евдокимов: «В начале XXI в. наблюдается тенденция укрупнения интеграционных объединений Латинской Америки и процесс становления идейных основ континентальной интеграции»³⁶. При этом наиболее острой остается проблема согласования межгосударственных интересов, преодоление которой может быть найдено благодаря усилии лидирующих, пока в экономическом отношении, государств региона.

В-третьих, в регионе достаточно явно проявляется неравномерность экономического развития. По оценке А.В. Погорельского на четыре государства региона: Бразилию, Мексику, Колумбию и Аргентину «по таким показателям как население, ВВП, территория и т.д. приходится в совокупности от 70% до 80% экономического потенциала региона»³⁷. Такое неравенство в экономическом развитии может рассматриваться в качестве предпосылки для того, чтобы в более или менее отдаленной перспективе у указанных государств при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах (например: отсутствие прямого политического и военного вмешательства извне) прояви-

³⁴ Эксперт Татьяна Полоскова о Латинской Америке: «Влияние США в регионе снижается» // Информационно-аналитический портал «Модус Агенди». Электронный ресурс. URL: <http://modus-agendi.org/articles/1289>. Время доступа: 17.08.2013.; Евдокимов Л.В. Интеграционные процессы в андском регионе Латинской Америки: политический аспект / Л.В. Евдокимов. Автореф. дисс. канд. полит. наук. СПб., 2012. – с. 12-13. [Эксперт Tat'iana Poloskova o Latinskoi Amerike: «Vliianie SShA v regione snizhaetsia» // Informatsionno-analiticheskii portal «Modus Agendi». Elektronnyi resurs. URL: <http://modus-agendi.org/articles/1289>. Vremia dostupa: 17.08.2013.; Evdokimov L.V. Integratsionnye protsessy v andskom regione Latinskoi Ameriki: politicheskii aspekt / L.V. Evdokimov. Avtoref. diss. kand. polit. nauk. SPb., 2012. – s. 12-13.]

³⁵ Конева И.В. Трансатлантические отношения ЕС – Латинская Америка в конце XX – начале XXI вв. / И.В. Конева // Научный диалог. 2013. № 1(13) : История. Социология. Экономика. С. 110. [Koneva I.V. Transatlanticheskie otnosheniia ES – Latinskaia Amerika v kontse XX – nachale XXI vv. / I.V. Koneva // Nauchnyi dialog. 2013. № 1(13) : Istoriia. Sotsiologiia. Ekonomika. S. 110.]

³⁶ Евдокимов Л.В. Интеграционные процессы в андском регионе Латинской Америки: политический аспект / Л.В. Евдокимов. Автореф. дисс. канд. полит. наук. СПб., 2012. – с.4. [Evdokimov L.V. Integratsionnye protsessy v andskom regione Latinskoi Ameriki: politicheskii aspekt / L.V. Evdokimov. Avtoref. diss. kand. polit. nauk. SPb., 2012. – s.4.]

³⁷ Погорельский А.В. Влияние мирового кризиса на страны Латинской Америки / А.В. Погорельский // Политические изменения в Латинской Америке. 2011. № 9. - С. 6. [Pogorel'skii A.V. Vliianie mirovogo krizisa na strany Latinskoi Ameriki / A.V. Pogorel'skii // Politicheskie izmeneniia v Latinskoi Amerike. 2011. № 9. - S. 6.]

лось стремление конвертировать его в политическое, образовав вокруг себя сферу собственных исключительных политических и экономических интересов, воспользовавшись очередным витком нестабильности в регионе.

В-четвертых, как представляется, в политические процессы в большинстве государств региона отличаются острой борьбой между правыми и левыми политическими силами, при этом история государств региона знает немало государственных переворотов, не редкостью являлись военные хунты и периоды активности революционных движений. На современном этапе наблюдается, по определению Т. Ворожейкиной, треть «пришествие» популизма в государства Латинской Америки, благодаря которому воспроизводится «государственно-центричная матрица развития в наиболее полном и законченном виде»³⁸. Более того, в современной Латинской Америке отмечается рост популярности «боливарианского социализма XXI в.» как альтернативной западному капитализму модели развития. К числу приверженцев «латиноамериканского социализма» с полным на то основанием можно отнести лидеров Венесуэлы (У. Чавес, Н. Мадуро), Боливии (Э. Моралес), Эквадора (Р. Корреа), Никарагуа (Д. Ортега)³⁹. При этом сложно предсказать насколько реализуемой окажется эта концепция социального развития и не приведет ли ее реализация к росту социальной и политической напряженности не только в указанных государствах, но и в регионе в целом. Ведь нельзя исключить, что при неудаче новых социалистических проектов «враги» будут найдены не только в самих перечисленных государствах, но и за их пределами, и в связи с этим не встанет вопрос «об экспорте революции», а в вместе с ним и проблемы присоединения новых латиноа-

мериканских государств к проекту «боливарианского социализма XXI в.». Уже сейчас отношения между Венесуэлой и Колумбией отличаются напряженностью и взаимными обвинениями, и вероятно, что правительство Венесуэлы поддерживает Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК)⁴⁰.

В-пятых, политическая ситуация в регионе, и без того сложная в силу низкого уровня жизни в большинстве стран региона усугубляется существованием незаконных вооруженных формирований, в том числе промышляющих незаконным производством и оборотом наркотиков. При этом можно говорить о росте военных расходов государств региона как о стабильной тенденции. Они возросли с 39 млрд. долл. в 2006 г. до 58 млрд. долл. в 2008 г., в 2012 г. на фоне общемирового снижения военных расходов, страны региона продемонстрировали их новый рост⁴¹. Социально-политическая напряженность в регионе может стать дополнительным фактором роста межгосударственной конфронтации, способной привести к открытым конфликтам и оправдывающим неоимперскую политику обстоятельством.

Все вышесказанное о развивающихся государствах современного мира не означает автоматически того, что в каждом регионе возникнут центры имперского притяжения. Однозначный прогноз развития политических событий во всех регионах мира не является главной задачей данной статьи. Тем не менее, представляется возможным с учетом проведенного анализа утверждать, что им-

³⁸ Ворожейкина Т. Государство и общество в России и Латинской Америке / Т. Ворожейкина // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. - С. 8. [Vorozheikina T. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii i Latinskoj Amerike / T. Vorozheikina // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2001. № 6. - S. 8.]

³⁹ Строганова Е.Д. Идеи социализма в Латинской Америке / Е.Д. Строганова // *Латинская Америка*. 2009. № 12. С. 43-59. [Stroganova E.D. Idei sotsializma v Latinskoj Amerike / E.D. Stroganova // *Latinskaia Amerika*. 2009. № 12. S. 43-59.]

⁴⁰ Бланк С. Россия и Латинская Америка: геополитические игры вблизи США / С. Бланк. *Russie.Nei. Visions*, №38, апрель 2009. 28 с. [Blank S. Rossiia i Latinskaia Amerika: geopoliticheskie igry vblizi SShA / S. Blank. *Russie.Nei. Visions*, №38, aprel' 2009. 28 s.]

⁴¹ Варгасова Е. Нелегальные рынки наркотиков и оружия в Латинской Америке / Е. Варгасова // *Политические изменения в Латинской Америке*. 2011. № 9. С. 13.; Мировые военные расходы сократились впервые в XXI веке // *Лента.ру*. Электронный ресурс. URL: <http://lenta.ru/news/2013/04/15/firstdrop/>. Время обращения: 17.08.2013. [Vargasova E. Nelegal'nye rynki narkotikov i oruzhiia v Latinskoj Amerike / E. Vargasova // *Politicheskie izmeneniia v Latinskoj Amerike*. 2011. № 9. S. 13.; *Mirovye voennye raskhody sokratilis' vperve v XXI veke* // *Lenta.ru*. Elektronnyi resurs. URL: <http://lenta.ru/news/2013/04/15/firstdrop/>. Vremia obrashcheniia: 17.08.2013.]

перская парадигма имеет потенциал реализоваться в политике многих из перечисленных государств в силу общемировых трендов политического развития, о которых говорилось выше. При распространении политического влияния какого-либо из рассмотренных государств и тем более утверждению его доминирующего положения в регионе неизбежно будет возникать необходимость закрепления зависимого, и вероятнее всего, подчиненного положения периферийных областей и стран по отношению к центру.

Таким образом, в силу перечисленных обстоятельств, нарастающая политическая конкуренция между новыми центрами влияния содержит в себе предпосылки реализа-

ции ими неоимперской политики. Причем, таковая вероятно будет более похожа на классические имперские предприятия, чем, например, колониальная политика европейских государств или использование США своих глобальных экономических преимуществ, то есть реализовываться не столько при помощи «мягкой силы», а сколько с использованием прямого политического давления, угроз и военной силы. В связи с этим не выглядят невозможными многочисленные вооруженные конфликты, в том числе и с применением оружия современных типов, связанные с распределением сфер влияния в регионах, в которых формируются центры неоимперской интегративности.

Некоторые тенденции и перспективы политического развития государств ведущих государств субсахарной Африки и Латинской Америки

Василий Валерьевич Шишков, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: fl55@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции и перспективы политического развития ведущих государств развивающегося мира. Проводится анализ факторов, создающих условия для подъема новых центров силы, а также тенденций и предпосылок их образования в таких регионах как Субсахарная Африка и Латинская Америка. В условиях постбиполярной системы международных отношений возрастает вероятность образования в развивающемся мире центров неоимперской интегративности, чему способствуют такие факторы как: авторитарность (псевдодемократичность) политических режимов ведущих развивающихся государств; непоследовательный и фрагментарный характер их модернизации; тренд на многополярность в международных отношениях; возрастающая ограниченность природных ресурсов и диффузия технологий. Основными характеристиками политических отношений в государствах Субсахарной Африки выступают авторитарность, политическая нестабильность, применение вооруженного насилия и сакральность политической власти. Данные особенности, а также высокая степень конкуренции за природные ресурсы, позволяют предположить возможность возникновения неоимперских образований или с помощью внешних сил с опорой на наиболее агрессивные авторитарные режимы или же формирование имперских по своей сути систем лидерами африканского развития, прежде всего ЮАР. Государственность большинства стран Латинской Америки выглядит более зрелой, чем у стран Тропической Африки и высока вероятность того, что влияние США в регионе вновь станет определяющим для его политического развития. Тем не менее, набирающие в регионе силу интеграционные процессы на фоне все более явно проявляющейся неравномерности экономического развития латиноамериканских государств, при внутриполитической нестабильности их режимов, могут найти выражение в форме неоимперского объединения вокруг формирующихся основных центров силы региона. Таким образом, имперская парадигма имеет потенциал реализоваться в

политике ряда государств данных регионов. При распространении политического влияния какого-либо из рассмотренных государств, и тем более утверждении его доминирующего положения неизбежно будет возникать необходимость закрепления зависимого, и вероятнее всего, подчиненного положения периферийных областей и стран по отношению к центру.

Ключевые слова: США, Латинская Америка, Карибский бассейн, организованная преступность, исламский радикализм, Иран, Китай, Россия

Some Trends and Prospects of Political Development of Leading States Sub-Saharan Africa and Latin America

Vasiliy Valerievich Shishkov, Associate Professor at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
E-mail: fli55@mail.ru

Abstract: The article examines trends and prospects for political development of the leading states in the developing world. The author analyses the factors which encourage the rise of new centers of power, as well as trends and prerequisites of their emergence in such regions as Sub-Saharan Africa and Latin America. In the post- Cold War international system the emergence of neo-imperial integrative centers in the developing world is more probable, given such factors as authoritarian political regimes in the leading developing countries, inconsistent and fragmented modernization, increased multi-polarity in international relations, scarce natural resources and expansion of technologies. The main characteristics of political relations in Sub-Saharan Africa are authoritarianism, political instability, the use of violence and the sacred political power. These features as well as a high level of competition for natural resources increasingly foster the emergence of neo-imperial formations by external forces, relying on the most aggressive authoritarian regimes, or by the leaders of African development (above all, South Africa). The statehood of Latin American countries looks more mature than that of Sub-Saharan Africa; the US influence in the region is likely to be decisive again for its political development. Nevertheless, intensifying integration in Latin America coupled with further economic fragmentation and political instability might lead to the establishment of neo-imperial associations around the main centers of power in the region. Thus, the imperial paradigm has the potential to be realized in the policy of some states in the both regions. Amid increasing political influence of the considered countries and their consolidating dominance, subordinate position of the peripheral regions and states to the regional powers turns out to be a reality.

Key words: empire, the periphery paradigm, empire-neo-imperial integrative, post-bipolar system of international relations, sub-Saharan Africa, Latin America, South-African Republic, Brazil, Mexico

НАЦИОНАЛИЗМЫ МОЛДОВЫ

И.Е. Кочедыков

Молдова – небольшая страна в Восточной Европе, которую незнающие люди с трудом могут найти на карте мира. Но, несмотря на свои небольшие размеры, Молдова представляет собой очень интересный феномен для изучения национализма.

После первой мировой войны старые империи распались на множество национальных государств. И Бессарабия стала частью, существовавшей с 1878 года независимой Румынии до 1940 года. В тоже самое время, СССР, следуя своей национальной политике создал Молдавскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Украинской ССР, которая просуществовала с 12 октября 1924 года по 2 августа 1940 года. В ее состав входили левобережная часть современной Молдавии (большая часть Приднестровья) и часть современной Украины (районы Балта, Бирзула, Кодымский район). После 1940 Бессарабия вошла в состав СССР, а затем в 1944, Молдавия стала самой молодой советской республикой. В стране строились заводы, создавались совхозы и колхозы, шла советская модернизация, появилась местная национальная интеллигенция. Но в конце 1980-х, когда в СССР началась Перестройка и эпоха гласности в Молдавии подняли голову националисты-унионисты, которые вскоре дорвались до власти. С тех пор Молдавия пребывает в состоянии постоянного социально-экономического кризиса. Сегодня политическая жизнь в Молдавии тесно связана с «национальным вопросом».

Феномен национализма в Молдове, несмотря на наличие ряда работ Нойкирха, Бюшера, Кинга остается малоизученным. Во многом это связано с высокой полити-

зированной темой. Большая часть публикаций на эту тему занимает некую идеологическую и политическую позицию или методологически устарело. Так Кинг выделяет только два национализма в Молдове – унионистский и молдавенизм¹.

Для изучения национализмов будет применена та оптика, которую предложил профессор Роджерс Брубейкер. Брубейкер подходит к изучению национализма с конструктивистских позиций. Однако, он против эссенциализма, который был присущ ряду исследователей до него. Нации не есть нечто уже сложившееся или структурированное. Напротив, нация – есть постоянная взаимодействия и борьба. Борьба за стиль легитимной перцепции. Иначе говоря, кто и как определяет что есть нация, а также каков контекст этой борьбы за символическую номинацию. Брубейкер говорит о том, что бессмысленно искать магистральную линию – в вопросе возрастает ли национализм или наоборот, движется ли он к закату. Вопрос об оптике или, иначе говоря, вопрос о том, кто и как фреймирует происходящие в обществе конфликты и изменения.

Исследовательская парадигма и программа Брубейкера направлена на изучение национализмов, которые возникли в следствии национализации политического пространства. Национализмы взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют, образуя единую цепь отношений². Эти отношения, Брубейкер описывает в виде триады, в которую

¹ King C. The Moldovans. Romania, Russia and the politics of culture. Stanford: Hoover Institution Press, 1999. 303 p.

² Rogers Brubaker Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University press, 2009 pp.1-20.

входят национальные меньшинства (*national minorities*), новые национализирующие государства (*nationalizing states*) и внешние национальные родственные государства (*external national homelands*) к которым принадлежат меньшинства или могут считать себя принадлежащими по культурным основаниям. Этой триаде соответствуют три вида национализмов, которые к тому же противостоят друг другу. Национализм национализирующих государств исходит из центрального положения своей этнокультурной нации, которая как бы является владельцем государства. Этот вид национализма как бы защищает эту нацию и помогает ей оправиться после «векового порабощения» крупным и хищническими империями. Государство здесь воспринимается как защитник интересов этой нации.

Внешние национальные родственные государства ставят своей целью поддерживать (финансово, морально, юридически) свои этнонациональные меньшинства, проживающие на территории национализирующегося государства. Причем это «родственное» — не этническая категория, а политическая, так как проводники такой политики ставят вопрос о внутренних делах национализирующихся государств и причисляют «этически родственных» индивидов к телу своей большой политической нации, борются за свои политические интересы на этой территории.

Меньшинства остаются в тисках между национализмом национализирующегося государства и национализма внешнего «родственного» государства. У них тоже есть свой национализм, который является политическим, а не этнографическим. Эти группы стремятся получить признания государства и определенные политически, культурные права. Национализмы меньшинств могут не совпадать с национализмом материнских государств.

Таким образом, получается треугольник взаимодействия Брубейкера. В этих трехсторонних взаимоотношениях национальные меньшинства новые национализирующие государства и внешние национальные родственные государства — не есть нечто заданное, но представляет собой поле конкурирующих установок. «Трехсторонние

отношения между этими тремя элементами представляют собой отношения между носительными полями, а отношения между тремя полями тесно сплетены с внутренними и определяющими эти поля отношениями»³.

Однако, есть важный фактор, который Брубейкер не учитывает, но который в то же время имеет колоссальное значение для политики и экономики, а именно фактор эмигрантов. Так как они составляют значительную долю населения страны, но при этом находятся вне ее границ, сохраняя свою принадлежность к общему телу нации, они переносят с собой властные поля. Их габитус изменяется, как и их интересы, которые они стремятся реализовать в своем материнском государстве, тем самым изменяя дискурс национализма, фреймируя общественную дискуссию на новый манер.

НАЦИОАЛИЗИРУЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО

I

27 Августа 1991 Молдова объявила себя независимой от СССР. С этого момента начинается ее суверенная национальная история. Но история современных молдавских национализмов и соответствующих дискурсов и практик национализирующегося государства началась чуть раньше — в Перестройку. Тогда национальные фронты поднимали голову в разных республиках Советского Союза. При этом власть с ними не очень-то и боролась. Более того «Национальному фронту Молдовы» скрыто сочувствовали и поддерживали некоторые члены ЦК КПМ, правительства Молдавской республики, Верховного Совета, КГБ и МВД республики. Позднее, уже после распада СССР, все они плавно перетекут в кресла министерств и ведомств независимой Молдавии»⁴. Что характерно, многие

³ Брубейкер Р. Национальные меньшинства, национализирующие государства и внешние национальные родственные государства в новой Европе. // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т.1 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010. С. 164 [Brubaker R. *nacionalnye menshinstva, nacionaliziruyushhie gosudarstva i vneshnii nacionalnye rodstvennye gosudarstva v novoy Europe*. // *nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy evrope t.1 pod obshh. red. e. yana m.: rosspen*, 2010. 340 s.]

⁴ Тодуа З. Битва за Молдову. Государственники и унионисты XX-XXI вв. Кишинев: Б.и, Foxtrot, 2013.

из нынешних деятелей Либеральной партии Молдовы и сторонников евроинтеграции вышли из НФМ.

НФМ состоял из трех различных групп: 1) наивные идеалисты (часто представители сельской гуманитарной интеллигенции) 2) конъюнктурщики и карьеристы, примкнувшие к национальному фронту, продолжая занимать свои государственные или партийные должности; 3) самой же энергичной группой были люмпен-пролетарии, сторонники принципа немедленно «все взять и поделить». Из этой гетерогенности фронт переходил от радикализма к мягкой культурной политике в течение одной недели, в зависимости от того, кто был у микрофона. Особо активные – Юрий Рошка, Валериу Матей, Георге Гимпу, Александру Мокшану, Друк. Почему интеллигенция понесла в народ националистически лозунги? После Второй мировой войны многие румынолюбящие интеллигенты уехали в Румынию. В Молдавии при советской национальной политике, растили местные кадры в сфере культуры. Однако, как показывает К. Нойкирх, молдаване из Бессарабии в СССР не были при власти. В лучшем случае власть имели русифицированные приднестровцы⁵. Отсюда борьба за символический капитал, должности, место в общественной иерархии.

У унионистов распад СССР вызвал радость, но это был лишь первый шаг на пути объединения с Румынией. Нойкирх показывает, что почти половина русских и треть украинцев была за независимость⁶. Это были люди довольно либеральных взглядов,

многие из которых считали СССР воплощением тоталитаризма.

Этнических столкновений при этом почти не было, но был лозунг – «чемодан, вокзал, Россия». Существовало два аргумента против русских: 1) отказ немолдаванами учить молдавский (румынский) язык. Сюда же относится «порча» языка⁷; 2) «историческая несправедливость» (оккупация, депортации, русификация), требование стать хозяевами в собственном доме⁸. При этом, наблюдалась закономерность: чем выше был уровень образования у молдаван, тем больше был шанс, что они будут унионистами.

После объявления независимости НФМ сформировал первое правительство. При этом люди из старого госаппарата часто оставались на своих местах. В 1991–1993 годах правительство мало занималось экономикой. В центре внимания оставался национальный вопрос, транзит от Молдовы к Румынии и вопрос языка. Иными словами, это был первый молдавский национализм в его унионистской версии, смыкающейся с румынский ирредентизмом. Однако провал в экономике, растущее разочарование населения привели к тому, что носителей унионистского дискурса молдавско-румынского национализма оттеснили от власти. Однако они сохранили свои позиции в сфере культуры, образования. Потому предмет по истории в школе называется «История Румын», а не история Молдовы. Объединение с Румынией в двадцатые годы признается благом, советский период и период Бессарабии в составе Российской Империи – оккупацией. Язык, который преподавался по всей стране в качестве родного, был румынский. И только в конституции было записано, что язык молдавский.

С. 35 [Todua z. bitva za moldovu. gosudarstvenniki i unionisty xx-xxi vv. kishinev: b.i, fox trot, 2013. s. 35].

⁵ Нойкирх К. Республика Молдова между унионизмом, молдавинизмом и национализмом. // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т.2 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010. С. 155-164. [Neukirch K. Respublika Moldova mezhdru unionizmom, moldavinizmom i nacionalizmom. // nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy evrope t.2 pod obshh. red. e. yana m.: rosspen, 2010. s. 155-164].

⁶ Нойкирх К. Республика Молдова между унионизмом, молдавинизмом и национализмом. // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т.2 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010. С. 166 [Neukirch K. Respublika Moldova mezhdru unionizmom, moldavinizmom i nacionalizmom. // nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy evrope t.2 pod obshh. red. e. yana m.: rosspen, 2010. s. 166].

⁷ Как минимум тридцать лет по Молдове ходит следующий анекдот, иллюстрирующий состояние языка. «Румын скажет Dute si spala manele, русский скажет – иди помой руки, а молдаванин скажет – dute si spala руки».

⁸ Нойкирх К. Республика Молдова между унионизмом, молдавинизмом и национализмом. // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т.2 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010. С. 167 [Neukirch K. Respublika Moldova mezhdru unionizmom, moldavinizmom i nacionalizmom. // nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy evrope t.2 pod obshh. red. e. yana m.: rosspen, 2010. s. 167].

В нулевые годы несколько различных групп, вышедших из НФМ продолжали свою политическую деятельность, создавали коалиции – например «Альянс за демократию и реформы». В 2002–2003 начинается разворот в сторону «европейского выбора», меняется политический дискурс унионизма⁹. Что можно объяснить вступлением соседней Румынии в Евросоюз в 2004 году и общим преклонением местной интеллигенцией перед европейской цивилизацией. Но настоящим триумфом для них стал 2009 год – год государственного переворота. С этого времени дискурс евроинтеграции и демократии (замаскированный унионизм) вновь становится официальным. При этом вопрос о нации практически не поднимается напрямую¹⁰. Правящая коалиция называет себя «Альянс за Европейскую интеграцию»¹¹. Состоит она из Либеральной партии, либерально-демократической и демократической партии. Каждый может выбрать себе партию по милому ему названию, получив в итоге одинаковый результат. Кишинев украшают флаги Евросоюза. Что характерно они продолжили неолиберальный курс, который уже был у ПКРМ, но на свой союзный лад. К тому же, началось естественное после смены власти перераспределение собственности и должностей¹². К их культурной гегемонии добавился и политический контроль. За несколько лет уровень жизни в Молдове упал еще сильнее. Зато 29 ноября 2014 года Молдова подписала соглашение об ассоциации и свободной торговле с Евросоюзом, тем самым, выполнив программу минимум у унионистов¹³.

⁹ ХДНП провела очередной митинг и марш протеста против коммунистического правления. <http://press.try.md/item.php?id=24933> (дата обращения 10.12.2014).

¹⁰ Julien Danero Iglesias Against the nation – Moldovan political discourse after the 2009 “revolution” // new nation-states and national minorities ed by Julien Danero Iglesias ECPR press, 2013 p.53.

¹¹ Julien Danero Iglesias Against the nation – Moldovan political discourse after the 2009 “revolution” // new nation-states and national minorities ed by Julien Danero Iglesias ECPR press, 2013 p.54.

¹² Гимпу и Киртоакэ обвинены в рейдерской атаке на муниципальную собственность. http://www.nit.md/index.php/eurasianews.md?action=news&id_news_category=&id=14929 (дата обращения 10.12.2014).

¹³ Молдова подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом Режим доступа: <http://nbnews.com.ua/ru/news/106483/> (дата обращения 12.12.2014). [Moldova podpisala soglasenie ob assotsiatsii s Evrosoiuzom

В этом году в Молдове 30 ноября прошли очередные выборы, которые фреймировались всеми сторонами как судьбоносные. По итогам, можно констатировать, что страна опять разделилась на два лагеря – сторонников Евроинтеграции и сторонников Евразийского Таможенного Союза. Носители дискурса евроинтеграции предрекали Майдан и Крым в случае победы социалистов. По мнению бывшего министра иностранных дел ПМР Валерия Лицкая, «суть кампании проевропейских партий была в том, что они хотели получить конституционное большинство, чтобы поменять Конституцию. Изменения должны были быть внесены для отмены нейтрального статуса республики (это необходимо для вступления в НАТО), по румынскому языку и по внесению в Конституцию «евроинтеграционных» элементов. Тогда любое противодействие евроинтеграции стало бы антиконституционным и подлежало бы уголовному преследованию»¹⁴. В настоящий момент либеральные проевропейские партии уже сформировали коалицию и теперь будут продолжать вести борьбу за реализацию своих интересов, фреймируя врагами и «агентами Кремля всех тех, кто не согласен с их курсом».

Последовательная смена дискурсов и фреймов от радикального антирусского национализма до европейского демократического антикоммунистического дискурса при сохранении ведущих позиций практически у одних и тех же людей позволяет говорить о том, что понятие нации они используют для собственной политической легитимации. Но при этом в понятие нации они вкладывают проевропейское содержание, как бы протаскивая старые унионистские идеи в новых мехах. Тем не менее, румынами себя не стало считать большинство

Rezhim dostupa: <http://nbnews.com.ua/ru/news/106483/> (data obrashcheniia 12.12.2014)].

¹⁴ Не может же Кишинев захватить Бухарест и поставить их объединиться. Режим доступа: <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-je-kishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit'sya-14871.html> (дата обращения 15.12.2014). [Ne mozhet zhe Kishinev zakhvatit' Bukharest i zastavit' ikh obyedit'sia. Rezhim dostupa: <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-je-kishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit'sya-14871.html>] (data obrashcheniia 15.12.2014)].

жителей Молдовы. Таких лишь около 10 процентов¹⁵.

II

Вторым дискурсом молдавского национализующегося государства был дискурс молдовенизма. Стабилизация Молдавской ССР и ее ограничение от Румынии было архиважной целью советской политики. Так, например, не было румынских книг на румынском в Молдове. А «Союзные и республиканские лидеры пропагандировали с этой целью на лингвистическом и историческом уровне молдавинизм». По этой теории, молдавская культура и язык серьезно отошли от румынского благодаря славянским заимствованиям, и молдавский стал самостоятельным восточнороманским языком на кириллической основе¹⁶.

Перестроечными соперниками НФМ было Интердвижение. Своей платформой оно имело защиту советского государства, советской национальной политики и молдавинизма в частности. Оно появилось в январе 1989 года, когда политический момент уже был упущен, а общество уже безумно политизировалось. Население республики практически раскололось по национальному признаку¹⁷. Руководители Интердвижения нерешительно защищали власть, когда власть защищала их оппонентов.

В ходе нарастания кризиса и последовавшей за ним войны в Приднестровье молдавинистский дискурс делится на два. Один из них остается в Молдове у неевропейской коалиции, а второй ушел в Приднестровскую Молдавскую Республику, где он остается в более «чистом» советском виде. Несмотря на единство рамки, политически между ними сохраняется противоречия.

¹⁵ Почему Молдова рвется в Европу, а гастарбайтеров шлет в Россию? <http://www.kp.ru/daily/26157/3045417/> (дата обращения 15.12.2014) [Pochemu Moldova rvetsia v Evropu, a gastarbaiterov shlet v Rossiiu? <http://www.kp.ru/daily/26157/3045417/> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

¹⁶ Тодуа З. Битва за Молдову. Государственники и унионисты XX-XXI вв. Кишинев: Б.и, Foxtrot, 201 с. 60–70 [Todua z. bitva za moldovu. gosudarstvenniki i unionisty xx-xxi vv. kishinev: b.i, foxtrot, 2013. s. 60–70].

¹⁷ Тодуа З. Битва за Молдову. Государственники и унионисты XX-XXI вв. Кишинев: Б.и, Foxtrot, 201 с.40 [Todua z. bitva za moldovu. gosudarstvenniki i unionisty xx-xxi vv. kishinev: b.i, foxtrot, 2013. s. 40].

Как показывает Бюшер Клемент, основными факторами, повлиявшими на развитие приднестровского сепаратизма были внешние процессы, смена системы и распад СССР, развитие молдавского национального движения и возникновения молдавского этнически обозначенного национального государства, внутривнутриполитические дискуссии и внешнеполитическое стратегии части элит постсоветской России¹⁸. Но внутренние силы и факторы были важнее. Приднестровское движение, естественно, было неомогенным, а представляло комплекс, накладывающихся и оказывающих взаимное влияние движущих сил, относительный вес которых менялся в зависимости от фазы развития. По мнению Бюшер, у истоков отделения Приднестровья стояли, прежде всего, властно-политические амбиции русскоязычных¹⁹.

В Приднестровье произошло соединение советского патриотизма, националистических и региональных чувств, а также идеологических, экономических и политических мотиваций.

Клановые связи, сплетения партийного, советского, административного и производственного руководства – таковы агенты, которые хотели сохранить свое положение и фреймировали свои действия в рамках молдовенизма. Приднестровская элита привыкла управлять Молдавской республикой и потому не желала становится в подчинение к «младомолдаванам» из сел. Потому они раздували страхи перед завтрашним днем, шовинизм и играли на оборонной ментальности²⁰.

Несмотря на то, что Борьба Приднестровья против молдавского национализма

¹⁸ Бюшер. К. Государственность Приднестровья – авария в ходе истории? Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т.2 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010 с. 236–264. [Biushcher. K. Gosudarstvennost' Pridnestrov'ia – avariia v khode istorii? Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope T.2 pod obshch. Red. E. Iana M.: ROSSPEN, 2010 s. 236–264].

¹⁹ Ibidem с.248

²⁰ Бюшер. К. Государственность Приднестровья – авария в ходе истории? Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т.2 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010 с. 251. [Biushcher. K. Gosudarstvennost' Pridnestrov'ia – avariia v khode istorii? Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoi Evrope T.2 pod obshch. Red. E. Iana M.: ROSSPEN, 2010 s. 251].

объективно была схожа с русским национализмом, она воспринималась приднестровским русскоязычным населением именно как антинационализм, как защита равноправия всех советских наций²¹.

Надо понимать, что догмы советской национальной и языковой политики прочно вошли в мировоззрение жителей МССР. Это обеспечило внутреннее единство группы и хорошо сочеталось со стремлениями местных элит сохранить свою власть и независимость. Приднестровское движение объединило русскоязычных, считающих себя советскими, в попытке законсервировать доперестроечное время там, где это можно было сделать политическими методами. Еще одним фактором успеха приднестровского движения была боязнь местными жителями потерять свою историю и наследие. В этой области проживало много ветеранов Великой Отечественной Войны, здесь отметились своими подвигами Суворов.

В настоящее время ПМР можно охарактеризовать как осколок перестройки. Дискурс национализирующего государства официальных властей эволюционировал от советского ко все больше русскому националистическому со стремлением интегрироваться в Россию или, по крайней мере, в Таможенный Союз. Законодательство непризнанной республики было изменено на российское²². Данный проект отвечает интересам элит, которые в только 2001 (sic!) провели приватизацию и не могут в условиях двойного налогообложения своей продукции поддерживать свой уровень дохода. Вотвторых, его радостно принимает население, в большинстве своем имеющее российские паспорта и родственников на «русском материке».

III

Второй дискурс Молдовенизма и национализирующегося остается в Молдавии. Он внутренне еще более гетерогенен, чем дискурс молдавско-румынских унионистов.

В одних версиях, как например у Василия Стати, родившегося в русско-молдавской семье, молдавинизм предстает как эссенциалистское примордиалистское течение. По его утверждению, «Молдаване – осознанная с XIII в. этническая общность (баллада Мистрица), отмеченная в грамотах Молдавской канцелярии с XIV в.: «Роман воевода Земли Молдавской» опирается на «веру всех бояр молдавских» (грамота от 30.03.1392 г.); в актах венгерского, польского, угровлашского/валашского дворов; в польских, венгерских, русских, угровлашских/валашских хрониках; в работах средневековых венгерских, польских, немецких, французских, русских, итальянских историков». Таким образом, название Молдова, этноним «молдовень», глоттоним «лимба молдовеняскэ» утвердились в сознании молдаван, в европейском политическом и этноязыковом обороте за 600 лет до рождения И.В. Сталина, которого архисильнейшим образом ненавидят унионисты²³. Более того, Василий Стати создал Молдавско-румынский словарь, чем вызвал гнев унионистов.

В других версиях молдавинизм более мягок, как, например, в текстах функционеров и ученых из ПКРМ. Так, язык, на котором говорят в Молдове, как утверждает Зураб Тодуа, – молдавский вариант румынского. Он обосновывает свой тезис, демонстрируя различия между языками и отсылку к практике существования различных вариантов английского (американский, британский английский). Тодуа также предупреждает, что в случае Унии (Unirea), румыны будут выкорчевывать все подлинно молдавское, заменяя своим. А под нацией Зураб Тодуа понимает историческую общность людей, которая складывается в период формирования общности их территорий, экономических связей, языка, культуры и национального самосознания, то есть он уходит от примитивного примордиализма, утверждая, что нация складывается из различных племен и народов²⁴.

²¹ Ibidem с.253

²² Парламент Приднестровья проголосовал за принятие Российского законодательства. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2013/12/25/666002.html> [Parlament Pridnestrov'ia progolosoval za priniatie Rossiiskogo zakonodatel'stva. Rezhim dostupa: <http://vz.ru/news/2013/12/25/666002.html>].

²³ Молдаване не Румыны. Режим доступа: <http://ava.md/analytics-commentary/022813-moldavane-ne-rumini.html> (дата обращения 12.12.2014) [Moldavane ne Rumyny. Rezhim dostupa: <http://ava.md/analytics-commentary/022813-moldavane-ne-rumini.html> (data obrashcheniia 12.12.2014)].

²⁴ Тодуа З. Битва за Молдову. Государственники и унио-

Исторически, возникнув в годы советской власти в начале в МАССР, проиграв символическую и политическую борьбу в годы перестройки, молдавинизм вновь был поднят на знамена в 1994 году.

В 1990-е унионисты все дальше отрывались от реальности, а экономическое положение Молдовы становилось все хуже к власти пришли часть сторонников перестроечного Интердвижения и отколовшиеся сторонники НФМ. Выборы 1994 года стабилизировали ситуацию в Молдове. Они показали, что унионисты в обществе более не пользовались поддержкой²⁵. Победила молдавнистски ориентированная посткоммунистическая элита. Бывшие номенклатурщики, а ныне государственные мужи, не были заинтересованы в объединении с Румынией. Скорее их цель – удержать власть и получить от нее выгоды.

Если в России в 1993 году Красные директора выступили в качестве оппозиции новому руководству, то в Молдове это скорее были красные аграрии. Они не приняли новых экономических реформ унионистов. Конституция 1994 года была в своей основе молдавнистская, а молдавский язык признан государственным. Правящие круги начали пытаться формировать молдавскую гражданскую идентичность с лозунгами о возрождении естественной, природной, но забытой молдавской этничности. Несмотря на бросающийся в глаза диссонанс, идея эта в обществе находила поддержку.

Клаус Нойкирх сделал вывод, что Молдавская республика рождается, а не возрождается. Однако фундамент посткоммунистического молдавинизма некрепок, так как румынские элементы молдавского языка, культуры и истории повсюду, советское наследие во многом отрицалось, а унионисты обладали культурной гегемонией, по крайней мере в границах муниципии Chisinau –

Кишинева. Президент Мирча Снегур выдвигал идею одной Нации в двух государствах, которая, в общем, стала политической практикой Молдовы.

С 2001 по 2009 у власти находилась партия Коммунистов Республики Молдова. Молдовенизм у них выступал одновременно как советское наследие, которое они как бы отстаивали и как новая практика построения независимого Молдавского государства. Однако в ходе своей кампании они апеллировали к скорой интеграции с Россией и введению второго языка, что как видно сейчас не произошло. Несмотря на улучшение экономических показателей, население продолжало уезжать из страны²⁶. При этом правительство, парламент и президент сделали центральным понятием молдавнистского дискурса суверенитет Молдовы. Теперь все, кто не поддерживал курс правящей партии, могли быть обвинены сторонниками унионизма или русизма. При этом риторика служила очередному ветку передела собственности и приватизации теперь уже под коммунистическими знаменами. В нулевые по Молдове ходил следующий анекдот. «Едет в лимузине В. Воронин, видит, как работает фабрика, и спрашивает у жены: – Чья это фабрика? – Она принадлежит нашему сыну. – А этот магазин чей? – Тоже его. – А этот? – Его. – Кажется, в Молдове работают только два человека: мой сын и я». Короче говоря, коммунизм и молдовенизм, борьба за государственный суверенитет были лишь ширмой для собственного обогащения. Президент от коммунистов – Воронин постепенно стал прозападным политиком, лучшим другом Европейского Союза, сторонником сближения с НАТО²⁷.

В ходе последних выборов коммунистов растеряли народную поддержку в связи с тем, что они стали квази-оппозицией, поддерживали курс на евроинтеграцию, евроассо-

нисты XX–XXI вв. Кишинев: Б.И. Foxtrot, 201 с. 70–90. Todua z. bitva za moldovu. gosudarstvenniki i unionisty xx-xxi vv. kishinev: b.i. foxtrot, 2013. s. 70–90].
²⁵ Парламентские выборы в Республике Молдова. Режим доступа: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/> (дата обращения 12.12. 2014). [Parlamentskie vybory v Respublike Moldova. Rezhim dostupa: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/> (data obrashcheniia 12.12. 2014)].

²⁶ Режим доступа: <http://data.worldbank.org/country/moldova> (дата обращения 12.12.2014). [Rezhim dostupa: <http://data.worldbank.org/country/moldova> (data obrashcheniia 12.12.2014)].

²⁷ Кагарлицкий Б.Ю. Молдова как модель. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2380.html (дата обращения 14.12.2014) [Kagarlitskii B.Iu. Moldova kak model'. Rezhim dostupa: http://scepsis.net/library/id_2380.html (data obrashcheniia 14.12.2014)].

циацию²⁸. Экономические последствия этого курса будут печальны. «Ну не могут наши сельхозпроизводители выдержать конкуренцию с европейцами, – говорит экономист Елена Горелова. – У нас субсидии составляют 2% от объема всей валовой продукции сельского хозяйства, а в ЕС от 45 до 60%. После того как мы снимем таможенные пошлины на сельхозпродукцию и сюда хлынет поток товаров из Польши, Венгрии и Турции, наши аграрии просто разорятся»²⁹.

Раз экономические мотивы не соответствуют интересам ключевых игроков, то остаются мотивы политические: стремление войти в европейскую элиту, обезопасить свои активы на западе, будущее своих детей, которые уже уехали в более благополучные европейские страны. Три существующих гетерогенных дискурса национализирующегося государства формируют основную мозаику политического поля республики Молдова, в котором элиты, их формирующие, ведут борьбу. Если главным полем борьбы в начале 90-х было поле с вопросом о национальной идентичности молдаван и правомочности существования Молдовы, то теперь дискурс сместился в сторону европейскости, иначе говоря, насколько теперь народ, живущий в Молдове разделяет европейские ценности и стремится к интеграции. Приднестровье со своим русским национализмом и государством, просящемся в Россию, создает некоторые проблемы Кишиневским элитам, которые уже вышли на консенсус относительно европейских ценностей и пути к ним, хотя и понимают они их по-разному. Сам путь к интеграции может служить поводом для борьбы за властные кресла и перераспределение капиталов.

²⁸ «Не может же Кишинев захватить Бухарест и заставить их объединиться» <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-je-kishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit'sya-14871.html> (дата обращения 15.12.2014) [«Ne mozhete zhe Kishinev zakhvatit' Bukharest i zastavit' ikh ob»edinit'sia» <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-je-kishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit'sya-14871.html> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

²⁹ Почему Молдова рвется в Европу, а гастарбайтеров шлет в Россию? <http://www.kp.ru/daily/26157/3045417/> дата обращения 15.12.2014) [Pochemu Moldova rvetsia v Evropu, a gastarbaiterov shlet v Rossiiu? <http://www.kp.ru/daily/26157/3045417/> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА: РУССКОГОВОРЯЩИЕ, ГАГАУЗЫ

РУССКОГОВОРЯЩИЕ

Этнический состав населения Молдовы весьма пестрый. Здесь проживают помимо титульного этноса русские, украинцы, гагаузы, цыгане, евреи и многие другие.

Русские, наряду с украинцами в Молдове, – одно из самых больших землячеств. И тут встает вопрос, а кто такие русские в Молдове и кто такие украинцы? Субъективно, большинство из украинцев в Молдове осознает себя русскими, родным считает русский язык. Но оно гетерогенно. Есть вероятность, что представители официальной украинской общины – этнические предприниматели, стремящиеся получить свой капитал от участия в европейском проекте руководства страны³⁰. Для подтверждения или опровержения этого положения необходимо больше эмпирических данных.

Есть проблемы с русскими школами – их закрывают из-за нехватки средств, причем в первую очередь³¹.

Есть группы русскоязычных, которые интегрированы в элиту. А есть группы, чей бизнес и интересы связаны с Россией. Многие в быту жалуются на антируссизм – дискриминацию по этническому происхождению и/или культурным и политическим установкам.

Несмотря на бытовую дискриминацию, в Молдове успешно работают местные СМИ – газеты, журналы, телевидение: «Молдавские ведомости», «Кишиневский обозреватель», «Комсомольская правда». По телевидению новости на молдавском идут на час раньше новостей по-русски, то есть программы дублируются для всех. Люди свободно могут покупать прессу на русском языке и узнавать новости на русском языке³².

³⁰ Украинская община поддерживает европейский вектор нашей страны. Режим доступа: http://ru.publika.md/link_1482961.html (дата обращения 13.12.2014). [Ukrainskaia obshchina podderzhivaet evropeiskii vektor nashei strany. Rezhim dostupa: http://ru.publika.md/link_1482961.html (data obrashcheniia 13.12.2014)].

³¹ О жизни русских в Молдове. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo/> [O zhizni russkikh v Moldove. Rezhim dostupa: <http://echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo/>].

³² Ibidem

Среди основных организаций, которые стремятся монополизировать легитимную репрезентацию этой группы населения Молдовы, можно выделить Лигу Русской Молодежи, Координационный совет русских общин и общественных объединений и политические партии – КПРМ, Социалистическая партия, а на последних выборах и партия Patria – Родина.

Обобщая, можно сделать вывод, что основой борьбы за символический капитал и власть внутри общин является апелляция к исторической памяти и советскому наследию, прежде всего, к Великой Отечественной войне, и второй момент – попытка решения местных проблем будь то школы или юридическая помощь.

КПРМ представлялись народу как некие защитники русского населения и наследия, сторонники интеграции с Россией, введение русского как второго государственного, что было отражено в их избирательных программах. Однако все это были лишь вывески. В итоге они лишились значительной части поддержки³³.

Социалисты сейчас перехватили голоса. Они получили свои двадцать два процента голосов и лишили сторонников евроинтеграции возможности изменить конституцию. Пока конституция не изменена, есть шанс на длительной гонке «обойти» соперников.

По многим вопросам коммунистам, хотя они этого или нет, придется голосовать вместе с Додоном — иначе избиратели их не поймут. По вопросам языка, по нейтральному статусу³⁴. Сам Додон объявил, что партия социалистов будет добиваться денонсации ассоциации с ЕС любыми средствами. На будущий политический сезон партия социалистов намечает досрочные парламентские выборы³⁵.

В настоящий момент цементирующей русскую общину Молдовы мечтой является вступление Молдовы в Таможенный Союз. За таможенный союз высказываются множество людей. Они действительно его воспринимают как нечто, что вернет достоинство и нечто похожее на советскую национальную политику³⁶. Однако конкретно не всегда могут ответить, что же такое евразийская интеграция. «Люди от участия в Таможенном союзе ждут дешевый газ, ждут с российской стороны каких-то преференций в отношении более либерализованного режима пересечения границ или режима пребывания там. Так или иначе эти вещи связаны с жизненными потребностями людей в деньгах, в работе, вот это прежде всего»³⁷.

ГАГАУЗЫ

Гагаузы, как известно, народ тюркского происхождения, в большинстве своем исповедующие православие. В ходе роста молдавских националистических настроений в конце 1980-х – начале 1990-х в Гагузии поднялся свой реактивный национализм, советский в своей основе. До 1994 года продолжались переговоры и подковерная борьба элит, результатом чего стало создание Автономного Территориального Образования Гагаузия. Таким образом, конфликт был погашен, хотя до сих пор сохраняются трения между центральной властью и руководством региона.

Представители общины, которые выступают от всего народа, заявляют о полной поддержке всех действий России, сами стремятся в Таможенный Союз. Почти все гагаузы говорят на русском языке. В политическом процессе в Молдове они поддерживают те же партии, что и русскоязычное население. Например, 3 февраля 2014 года в Гагузии

³³ В интервью (дата проведения 10.11.2014) респондент (муж, 23) заявил, что ПКРМ в «народе» считают предателями.

³⁴ «Не может же Кишинев захватить Бухарест и заставить их объединиться». <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-je-kishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit-sya-14871.htm> ishinev zakhvatit' Bukharest i zastavit' ikh obyedit'sia, <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-je-kishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit-sya-14871.html> (data obrashcheniia (15.12.2014)).

³⁵ Мы поддерживаем партию Усаторо. <http://rusplt.ru/>

society/myi-podderzhivaem-partiyu-usatogo-14794.html [My podderzhivaem partiia Usatogo. <http://rusplt.ru/society/myi-podderzhivaem-partiyu-usatogo-14794.html>].

³⁶ Сторонники вступления Молдовы в Таможенный Союз устроили митинг в Кишиневе. <http://mir24.tv/news/society/11232952> [Storonniki vstupleniia Moldovy v Tamozhennyi Soiuz ustroili miting v Kishineve <http://mir24.tv/news/society/11232952>].

³⁷ О жизни русских в Молдове. <http://echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo> [O zhizni russkikh v Moldove <http://echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo/>].

прошел референдум о вступлении в Таможенный союз. Такой политический курс поддерживали 98,4% избирателей. Естественно, что парламент и правительство Молдовы его не признали³⁸. Для чего нужен был этот референдум? Нынешнему Башкану Гагузии – Михаилу Формузалу хотелось продвинуть свою партию «Выбор Молдовы – Таможенный Союз», не координируясь с другими проевразийскоинтеграционными партиями. Референдум должен был показать, насколько сильна его поддержка. Однако, политические планы Формузала дали треск.

Несмотря на конфликт в начале девяностых, Гагаузия осталась частью Молдовы, мятежной, но частью. Гагузское население, организации и элиты стоящие, в основном, на пророссийских позициях, помогают другим русскоговорящим своей политической поддержкой. Также необходимо учитывать тот факт, что Гагаузия является дотационным регионом; местные силовики получают зарплату из Кишинева. И никто пока что не планирует идти на Кишинев³⁹. И Формузал придумал для Гагузии, по его словам, выгодный бизнес-проект: «Нам удалось заполучить статус автономии и стать государством в государстве. Какие вы еще знаете примеры, чтобы крохотный народ получил де-факто государственность без кровопролития? Теперь Гагаузские власти предлагают бескровную модель и баскам, и шотландцам, и карабахцам.

Под эту самую модель Гагаузия не только получила поддержку на сумму более ста миллионов лей от регионов России, но и сумела организовать Всемирный конгресс гагаузов, а также постоянный поток европейских делегаций в город Комрат, жаждущих ознакомиться с гагаузской моделью мирного сосуществования»⁴⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что меньшинства в Молдове осознают

свою политические и экономические интересы, на которых играют этнополитические предприниматели. Их национализмы носят также реактивный постсоветский характер, у них сохраняется стремление на возвращение практик добрососедства, которые были характерны для МССР.

ВНЕШНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Таковых для Молдовы оказывается целых три, что необычно много.

Во-первых. Это Румыния, «Цара Мама» – государство Мать. Как уже было замечено выше, среди правящих политиков и интеллигенции воссоединение с Румынией воспринимается как надежда и мечта молдавского народа, которую они должны выполнить во что бы то ни стало. В самой Румынии такие настроения также распространены. Это показывают многие опросы⁴¹. Румыния является молодым национализирующим государством, которое также сталкивается с внутренними национализмами. Уже при Чаушеску велась примордиалистская национальная политика, когда румыны объявлялись прямыми наследниками Рима. Однако, тема судьбы Бессарабии была исключена из публичной дискуссии, так как мощный СССР не позволил. Однако Румыния продолжала претендовать на Молдову даже юридически благодаря удивительной формулировке румынских дипломатов при заключении договора с СССР в 1940 году не возвращение СССР территорий, а «вынужденная эвакуация румынских войск и администрации из Бессарабии»⁴². С началом 1990-х этот дискурс румынского ирредентизма активизировался. Румынские демагоги вели националистическую риторику, стимулировании национальные предрассудки для отвлечения от социально-экономических проблем⁴³.

³⁸ Режим доступа: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/934052> (дата обращения 15.12.2014). [Rezhim dostupa: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/934052> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

³⁹ Не может же Кишинев захватить Бухарест и заставить их объединиться» <http://rusplt.ru/world/ne-mojet-jekishinev-zahvatit-buharest-i-zastavit-ih-obyedinit-sya-14871.html> (дата обращения 15.12.2014).

⁴⁰ <http://www.kp.ru/daily/26158.2/3045942/> (дата обращения 15.12.2014).

⁴¹ Trei sferturi dintre romani se declara de acord cu unirea Romaniei cu Republica Moldova <http://www.hotnews.ro/stiri-esential-16104519-sondaj-ires-trei-sferturi-dintre-romani-declara-acord-unirea-romaniei-republica-moldova.htm> (дата обращения 15.12.2014).

⁴² Тодуа З. Битва за Молдову Кишинев, 2013 с. 122 [Todua Z. bitva za moldovu. gosudarstvenniki i unionisty xx-xxi vv. kishinev: b.i, foxtrot, 2013 s.122].

⁴³ Хаусляйтнер М. Состязание патриотов. Национализм в Румынии. Национализм в поздние и постком-

Когда Молдова провозгласила суверенитет, то многие румыны считали, что дело вхождения Молдовы в состав Румынии – вопрос времени. В Румынии поддерживали молдавскую унионистскую интеллигенцию. «В ходе избирательной кампании 1992 года все политики Румынии поддержали объединение, публично обсуждался вопрос об обмене Приднестровья на принадлежащую Украине Северную Буковину»⁴⁴.

В румынской прессе вооруженные столкновения 1989–1992 годов изображались как провокации сепаратистов и их московских покровителей, но после окончания конфликта вина за бессмысленные жертвы была приписана заговору молдавского правительства и российских спецслужб⁴⁵.

Румынские парламентарии осуждали молдавский референдум 1994 года, использование молдавского языка, а не румынского в качестве государственного. Также в гагаузской автономии они видели угрозу-прецедент для создания венгерской автономии, что противоречило устремлениям местной румынской националистической элиты.

Особый накал панрумынского национализма произошел при президенте Траяне Басеску, который выступил в роли хранителя этого дискурса. Он реабилитировал пособника Гитлера – генерала Антонеску⁴⁶. Румынские власти работали с молдавскими общественными организациями. Легко выдавали румынские паспорта гражданам Молдовы⁴⁷. Для студентов из Молдовы су-

ществуют квоты в университетах. Самое важное к контексте фреймирования национального сознания является этноним, используемый румынскими националистами для жителей Молдовы – (*Besarabeni*) Бесарабень – бессарабцы, которое однако не принимается жителями Молдовы.

В этом году на наших глазах происходит отказ от унионистского дискурса в Румынии. Был выбран новый президент Румынии, этнический немец, выходец из Трансильвании Клаус Йоханнис. Он в своих первых заявлениях назвал Республику Молдову «сестрой», что весьма сильно отличается от формулировки «второе румынское государство», которое автоматически придавало Республике Молдове безальтернативный выбор в сторону «родительской» семьи. Да и про объединение сказано довольно осторожно: пусть народ Республики Молдова сам решит! Это так же отличается от предыдущих намерений альтернативного кандидата Виктора Понта объединить Румынию и Молдову к 2018 году⁴⁸. Фактически, выборы президента Румынии можно считать внутрирумынским референдумом по Unirea – Объединению. Данный факт свидетельствует о преносе центра тяжести румынской политики на внутренние проблемы, как например, улучшение жизни в румынских регионах.

Марианна Хауслятнер выделяет проблемы, которые лежат в основании румынского национализма: 1) задержка в плену мышления 19-го века 2) представления о возможности восстановления границ до 1945 года, несмотря на изменившуюся этническую структуру 3) слабая этика ответственности ведущих политиков. Однако, несмотря на кажущуюся верность подобных суждений, они чересчур психологизированы. Основу современного румынского ирредентизма стоит усматривать в тех материальных и символических интересах, которые имеют агенты национализировавшего государства. Басеску, если бы удалось объединить две страны, получил бы колоссальный символический капитал, который

мунистической Европе Т.2 под общ. Ред. Э. Яна М.: РОССПЭН, 2010 с. 644-663. [Hausleitner M. Sostyazanie patriotov. nationalism v Rumani. Nationalism v pozdne- i postkommunisticheskoy evrope t.2 pod obshh. red. e. Yana m.: rosspen, 2010 s. 644-663].

⁴⁴ Ibidem, с. 654.

⁴⁵ Ibidem, с. 654-655.

⁴⁶ Приказ Антонеску «Румыны, вперед через Прут!» звучит вновь. Режим доступа: <http://inosmi.ru/moldova/20100126/157799702.htm> (дата обращения 10.12.2014) [Prikaz Antonescu «Rumyny, vpered cherez Prut!» zvuchit vnov <http://inosmi.ru/moldova/20100126/157799702.html> (data obrashcheniia 10.12.2014)].

⁴⁷ Назария С.: Безвизовый режим для Молдавии избавит от необходимости давать взятку. Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/world/formerusr/moldova/03-04-2014/1203259-shengen-0> (дата обращения 10.12.2014) [Nazarii S. Bezvizovyi rezhim dlia Moldavii izbavit ot neobkhodimosti davat' vziatku [http://www.pravda.ru/news/world/formerusr/moldova/03-04-2014/1203259-](http://www.pravda.ru/news/world/formerusr/moldova/03-04-2014/1203259-shengen-0/)

shengen-0/ (data obrashcheniia 10.12.2014)].

⁴⁸ Республика Молдова снова опоздала. Режим доступа: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=19117> [Respublika Moldova snova opozdala. Rezhim dostupa: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=19117>].

конвертировал бы в интересах своей социальной группы. Интересы жителей Молдовы они устанавливают извне, мало соизмеряясь с реальными социально-экономическими проблемами, с которыми сталкивается республика.

Вторым государством, образующим национальные родственные связи с Молдовой и ее меньшинствами является Россия. В 1812 году Россия получила Бессарабию, Александр Первый позволил гагузам сюда переселиться. Отсюда вышли множество персонажей русской истории – революционер Катовский и черносотенец Пуришкевич, здесь был в ссылке А.С. Пушкин.

Современная Политика России в Молдове носит противоречивый и непоследовательный характер. Несмотря на постоянную поддержку Приднестровья в виде пенсий, предоставления российского гражданства, некоторых квот в университетах, Россия не стремится ее признать. Российские предприниматели имеют бизнес в Приднестровье. Приднестровская ГРЭС принадлежит РАО ЕЭС, Алишеру Усманову акции металлургического завода. Некоторые бизнес-круги заинтересованы в приобретении ряда активов в Молдове, такие как телекоммуникации, есть предприятие «Молдтелеком», которое занимается телефонией, Молдавская железная дорога, аэропорт⁴⁹. Для игры за свои бизнес интересы российские элиты используют местное население. Естественно, что и Россия как игрок на этом поле национализма не гетерогенна. Помимо официальной Кремлевской власти, которая не всегда понимает на кого делать ставку, как в случае с партией Усатого- Patria (Родина) на последних выборах, существует множество русских организаций национал-патриотического плана (вроде казаков), которые оказывают поддержку как ПМР, так и русскоязычным в общей Молдове. Не стоит забывать и про РПЦ, роль которой в конструировании национального дискурса весьма велика. Третьим государством, образующим национальные родственные связи, является Турция, которая выстраивает культурные и экономиче-

ские отношения с Гагаузией. Был даже открыт Турецко-Гагаузский лицей с возможностью продолжения учебы в Турции⁵⁰. Однако, факт этих отношений практически не меняет поля борьбы за символическую номинацию гагаузского народа. Результаты непризнанного референдума по вступлению Гагаузии в Таможенный союз говорят сами за себя.

ЭМИГРАНТЫ

Молдавия помимо всего прочего поставщик эмигрантов. Из-за тотальной бедности, развала производства в ходе реформ, Молдова ежегодно борется за звание самой бедной страны в Европе. Успешно⁵¹.

Так, например, если весь бюджет Молдовы составляет около 7 млрд \$⁵², то мигранты только из России обеспечивают 1.7 млрд \$⁵³. На сегодня более миллиона граждан Молдовы из 3.5 миллионов работают за рубежом⁵⁴. Это ведь почти треть населения страны, фак-

⁴⁹ О жизни русских в Молдове. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo/> (дата обращения 12.12.2014) [O zhizni russkikh v Moldove. Rezhim dostupa: <http://echo.msk.ru/programs/linguafranca/1004846-echo/> (data obrashcheniia 12.12.2014)].

⁵⁰ Иванова В.В. Стратегии включения гагаузов в тюрко-тюркское пространство (XX–XXI вв.). http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_35.pdf (дата обращения 12.12.2014) [Ivanova V.V. Strategii vklucheniia gagauzov v tiurkoret'skoe prostranstvo (XX–XXI vv.). http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_35.pdf (data obrashcheniia 12.12.2014)].

⁵¹ Режим доступа: <http://aif.md/moldova-samaya-bednaya-stran-v-evrope/> (дата обращения 12.12.2014) [Rezhim dostupa: <http://aif.md/moldova-samaya-bednaya-stran-v-evrope/> (data obrashcheniia 12.12.2014)].

⁵² Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weorept.aspx?pr.x=39&pr.y=16&sy=2013&ey=2015&scsm=1&ssd=1&ds=.&br=1&c=921&s=NGDPD%2CNGDPDPC%2CPPPGDP%2CPPPPC> (дата обращения 15.12.2014) [Rezhim dostupa: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weorept.aspx?pr.x=39&pr.y=16&sy=2013&ey=2015&scsm=1&ssd=1&ds=.&br=1&c=921&s=NGDPD%2CNGDPDPC%2CPPPGDP%2CPPPPC> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

⁵³ Трудовые мигранты России пополняют молдавский бюджет. Режим доступа: <http://www.beltsynd.ru/2014/06/07/economy/trudovye-migranty-rossii-popolnyayut-moldavskij-byudzhet> (дата обращения 15.12.2014) [Trudovye migranty Rossii popolniaiut moldavskii biudzheth. <http://www.beltsynd.ru/2014/06/07/economy/trudovye-migranty-rossii-popolnyayut-moldavskij-byudzhet> (data obrashcheniia 15.12.2014)] [Top stran, v kotorye otpravliaiutsia moldavskie migranty v poiskakh raboty http://ru.publika.md/link_1295951.html (data obrashcheniia 15.12.2014)].

⁵⁴ Топ стран, в которые отправляются молдавские мигранты в поисках работы. http://ru.publika.md/link_1295951.html (дата обращения 15.12.2014) [Top stran, v kotorye otpravliaiutsia moldavskie migranty v poiskakh raboty http://ru.publika.md/link_1295951.html (data obrashcheniia 15.12.2014)].

тически большая часть молодых, работоспособных мужчин и женщин. Они имеют соответствующие политические интересы – сближение с Россией или наоборот с ЕС. Те этнические молдаване, которые работают в России склонны поддерживать Таможенный союз по ряду причин: 1) они здесь работают и хотят сохранить свои работы 2) их родственники, которые остались на селе, производят сельхозпродукцию, которая находила спрос, в основном в России⁵⁵. При этом, в самой Молдове эмигранты в Россию также оказываются в поле общественной дискуссии. Так Михай Гимпу осудил мигрантов из Молдовы под тем предлогом, что их вербует ФСБ. И реальной помощи выходцам из Молдовы в России молдавское либеральное правительство не оказывает⁵⁶. Потому неудивительно, что поддержки курсу либеральных партий в среде российских молдаван нет. Зная это, голосование 30 ноября было подготовлено так, что большая часть граждан Молдовы в России не смогла проголосовать⁵⁷.

Молдавские эмигранты в Европе, которых уже сотни тысяч, наоборот «обласканы» нынешним молдавским руководством и отвечают взаимностью. Сейчас работает проект «Европа-Дом», в котором, по замыслу, мигранты, уже давно проживающие в Европе, должны рассказать своим соотечественникам-молдаванам, что такое цивилизация и почему надо всегда делать европейский выбор⁵⁸. Что отвечает полити-

ческим и экономическим целями правящей коалиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тесная взаимозависимость отношений внутри и между полями задают картину господства дискурсов и общественную жизнь. Взаимодействия между полями носят реактивный и интерактивный характер. С началом перестройки и демократических реформ национальный вопрос усугубился. Переплетение национализмов в Молдове носит комплексный и определяющий характер для всей политики в этой стране. Молдавский национализм, национализм унионистов (как с ЕС, так и с Румынией), русский национализм, приднестровско-русский, гагаузско-русский национализм составляют поле взаимодействий и политических интерпретаций в Молдове.

Кто такие молдаване? Таков один из главных вопросов политической жизни. С одной стороны правящая коалиция, мигранты в Европе, местная интеллигенция и Румыния до определенного момента играли и продолжают играть на «чувстве Европы» у молдаван. Выборы в самой Молдове усложняют и без того непростую политическую жизнь. Борьба ведется за два дискурса сразу, хотя проблема Приднестровья находится на обочине молдавской политики, оно оказывает сильное влияние на политический процесс. Большинство Молдаван, живущих в селах, не признают себя румынами, а сохраняют представление о себе, как о молдаванах. Но в Кишиневе, благодаря большому культурному и символическому капиталу, этнические молдаване фреймируют себя как румыны и/или европейцы.

У гагаузов и у русско-украинского населения Приднестровья начал формироваться реактивный национализм против их влияний политики унионистов, страхом потерять свой язык и необходимостью отстаивать свои экономические интересы. Но европейский дискурс также находит поддержку у ряда русскоязычных организаций.

Меньшинства оказывают большое влияние на политику через свои политические партии, однако, они разобщены. Россия, не-

⁵⁵ Интервью (дата проведения 12.10.2014) респондента (жен, 53) работает в г. Москве, уроженка Оргеевского района Р. Молдова. [Interview (data provedeniia 12.10.2014) respondent (zhen, 53) rabotaet v g. Moskve, urozhenka Orgeevskogo raiona R. Moldova.]

⁵⁶ Александр Калинин: Михай Гимпу делит молдавскую диаспору на «своих» и «чужих» <http://www.kalinin.ms/?l=ru&a=26&i2=1400> (дата обращения 15.12.2014) [Aleksandr Kalinin: Mikhai Gimpu delit moldavskuiu diasporu na «svoikh» i «chuzhikh» <http://www.kalinin.ms/?l=ru&a=26&i2=1400> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

⁵⁷ Граждан Молдовы лишили права голоса. <http://vybor.md/2014/12/04/grazhdan-moldovy-lishili-prava-na-golosovanie/#more-17770> (дата обращения 15.12.2014) [Grazhdan Moldovy lishili prava golosa. <http://vybor.md/2014/12/04/grazhdan-moldovy-lishili-prava-na-golosovanie/#more-17770> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

⁵⁸ Режим доступа: <http://www.europa-acasa.md/> (дата обращения 15.12.2014) [Rezhim dostupa: <http://www.europa-acasa.md/> (data obrashcheniia 15.12.2014)].

смотря на очевидную поддержку некоторых кандидатов внутри Молдовы, воспринимает местные русские общины как разменную карту, а Молдова не представляет для нее сейчас большого стратегического интереса. Румыния ближе и культурно и географически долгие годы поддерживавшая стремления унионистов объединится скорее всего в ближайшем будущем будет концентрироваться на собственных внутренних проблемах.

ИНТЕРВЬЮ

1. Интервью (дата проведения 10.11.2014) респондент (муж, 23) житель г. Кишинева.
2. Интервью (дата проведения 12.10.2014) респондента (жен, 53) работает в г. Москве, уроженка Оргеевского района Р. Молдова.

Национализмы Молдовы

Иван Евгеньевич Кочедыков, магистрант Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН)
E-mail: Ataleks@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются различные виды национализмов в Республике Молдова через методологическую призму конструктивизма. Выделяются такие типы национализмов как национализм национальных меньшинств (*national minorities*), национализм новых национализирующих государств (*nationalizing states*) и национализм внешних национальных родственных государств (*external national homelands*) к которым принадлежат меньшинства или могут считать себя принадлежащими по культурные основания, а также национализм эмигрантов. В статье автор показывает их переплетение и взаимовлияние, а также место в политическом процессе в республике.

Ключевые слова: Национализм, Молдова, Брубейкер, Конструктивизм, СНГ, Русские, гагаузы, молдаване, эмигранты, политический процесс

Nationalisms in Moldova

Ivan Evgenievich Kochedykov, MA Student of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES)
E-mail: kochedykov.ivan@gmail.com

Abstract: The article discusses the various types of nationalism in Moldova through the prism of methodological constructivism. The author distinguishes such types of nationalism as a nationalism of minorities, the new nationalism of nationalizing State and the nationalism of external national homelands to which minorities belong, or may consider themselves as belonging on cultural foundations, as well as nationalism immigrants. The author demonstrates their interweaving and interaction, as well as a position in the political process of the country.

Key words: Nationalism, Moldova, Brubaker, Constructivism, CIS, Russian, Gagauz, Moldavians, immigrants, the political process.

РОЛЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ТАДЖИКСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.Ю. Николаева

К моменту распада СССР в 1989 году русских в Таджикистане было 398 тысяч человек, что составляло 7,9% населения республики; в Душанбе проживало 32% русских¹. По численности русские занимали третье место среди этносов, однако велика была их социальная роль в республике. Политические деятели, министры, главные инженеры промышленных предприятий, ведущие сотрудники КБ и научных институтов, вторые секретари ЦК, обкомов и райкомов, ученые, врачи и учителя традиционно были русские. Более того, русские прочно занимали социальную нишу, связанную с промышленностью, наукой, значительная часть была занята в здравоохранении, образовании, в сфере транспорта. В принципе русские работали практически во всех сферах жизнедеятельности таджикского общества, во всех отраслях народного хозяйства Таджикистана. На русских руководством страны была возложена особая миссия: быть проводниками и средством реализации государственных интересов СССР, а также продвигать современные технологии, современную науку, медицину в Таджикистан.

Русские Таджикистана никогда не были консолидированы в особую этническую группу. В отличие от других союзных республик, массовое переселение русских в Центральный и Южный Таджикистан, которые вошли в состав СССР лишь в 1920-е годы, начался в 40-50-е годы XX века. На территориях современного Северного Таджикистана русские жили со второй полови-

ны XIX века, осуществляя хозяйственную, предпринимательскую деятельность, продвигая передовые технологии. Территории современного северного Таджикистана и Памира (добровольно вошел в состав России в 1895г) входили в состав Российской империи. Южный и Центральный Таджикистан входил в состав Бухарского Эмирата. В связи с этим на начальном этапе формирования таджикской государственности существовало основное противоречие – развитый Север – отсталый Юг. В современных границах Таджикистан, как и в качестве Таджикской Советской Социалистической Республики, существует с 1931 года.

Целью, обозначенной для русских советским государством, было создание «восточного форпоста» социализма.

Русские не жили никогда компактно в отдельных кварталах и районах, а расселялись среди таджиков и узбеков. Как следствие, у русских гражданская идентичность преобладала над национальной идентичностью.

По данным социологических исследований, проведенных по гранту «Общественное мнение Республики Таджикистан» в 2011 году, в которых было опрошено 250 респондентов, 27% русских называли себя советскими и не признавали своей национальной принадлежности, не знали традиций и обычаев русского народа; такие христианские праздники как Пасха, Рождество не отмечают 64% респондентов; в то же время, не отмечают вновь введенные российским Правительством праздники, такие как День России и День национального единства 88% респондентов. Следует отметить, что 78% респондентов не владеет таджикским языком. В условиях проводимой в Таджи-

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. по Таджикской ССР. Т.1 : Душанбе, 1990. - с. 18-25. [Itogi vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1989 g. po Tadzhijskoi SSR. T.1 : Dushanbe, 1990. - s. 18-25].

кистане языковой политики формируется объективная тенденция в поведении русских на этническую изоляцию. Особо следует отметить отрицательное отношение русских к мусульманским праздникам, объявленных государственными, – Иди Рамазон, Иди Курбон (ид-иль-курбан) – 92 % респондентов².

Кризис распада единой страны привел к кризису идентичности у русского населения Таджикистана. Его предпосылки начали формироваться ещё в 60-е годы прошлого века. В этот же период началась миграция русского населения из Таджикистана.

Постепенно демографические ресурсы центральных российских регионов истощались. В 60-е годы XX века Россия начала испытывать дефицит рабочей силы, нехватка квалифицированных кадров сказывалась на эффективности экономики. Русская нация оказалась «распылённой» по союзным республикам.

Вместе с тем в Таджикистане произошел мощный демографический взрыв. Была зафиксирована самая высокая рождаемость по Советскому Союзу. Если в конце 1960-х годов доля русских составляла 10% всего населения Таджикистана, то в последующие годы она начала неуклонно снижаться. Аграрное перенаселение республики, в связи с ограниченным количеством пахотной земли, скрытая безработица, которая существовала в Таджикской ССР с 1950-х годов, подготовка национальных кадров создали конкуренцию на рынке труда. Таджикистан превратился в трудоизбыточный регион. Проблема безработицы в 1980–1990-е годы стала самой актуальной в Таджикистане, по существу она явилась одной из главных причин гражданской войны, которая началась в Таджикистане в 1992 году. Все названные причины привели к постепенному оттоку русского населения из Таджикистана в период существования СССР. Существовало два канала оттока русских: служба в армии и учёба в российских вузах. Одновременно уволившиеся и вышедшие на пенсию русские заменялись национальными кадрами.

² Отчет по гранту ОБСЕ №143 «Общественное мнение Республики Таджикистан». – С.11-12. [Otchet po grantu OBSE №143 «Obshchestvennoe mnenie Respubliki Tadjikistan». – S.11-12].

Всё это происходило, хотя и достаточно быстро, но исподволь, незаметно для центральной власти, без шума и конфликтов.

Обвальным этот процесс стал после февраля 1990 года, периода – погромов, несанкционированных митингов, недееспособности власти.

Для центрального руководства СССР было неожиданным подобное развитие политических событий, Таджикистан считался «спокойной» республикой, поэтому кровавые события февраля 1990 года не вписывались в представление о Таджикской ССР. С 1973 года в условиях подполья стала формироваться Партия исламского возрождения (ПИВТ). Пользуясь слабостью государственной власти, она вывело на улицы Душанбе после пятничного намаза многотысячные толпы молодежи, осуществив первую попытку реализовать свой политический интерес. К исламистам присоединились криминальные структуры. Возник политический, правовой кризис в республике. Окончательная правовая и политическая оценка этих событий не была дана ни в период существования СССР, ни в суверенном Таджикистане.

Однако именно в феврале 90-го между этническими группами Таджикистана было разрушено согласие, их сменили подозрительность и потеря доверия к государственным, политическим, социальным институтам. Центральным государственным структурам СССР казалось, что в Таджикистане нарождается молодая демократия, идет борьба с тоталитарным режимом, с гегемонизмом коммунистической партии. «Адекватная оценка политической, социальной, религиозной ситуации в Таджикистане не была дана ни руководством Таджикистана, ни СССР». Такую оценку через 20 лет дал бывший первый секретарь ЦК Компартии Таджикской ССР К. Махкамов³.

Русских Таджикистана охватил кризис этнокультурной, социальной, гражданской идентичности, сформировались устойчивые миграционные ожидания.

³ Двадцать лет независимости Таджикистана. Душанбе. – 2011. – С.23. [Dvadsat' let nezavisimosti Tadjikistana. Dushanbe. – 2011. – S.23].

В 1992–1996 гг. отъезд из Таджикистана русских принял массовый характер, шли активные боевые действия на территории республики. Война непосредственно затронула больше русских, чем другие этнические группы, так как большая часть русских проживала в регионах, которые охватили активные боевые действия.

Так, например, в г. Волжском в 1990-е годы сформировалась большая диаспора русских Таджикистана. Ядро этой диаспоры составляет инженерно-технический персонал ТЭЦ г. Душанбе, к ним присоединились врачи, химики, и преподаватели вузов, учителя. Русских из Таджикистана можно встретить в современной России в Иваново, Екатеринбурге, Воронеже, в Подмосковье, Орле.

Миграция на территорию России стала и остается до настоящего времени самой распространенной стратегией поведения русских Таджикистана. Русские рассматривают миграцию на территорию России как реэмиграцию, так как значительная часть данной этнической группы – это специалисты, направленные в республику из центральных районов России или их прямые потомки. В Таджикистане они не имели никаких преференций, напротив преимущество в советский период отдавалось коренным народам Средней Азии. Следует отметить, что для коренных этносов выделялись квоты для учебы в центральных вузах СССР, существовали предпочтения при получении наград, выделение квартир и прочих материальных благ.

В настоящее время в общественном сознании русских Таджикистана преобладает гражданская идентичность. Так, по данным социологического исследования «Общественное мнение Таджикистана», 92% респондентов считают себя гражданами России, значительная часть из них имеет российские паспорта. Испытывают неудовлетворенность в том, что они граждане Республики Таджикистан – 62% русских.

По проводимым опросам, среди потенциальных русских мигрантов на базе НКО «Российские соотечественники Таджикистана» в 2008 г. мнения респондентов распределились следующим образом, в числе причин предполагаемого отъезда назывались экономические – 35%, отсутствие политических и

социальных гарантий русским в Таджикистане – 38%, утрата привычной культурной среды – 21%, другие причины – 2%⁴.

Начавшаяся в Таджикистане гражданская война ускорила процесс безвозвратной миграции русских из Таджикистана. Участия ни на одной стороне противостояния русские не принимали, не проявляя симпатий ни к одной из воюющих сторон. Однако как граждане Республики Таджикистан часть русских были призваны в армию и принимали участие в военных действиях на стороне правительственных войск.

Период, который продолжалась гражданская война в Таджикистане политики, политологи обозначают по разному: 1992–1998 гг., или 1992–2001 гг., потери населения до настоящего времени не посчитаны, но по данным доклада руководителя миссии наблюдателей ООН в Таджикистане (МНООНТ) Герда Меррима, они составили приблизительно 200000 человек⁵. Хронологические рамки гражданской войны в Таджикистане не являются предметом нашей дискуссии.

Политическая элита Таджикистана оказалась неспособной решить комплекс проблем, порожденных региональным противостоянием. К ним относятся: растущее экономическое значение южных регионов, изменение их места в демографической структуре, участие регионов в процессе принятия решений, в которой доминирующие позиции принадлежали северной политической элите. Война шла за обладание возможностью контролировать государство и его институты.

В настоящее время, 1990-е годы политиками СНГ признаны годами переходного периода, связанными с большими материальными потерями граждан бывшего СССР. Однако для таджикистанцев эти годы были сопряжены с потерей всех материальных и духовных ценностей, с военными невзгодами.

Президент России Б. Ельцин, идя на выборы, выдвинул лозунг, призывающий

⁴ Отчет по гранту USAID «Этно-политическая ситуация в Центральной Азии» Д-1-245 С.А. - с. 27. [Отчет по гранту USAID «Etno-politicheskaia situatsiia v Tsentral'noi Azii» D -1-245 S.A. - с. 27].

⁵ Отчет руководителя миссии ООН в Таджикистане Герда Меррема: Душанбе. – 1998. - С. 21. [Отчет rukovoditelia missii OON v Tadjhikistane Gerda Merema: Dushanbe. – 1998. - S. 21].

русских возвращаться на свою историческую родину. В дальнейшем политических заявлений по поводу защиты русского населения Таджикистана представителями политической элиты России было сделано много. Однако практических шагов по реализации политических заявлений не было предпринято. Негативный опыт коллективного переселения на территорию Российской Федерации представляет «ХОКО» в г. Борисоглебске. Более 4 тысяч семей таджикистанцев вложили деньги в данную организацию, кроме того, большие кредиты предоставляла ФМС РФ. Однако обещанного жилья мигранты не получили, а денег руководство «ХОКО» не возвращает. Таким же крахом для русских Таджикистана закончился «эксперимент» по компактному переселению в Калужскую область деревню Сашкино, где ничего не было построено для русских мигрантов.

К сожалению, российские государственные структуры не дали правовую оценку деятельности переселенческих организаций.

Несмотря на неосуществленный проект компактного переселения русских Таджикистана, материальные и моральные потери от деятельности переселенческих организаций, миграционные настроения продолжают оставаться основной стратегией поведения русских.

А между тем Израиль чартерными рейсами вывозил евреев Таджикистана в Израиль. Резмиграция значительной части диаспоры евреев и прежде всего бухарских евреев, принявших ислам, изменила существенно религиозную обстановку в республике. В интересующем нас аспекте необходимо подчеркнуть, что согласно переписи населения 1898 года бухарские евреи относились к коренному этносу Таджикистана.

По распоряжению Президента Казахстана Н. Назарбаева были направлены вагоны для резмиграции казахов, что увеличило долю коренного населения Казахстана.

Германское консульство в ускоренном режиме оформляло документы на выезд в ФРГ немцам. В настоящее время данные диаспоры прекратили свое существование в республике.

В Республике Таджикистан с 90-х годов наметилась тенденция к формированию моноэтнического государства, которая усилилась в настоящее время.

Следовательно, политическое, социальное, экономическое положение этнической группы русских остается сложным. Среднемесячная зарплата государственного служащего не соответствует прожиточному минимуму, а понятие «потребительская корзина» для оценки уровня жизни в Таджикистане не применяется.

Русские тяжелее, чем другие этнические группы Таджикистана, приспосабливаются к новым реалиям таджикской жизни. Таджики и узбеки традиционно имели низкую степень зависимости от государства, быстрее адаптируются к реалиям трансформирующегося таджикского общества. В то время как русские всегда были средством реализации государственных интересов, им сложно найти свою нишу в трансформирующемся таджикском обществе, так как они «не вписываются» в клановые, местнические, региональные отношения, на которых базируется современное таджикское общество. В нем главную роль играет дангаринский клан (г. Дангара находится в Южном Таджикистане, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон здесь родился и работал до 1992 г.), который вытеснил со всех постов не только русских, но и таджиков выходцев из Северного Таджикистана. Данный клан представляет собой закрытую, привилегированную корпорацию граждан, непроницаемую извне в силу родственных отношений, изолированности и большой значимости в экономической, политической и социальной жизни республики.

Социальная ниша, традиционно занимаемая русскими в таджикском обществе, оказалась невостребованной в настоящее время.

Большинство промышленных предприятий республики, как правило, не работает. Дополнительных доходов от подсобных хозяйств русские не имеют, челночный бизнес, и розничная торговля – традиционная ниша, занимаемая узбеками и таджиками, недоступна для русских. Деятельность в сферах науки и образования невостребованы, так

как весь документооборот производится на государственном языке — таджикском, которым большинство русских не владеет. Так как в Таджикистане, как и большинстве стран Востока, происходит закрепление этнических групп в определенных профессиях, сферах экономики, в результате, образуется своеобразная «пирамида» этносов, профессиональных групп.

Отношения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан на межгосударственном уровне характеризуются как дружественные. Россия рассматривает Республику Таджикистан как стратегического партнера. В ходе своего официального визита в Республику Таджикистан Президент Российской Федерации В.В. Путин подтвердил позитивный характер межгосударственных отношений между Россией и Республикой Таджикистан, одновременно существуют серьезные проблемы в межгосударственных отношениях: условия пребывания 201-й военной базы (подписанный договор по ней не ратифицирован парламентом Таджикистана до настоящего времени), военный аэродром в Айни, участие России в строительстве Рогунской ГЭС, трудовая миграция таджиков на территорию РФ.

Однако партнерские отношения России и Таджикистана на высшем уровне не сказываются положительно на положения русских в Республике Таджикистан, позитивных тенденций в изменении их социального, политического статуса не наблюдается. В настоящее время у российской политической элиты не существует выверенной политики в отношении русских в Центральной Азии, в том числе в Таджикистане.

С одной стороны, в Таджикистане существует значительная российская собственность (недавно построенная Россией Санг-Тудинская ГЭС, военно-космический объект «Окно», полученный за долги Таджикистана перед Россией), присутствует военный интерес: находится 201 военная база Российской Федерации расквартированная в городах Душанбе, Куляб, Кургантюбе. Актуализировалась проблема защиты южных границ СНГ в связи с выводом войск коалиции из Афганистана. Для функ-

ционирования российских объектов из Российской Федерации командированы контингент русских в Таджикистан, однако, он не входит в русскую диаспору Таджикистана и не оказывает влияние на её положение в республике.

С другой стороны, «многовекторная» политика таджикского руководства, в сфере интересов которого входят Китай, США, Саудовская Аравия, Катар, Исламская Республика Иран, Российская Федерация, Израиль, создает серьезные препятствия для политического руководства России на пути конструктивного решения политических и экономических проблем, имеющих взаимный интерес.

На бытовом уровне ухудшение положения русских Таджикистана нашли своё проявление в обострившейся ситуации в сфере межнациональных отношений, ростом национализма. Негативное отношение русское население высказало по поводу разрушения исторической памяти, русской (советской) субкультуры: уничтожения памятников, архитектурных комплексов, переименование улиц и городов.

Вместе с тем объективную почву для бытового национализма создает проблема трудовой миграции на территорию России таджиков. Известно, что более 1 млн таджиков участвуют в трудовой миграции. Каждая таджикская семья зависит от переводов, получаемых из России. Государственный бюджет Республики Таджикистан в значительной степени формируется за счет переводов трудовых мигрантов. Негативный имидж таджика-трудового мигранта, тиражируемый СМИ России, политические некорректные заявления о таджиках-мигрантах, нарушение их прав в России, попирающие человеческое достоинства вызывают проявление национализма по отношению к русским в Таджикистане. Противоречия в отношениях между таджиками и русскими переросли в стадию конфликта. По результатам социологического исследования «Общественное мнение Таджикистана» в 2011 году, 62% таджиков негативно относятся к русским и России⁶,

⁶ Отчет по гранту ОБСЕ №143 «Общественное мнение Республики Таджикистан». - С.113. [Otchet po grantu

тогда как в годы военного противостояния по данным миссии ООН в Таджикистане, только 9% таджиков негативно относились к русским. Фактором, который способствует усилению национализма, является падение общеобразовательного уровня молодежи в последнее десятилетие⁷.

Русские покинули, конечно, не добровольно политическую экономическую элиту Таджикистана. В настоящее время нет ни одного депутата в Маджлиси Оли (парламенте) Республики Таджикистан, нет ни одного русского министра, ни одного ректора вуза, директора предприятия. За последнее время ни один русский не получил ни одной государственной награды Республики Таджикистан.

Причин тому много: резкое сокращение численности русских в Республике Таджикистан, сознательная политика таджикского руководства, конкуренция из-за раздела собственности, слабая организация русской диаспоры, комплекс мигранта, сложившийся у большинства русских, незнание таджикского языка. Всё делопроизводство в Республике Таджикистан переведено на таджикский язык, что, фактически, делает невозможным деятельность русских в большинстве сфер деятельности общества. Республика Таджикистан, где всё население 10 лет назад свободно изъяснялось на русском, потеряло это преимущество перед другими странами СНГ. Сфера функционирования русского языка резко сократилась и продолжает минимизироваться. Новое поколение таджикистанцев не владеет свободно русским языком, не знает русской культуры. В школах с таджикским языком Республики Таджикистан русская и мировая литература, а так же история России и других стран СНГ не преподаются.

Политическое руководство Таджикистана проводит политику, направленную на формирование гражданской идентичности как таджиков (*тадж* – корона, *венец* с *фар-*

си) самого древнего народа Центральной Азии. Однако в современном таджикском обществе объективно формируется другая идентичность – суннитская ханифитского масхаба. В связи с этим для русских становится маловероятным выбрать стратегию поведения этнокультурной адаптации, принять нормы, правила поведения, соответствующие шариату, коренным образом изменить мировоззрение, то есть принять исламские ценности, уклад жизни. Подобная стратегия поведения характерна для незначительной части русского населения, что характерно для русских женщин, состоящих в смешанных браках.

Многочисленные попытки консолидировать русских Таджикистана не имели успеха. В настоящее время, по данным Министерства юстиции Республики Таджикистан, интересы русской диаспоры представляет НКО «Российские соотечественники»⁸.

Данная общественная организация имеет ячейки в городах республики, но они разобщены, работают не консолидировано. Руководители пророссийских общественных организаций не выдвигают законодательных инициатив, которые могли бы стать предметом обсуждения в Парламенте (Маджлиси Оли), реально не влияют на решение проблем русских Таджикистана, а тем более на политическую жизнь республики. Стратегия, выбранная руководителями «Русской общины Таджикистана» в 1992–1996 гг., выполнять роль посредника между этническими группами Таджикистана, проводника интересов Российской Федерации в Республике Таджикистан оказалась не реализованной.

К сожалению, русский мир Таджикистана минимизируется, молодежь в поисках материального благополучия, социальной стабильности стремится выехать в Россию, но здесь сталкиваются с проблемой социальной адаптации, с конкуренцией на рынке труда.

Исследуя поло-возрастную структуру русского населения Таджикистана приходим к выводу, что оно состоит преимущественно из женщин от 40 лет и старше, то

OBSE №143 «Obshchestvennoe mnenie Respubliki Tadjikistan». - S.113].

7 Отчет руководителя миссии ООН в Таджикистане Герда Мерема. Душанбе. - 1998. - С. -28. [Otchet rukovoditelja missii OON v Tadjikistane Gerda Merema. Dushanbe.-1998. - S.-28].

⁸ Текущий архив Министерства юстиции Республики Таджикистан.

есть нарушен гендерный баланс. Рассмотрение профессиональной структуры данной этнической группы показывает её крайнюю неоднородность. Как правило, это люди с высшим образованием: врачи, учителя, архитекторы, инженеры, ткачихи, медсестры, которые не востребованы в трансформирующемся таджикском обществе.

Следовательно, русские в Таджикистане относятся к социальному слою бедных.

На вопрос: «Какое количество русских проживает в настоящее время в Республике Таджикистан?» можно дать приблизительный ответ – около 60 тыс. человек, точный ответ даст перепись населения, которая будет проводиться в Республике Таджикистан.

В основном русские в настоящее время проживают в г. Душанбе, Худжанде, Нуреке, Курган-Тюбе, Рогуне, незначительное количество проживает в г. Кулябе и Исфаре.

Сфера обращения русского языка, который ещё недавно в Таджикистане был, языком межнационального общения резко сократилась. В настоящее время в Таджикистане исчезла русская языковая среда, которая создала условия для его функционирования и распространения в Республике Таджикистан. В настоящее время число школ с русским языком обучения резко сократилось. Например, в г. Душанбе осталось их только две, есть ещё несколько так называемых смешанных, то есть параллельные классы с русским и таджикским языком преподавания. С уходом российских пограничников с таджикско-афганской границы прекратили существование ряд русских школ. В 2011 году закрылся российский госпиталь, который оказывал квалифицированную медицинскую помощь не только военным, но и местному гражданскому населению.

Исчезает не только русская языковая среда, но и русская (советская) субкультура.

Телевещание, которое несколько лет назад вело трансляцию на двух российских каналах, теперь вещает только на одном канале не в полном объеме. Анализ русскоязычной периодической печати Республики Таджикистан показывает, что за последние

7 лет не было ни одной статьи, выступления на телевидении, которые поднимали проблему русского населения Таджикистана.

В столице Республики Таджикистан продолжает работать Русский драматический театр им. В. В. Маяковского. Прежний состав театра распался. В сложный период гражданского противостояния в Таджикистане под угрозой оказалось само существование театра. В последние годы новым составом осуществлено несколько постановок, которые вызвали интерес у русскоязычной публики.

В Душанбе функционирует Российско-таджикский (славянский) университет при материальной поддержке РФ. Открытие этого учебного заведения преследовало несколько целей: получение молодым поколением русских образования на родном языке, сохранение русской культуры в Таджикистане, создание рабочих мест для русской интеллигенции и материальная её поддержка Россией, так как зарплаты в данном учебном заведении российские и на порядок выше зарплат в таджикских вузах. Однако поставленные цели данное учебное заведение выполняет лишь частично. Доступ русских преподавателей в данное учебное заведение ограничен, многие студенты вуза плохо владеют русским языком, и уровень их базового образования не соответствует российским стандартам. В последние годы в Таджикистане открыты филиалы ряда российских вузов, в том числе МГУ. Несколько лет в Душанбе функционирует Русский культурный центр (сфера деятельности Россотрудничества).

Своё бедственное положение русские Таджикистана объясняют разными причинами. Как показывает социологическое исследование «Общественное мнение Республики Таджикистан», 44% русских Таджикистана всю тяжесть ответственности за настоящее их бедственное положение возлагают на бывших руководителей СССР; 11% – на современное руководство Российской Федерации и Республики Таджикистан, 12% главной причиной считают гражданскую войну в Республике Таджикистан, 23% респондентов считают, что виновато современное политическое руководство США, которое не-

гativamente относится к России⁹. В связи с этим у большинства русских Таджикистана сформировалась социальная депрессия, неуверенность в будущем присущие большинству русских Таджикистана. В их среде большие миграционные ожидания, велико стремление вернуться на «малую историческую родину» в те регионы Российской Федерации, из которых выехали их предки в своё время. Безусловно, часть русских Таджикистана из-за преклонного возраста, экономических проблем или по личным мотивам не собираются возвращаться на территорию Российской Федерации.

Участвовать в государственной программе «По содействию добровольному переселению российских соотечественников на территорию Российской Федерации» может не более 5% русского населения Таджикистана, так как большинство русских по критериям, предъявляемым данной программой, не могут принять в ней участия.

На наш взгляд, процесс переселения русских Таджикистана, как и других русских из центрально-азиатского региона должен быть сопряжен с социальной адаптацией, с комплексом социальных мер, которые предотвратили люмпенизацию этой социальной группы российского общества.

Русские, проживающие в Таджикистане, – это потомки русских переселенных в Таджикистан во втором или третьем поколении. Продолжительное проживание в Таджикистане сформировало у русских такие позитивные социально-психологические качества, как трудолюбие, национальную и религиозную терпимость, способность выживать в экстремальных условиях, патриотизм. Они не утратили русского языка, но это язык, лишенный говоров и диалектов различных регионов России. Все это и позволяет отнести современных русских Таджикистана к «другим русским». Необходимо отметить, что русский менталитет за последнее столетие потерял такие позитивные черты как общинность, соборность.

⁹ Отчет по гранту ОБСЕ № 143. «Общественное мнение Республики Таджикистан». - С. 48-50. [Otchet po grantu OBSE № 143. «Obshchestvennoe mnenie Respubliki Tadjikistan». - S. 48-50].

Напротив авлод (род, община) был и остается у коренных этносов основой социальной организации, позволяет приспосабливаться к новым условиям трансформирующегося таджикского общества. В нужный момент и при нужных обстоятельствах коренные этносы пользуются поддержкой авлода, как традиционной общности внутри которой веками протекала их жизнь. В процессе суверенизации у национальных лидеров оказалась вся полнота политической власти. В ходе приватизации, перераспределения собственности коренные этносы воспользовались предоставившейся возможностью, что привело к их обогащению. У русских Таджикистана таких возможностей не было, их вытеснили из государственного сектора экономики, создав для коренных этносов благоприятные условия в сфере предпринимательства: льготные кредиты, доступ к экспортным квотам, преференции при выделении земельных участков и т. д. В Республике Таджикистан возникла объективная основа для обнищания русского населения. Так создавалась объективная предпосылка для безвозвратной миграции русских в Россию.

Кроме того произошли существенные изменения в духовной жизни Таджикистана. Республика Таджикистан согласно Конституции – светское государство, но активно идет процесс исламизации: легально действует Партия исламского возрождения (ПИВТ), мужское население посещает пятничные службы в мечетях, количество мечетей увеличилось многократно, одежда регламентирована имамами, женщины облачились в хиджабы, исламские религиозные деятели настаивают на отмене празднования Нового года. Обозначилась тенденция расширения влияния политического ислама в Таджикистане. В настоящее время вызывается беспокойство государственной элиты распространением экстремистских религиозных течений. Верховным судом Республики Таджикистан запрещены на территории РТ 12 экстремистских исламских течений. Вместе с тем они осуществляют свою деятельность подпольно.

Русские не понимают и не принимают мусульманских традиций, местное население отторгает русские и христианские.

Жизнедеятельность в иной культурной среде, атеистическая пропаганда сделали русских в основной массе атеистами. В Душанбе функционирует реконструированный на средства компании «РУСАЛ» Никольский собор в г. Душанбе. В последние годы число его прихожан увеличилось. Никольский собор в г. Душанбе не является историческим памятником русского зодчества. Православный храм в Худжанде, представлявший исторический интерес, был сожжён. «Русский дом» в Душанбе (начало 20 века) разрушен, такая же судьба ждет большинство исторических памятников русской (советской) архитектуры в Таджикистане согласно генеральному плану развития Душанбе.

В связи с массовой миграцией русских из Таджикистана у большинства русских произошел разрыв социальных и межличностных связей. Отвечая на вопрос анкеты социологического исследования «Общественное мнение Таджикистана» «Сколько знакомых, родных и соседей из Вашего окружения покинуло Таджикистан?», большинство респондентов называло цифру 10–15 семей. Произошло разрушение микросреды жизни русских. К сожалению, заменить или компенсировать эти связи нечем.

У русской диаспоры Таджикистана существует ряд насущных проблем: издание «Русской газеты Таджикистана», соблюдение национальных интересов русского населения при законодательской деятельности парламента РТ, документооборот на двух языках, синхронный перевод на русский язык передач с официальных мероприятий, расширение прав русского населения Таджикистана, активное вовлечение его в социально-политические процессы в республике.

6 ноября 2013 года состоятся выборы Президента Республики Таджикистан, наблюдается активизация политической жизни в стране. Однако основная часть русской диаспоры индифферентна к политической жизни республики, не имеет мотивации к политической деятельности.

И наконец, негативные чувства вызывает у большинства русских Таджикистана неподобающее состояние православных кладбищ в Душанбе, Кулябе, Курган-тюбе.

Несколько поколений русских внесли огромный вклад в создание Таджикистана. Они оказались не только «забыты», их имена исчезли с названий улиц, площадей, предприятий, но и многие их свершения получают в контексте современного прочтения истории Таджикистана негативную оценку.

Нецивилизованное отношение к местам их захоронения, вандализм над памятниками демонстрируют неуважение таджикских властей к исторической памяти русского народа, к истории Таджикистана, которую они создавали. Многие десятки тысяч неухоженных захоронений, разрушенных памятников, разбитых медальонов наглядно демонстрируют отношение к сынам и дочерям России, которой они верой и правдой служили вдали от неё.

В связи с этим необходимо межправительственное соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сохранении и подобающем содержании православных кладбищ в Республике Таджикистан.

Проблема «русских Таджикистана» имеет для Российской Федерации большое политическое значение, так как в Республике Таджикистан проживают не просто этнические русские, а люди, имеющие российской гражданство. Единственное государство, с которым Российская Федерация имеет договор о двойном гражданстве – это Республика Таджикистан¹⁰. Обмен ратификационными грамотами состоялся 26.04.1997 года в г. Душанбе.

Безусловно, в соответствии с мировой практикой Россия несет правовую и моральную ответственность за своих граждан, так как большинство из них идентифицируют себя как граждане Российской Федерации, а не граждане Республики Таджикистан. Граждане, которые не иммигрировали со своей Родины, не предали её в минуты тяжких испытаний, не бежали от социальных казаклизмов, оказались лишены Родины. Сама страна «ушла» от них с развалом СССР.

¹⁰ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства. (Москва, 7 сентября 1995 г.) [Dogovor mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Tadjikistan ob uregulirovanii voprosov dvojnogo grazhdanstva. (Moskva, 7 sentiabria 1995 g.)]

Совокупность проблем, связанных с жизнедеятельностью русских в Республике Таджикистан, является частью проблемы, которая называется «русским вопросом XXI века».

На наш взгляд, самой актуальной проблемой для современного российского государства является создание концепции национальной политики. Если первый этап существования нового российского государства характеризовался декларированием расширения места и роли русской нации в экономической, политической, социальной жизни России, то второй этап, продолжающийся до настоящего времени,

характеризуется активизацией неправительственных националистических движений и опасностью раскола российского общества. Хотя влияние внешних факторов, дестабилизирующих российское государство, сохраняется, политическая доминанта уже не является определяющей в общественном сознании граждан Российской Федерации, все большее место играют экономический и этнический факторы. Концепция национальной политики Российской Федерации должна включать стратегию и тактику действий в отношении русских в странах СНГ, в процесс консолидации русских в целостную нацию.

Роль русского населения Таджикистана в трансформирующемся таджикском обществе

Лариса Юрьевна Николаева, доктор философских наук

Аннотация: Русское население Таджикистана традиционно играло заметную роль в политической, экономической, культурной и научной жизни Таджикистана, несмотря на то что русская диаспора в стране была и остается неконсолидированной. Однако после развала СССР положение русских в Таджикистане заметно ухудшилось: русские тяжело приспосабливаются к новым политическим и социально-экономическим реалиям Таджикистана, ощущают на себе дискриминацию, относятся к «бедным» слоям населения, и по возможности мигрируют в Россию. По мнению автора, проблема русского населения Таджикистана вписывается в общую «русскую проблему XXI века» и обуславливает необходимость создания стратегии национальной политики России.

Ключевые слова: внутренняя политика Таджикистана, миграция, русская диаспора, национализм.

The Role of the Russians of Tajikistan in Transforming Tajik Society

Larisa Yurievna Nikolaeva, PhD

Abstract: The Russian population of Tajikistan has traditionally played a prominent role in political, economic, cultural and scientific development of the country despite the fact that Russian diaspora has always lacked consolidation. However the collapse of the USSR was followed by increasing deprivation of the Russians insofar as they adapt slowly to a new political and socio-economic system of Tajikistan, feel discriminated, are classified as "poor" and tend to migrate to Russia. According to the author, the problem of the Russians in Tajikistan is a part of a broader "Russian problem of the XXIth century" and stresses the necessity to develop a national policy strategy of Russia.

Key words: domestic policy of Tajikistan, migration, Russian diaspora, nationalism.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЕННОГО АСПЕКТА СТРАТЕГИИ НАТО В АФГАНИСТАНЕ, ПРИНЯТОЙ ПРИ Б. ОБАМЕ*

А.С. Тетерюк, Я.А. Чижевский

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня Афганистан находится в фокусе внимания мировой общественности. Во многом это внимание приковано к военным действиям, которые ведутся в данной республике на протяжении уже более 11 лет двумя «противоборствующими лагерями». Первый представлен международной коалицией во главе с Соединенными Штатам Америки и афганским правительством. Другой – непримиримой вооруженной оппозицией в лице движения «Талибан». Для США военная кампания в Афганистане уже является самой продолжительной войной в истории. Несмотря на то, что уже было предпринято так много усилий в деле разрешения сложившейся ситуации в стране, найти окончательное решение пока не удастся. Пришедший в 2009 г. к власти в США демократ Барак Обама предложил новое видение данной проблемы, его комплексный подход значительным образом отличался от подхода предшественника республиканца Дж. Буша-мл. Стратегия Обамы, получившая название «АфПак», должна была способствовать нормализации ситуации в стране. Тем не менее, ключевым аспектом стратегии осталась военная составляющая, вытекающая из курса на подавление вооруженной оппозиции. На протяжении уже более четырех лет США и их союзники не могут урегулировать ситуацию в этой центрально-азиатской стране. Вместе с тем, буквально в ближайшее время Афганистан ждут кардинальные перемены,

в первую очередь, связанные с выводом международного контингента. После завершения миссии международных сил содействия безопасности (МССБ) на территории Исламской Республики Афганистан (далее – ИРА) неизбежно встанет вопрос о том, насколько эффективной являлась военная кампания НАТО под руководством США в ИРА. Вопрос об эффективности военной кампании является особенно актуальным в свете «накопленного опыта контрпартизанской войны в Афганистане, который будет актуален для конфликтов будущего»¹.

В данной работе авторами была предпринята попытка рассмотреть текущую кризисную ситуацию в Афганистане с точки зрения военных действий в стране и оценить результативность действий коалиционных войск при помощи статистических методов анализа. Таким образом, целью исследования является характеристика эффективности ведения боевых действий МССБ и Афганской Национальной Армией (АНА) на территории Афганистана, с точки зрения данных о текущих результатах военной кампании сил коалиции. С целью описания трендов и построения прогноза развития ситуации при определении степени эффективности боевых

¹ Мендкович Н.А. Уроки на будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Uroki-na-budushee-15953> (дата обращения: 04.02.2014). [Mendkovich N.A. Uroki na budushchee [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/number/Uroki-na-budushee-15953> (data obrashcheniia: 04.02.2014).]

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда №15-37-01207 «Новая асимметричная война в теориях международных отношений: концептное моделирование, ивент-анализ, многомерный статистический и пространственный анализ конфликтов в Афганистане, Ливии и Украине».

действий МССБ в Афганистане авторы работы на основе собранных и систематизированных данных проводят ситуационный анализ.

Вооруженный конфликт на территории ИРА исследуется использованием двух количественных методик: ивент-анализа и регрессионного анализа. Согласно логике авторов, все исследование делится на два этапа. В основе методологии первого этапа исследования лежит *количественный ивент-анализ*. Ивент-анализ представляет собой количественный метод, который направлен на сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние дел. Для описания боевых действий на территории Афганистана авторы зафиксировали несколько блоков характеристик следующих показателей: 1) атаки против сил коалиции; 2) атаки повстанцев против мирного населения; 3) атаки повстанцев против должностных лиц; 4) операции коалиционных и афганских сил. Таким образом, была сформирована *база данных в виде матрицы размерностью 2600 на 26*, где первое число – количество наблюдений по дням, второе – суммарное число ежедневно фиксируемых характеристик. В основе методологии второго этапа исследования лежит *многомерный статистический (регрессионный) анализ*. Многомерный статистический анализ – это совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных. Для работы с описанной базой данных количественные характеристики были кодифицированы следующим образом:

TerAct(NATO) - атаки против НАТО;
NATO_killed – потери коалиционных сил (убитыми);

ANA_killed – потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми);

TerAct(Civ) – атаки повстанцев против мирного населения;

Civ_killed – потери среди мирного населения (убитыми);

NATO – операции коалиционных и афганских сил;

Reb_killed – число ликвидированных повстанцев;

Reb_arrested – число арестованных повстанцев;

Reb_surrendered – число повстанцев, перешедших на сторону правительства.

В процессе проведения исследования авторы опирались на работу И.Н. Тимофеева², в которой он выдвинул гипотезу о нелинейном характере конфликта в Исламской Республике Афганистан, предположив, что противоборствующие силы имеют разные военные потенциалы и ресурсную базу, используют разные тактики ведения боя, преследуют противоположные цели. Каждая сторона прикладывает разное количество усилий к тому, чтобы изменить текущее положение дел в свою пользу. Зависимость от соотношения между затраченными ресурсами и усилиями к полученным результатам может позволить определить степень эффективности при достижении поставленной задачи. Большое значение для данного исследования имеет работа Н.А. Мендковича «Уроки на будущее», в которой автор подробно анализирует процесс эволюции военной кампании США в Афганистане, смену приоритетов и тактики ведения боевых действий. Важным для интерпретации результатов данного исследования авторы считают доклад отечественного специалиста по Центральной Азии А.А. Казанцева³. В работе рассматриваются различные сценарии развития ситуации в Афганистане и постсоветской Центральной Азии после 2014 г. Особое внимание уделяется моделированию разного рода вызовов и угроз (терроризм и религиозный экстремизм, наркоторговля). В ходе исследования ис-

² Тимофеев И.Н. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО-Университета. - 2011. - № 5. - С. 27-36. [Timofeev I.N. Mezhdunarodnoe soobshchestvo i predely vmeshatel'stva v konflikty «krisisnykh gosudarstv»: kazus Afganistana / I.N. Timofeev // Vestnik MGIMO-Universiteta. - 2011. - № 5. - S. 27-36.]

³ Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центрально азиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года / А. Казанцев; ИМИ МГИМО (У) МИД России, Аналитический центр. - М.: МГИМО-Университет, 2012. - 19 с. - (Аналитические доклады; Вып. 2 (37), июль 2013). [Kazantsev A.A. Stsenarii i tendentsii evolutsii situatsii v tsentral'no aziatskom regione kolektivnoi bezopasnosti ODKB posle 2014 goda / A. Kazantsev; IMI MGIMO (U) MID Rossii, Analiticheskii tsentr. - M.: MGIMO-Universitet, 2012. - 19 s. - (Analiticheskie doklady; Vyp. 2 (37), iul' 2013).]

пользовались статьи и экспертные заключения аналитиков и ведущих специалистов веб-сайта «Афганистан.ру», посвященные самым последним новостями, связанными с военно-политическим конфликтом в стране. Данный Интернет-портал существует с 2002 г. и посвящен всем событиям, происходящим на территории Афганистана во всех сферах жизни общества. Аналитики сайта работают с самыми последними новостями, в том числе, связанными с военно-политическим конфликтом в стране. Ввиду этого, полезность информационной базы сайта поистине велика и гарантирует релевантность данных, необходимых в исследовании. Помимо этого, использовались ресурсы зарубежного сайта «глобалсекьюрити»⁴, посвященного международным конфликтам и многим аспектам военной сферы. Большой интерес здесь для исследования представляют ежегодные аналитические доклады и послания к Конгрессу США, повествующие о процессе в деле обеспечения стабильности в ИРА. Сайт также располагает большим количеством карт провинций Афганистана и другой полезной информацией касательно текущего конфликта. Был использован контент других веб-сайтов, связанных с военной тематикой, таких как «Военный Обзоратель»⁵. На этом отечественном сайте публикуется новостная сводка о развитии того или иного конфликта в мире. На сайте имеется большой раздел, посвященный афганской проблеме. Важным источником информации о деятельности сил НАТО является сайт Североатлантического Альянса⁶, на котором публикуются последние заявления представителей стран блока и текущие новости касательно военной кампании в Афганистане. Для уточнения показателей, связанных как с потерями среди иностранного контингента, так и мирных жителей, авторы использовали данные, опубликованные на независимом

интернет-сайте, “iCasualties.org”⁷, который был создан для отслеживания потерь, понесённых многонациональной коалицией во главе с США в ходе боевых действий в Ираке и Афганистане.

1. СЕЗОННОСТЬ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Для того, чтобы определить степень эффективности военной составляющей стратегии НАТО в Афганистане необходимо выявить основные тенденции и понять, какие факторы не являются значимыми при характеристике результатов, достигнутых МССБ на территории ИРА. Среди экспертов распространено мнение, согласно которому активность Талибов во многом обусловлена сезонностью, другими словами, погодно-климатическими условиями. Подобный тезис изначально ставит под сомнение результативность боевых действий сил коалиций во главе с США, так как характер боевых действий, боевая обстановка отодвигаются на второй план по сравнению с климатическими условиями. Считается, что талибы проявляют большую активность в весенне-летний период, а также осенью и с наступлением холодов возвращаются на «зимние квартиры». Собранные данные позволяют усомниться в закономерности такого тезиса. Зависимость между двумя векторами (числовыми рядами) эконометрически можно оценить, построив модель по методу наименьших квадратов (далее – МНК).

Оценим методом наименьших квадратов, зависимость количества терактов, совершаемых талибами, от введенных фиктивных⁸ переменных, характеризующих конкретные сезоны или месяцы:

В данной модели (см. Приложение Б, модель 1) переменные, характеризующие конкретные месяцы не являются значимы-

⁴ Mode of access: www.globalsecurity.org (accessed 02.02.2014).

⁵ Mode of access: <http://warsonline.info/afghanistan/blog.html> (accessed 04.02.2014).

⁶ North Atlantic Treaty Organization. Mode of access: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/index.htm> (accessed 04.02.2014).

⁷ Mode of access: <http://icasualties.org/Iraq/index.aspx> (accessed 04.03.2014).

⁸ Фиктивные переменные – переменные, которые характеризуют качество и могут принимать всего два значения: 1 – если описанное качество присуще наблюдению, 0 – если нет. Например, если наблюдение зафиксировано в феврале, переменная Feb = 1, остальные переменные, характеризующие месяцы = 0.

ми. Для ответа на вопрос о справедливости констатации сезонной активности талибов проведем тест на линейное ограничение⁹.

В данных тестах нулевая (изначальная гипотеза) формулируется следующим образом: все переменные незначимы в построенной модели, иными словами, сезон/месяц никак не влияет на количество терактов, осуществляемых талибами против сил НАТО. Проведенный тест свидетельствует о том, что в соответствии с собранными и обработанными данными *сезонность в действиях талибов не наблюдается*.

2. ТРЕНДЫ ВОЙНЫ

Статистическое понятие тренда вытекает из понятия стационарности временного ряда. Если результаты наблюдений конкретной величины колеблются около какого-либо значения, временной ряд называют стационарным. Наличие стационарности проверяется путем осуществления теста Дики-Фуллера. Для выявления тенденций в боевых действиях на территории Афганистана необходимо посредством этого статистического теста исследовать все описанные выше переменные. Нулевая гипотеза для данного теста: тренда нет, временной ряд стационарен.

⁹ Тест на значимость уравнения для модели 1.1 (см. Приложение Б., модель 1. по сезонам)
Множество ограничений:
1: $b[\text{Winter}] = 0$
2: $b[\text{Spring}] = 0$
3: $b[\text{Summer}] = 0$
Тестовая статистика:
расчетное значение F-статистики = 0,00378,
критическое значение F-статистики - $F(11,46) \approx 2$.
Тест на значимость уравнения для модели 1.2 (см. Приложение Б., модель 1. по месяцам).
Множество ограничений:
1: $b[\text{Jan}] = 0$
2: $b[\text{Feb}] = 0$
3: $b[\text{Mar}] = 0$
4: $b[\text{Apr}] = 0$
5: $b[\text{May}] = 0$
6: $b[\text{Jun}] = 0$
7: $b[\text{Jul}] = 0$
8: $b[\text{Aug}] = 0$
9: $b[\text{Sep}] = 0$
10: $b[\text{Oct}] = 0$
11: $b[\text{Nov}] = 0$
Тестовая статистика:
расчетное значение F-статистики = 0,0176,
критическое значение F-статистики - $F(11,46) \approx 2$.

Результаты теста¹⁰ свидетельствуют о том, что тренда для переменной, характеризующей количество терактов против МССБ и сил безопасности Афганистана, нет, другими словами, войскам коалиции не удалось добиться устойчивой тенденции снижения количества терактов, осуществляемых талибскими боевиками, что негативно характеризует эффективность военного аспекта стратегии, предложенной Обамой в 2009 г. в отношении войны в Афганистане.

Из графика (см. Приложение А., рис. 1) видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода было зафиксировано несколько сезонов, когда активность оппозиционных сил достигала своего максимума (более 30 атак за месяц):

1. Июль-ноябрь 2010 г.;
2. Июнь-июль 2013 г.;
3. Сентябрь 2013 г.

В 2013 г.с разницей в месяц были отмечены резкие всплески активности талибов (30 акций и более). Зарубежные источники также подтверждают активизацию действий талибов летом 2013 г.¹¹ Это объясняется, как минимум, двумя причинами. Во-первых, продолжается постепенное сокращение войск коалиции. Солдаты оставляют базы, провинции и уезды¹². Это является стимулом для талибов, намеренных за счет неясности, вызванной процессами вывода войск и передачи ответственности за обеспечение безопасности войскам Афганистана, максимально быстро

¹⁰ Проводится тест Дики-Фуллера для переменной $\text{TerAct}(\text{NATO})$. Для каждой переменной построено по 5 моделей авторегрессии с различным количеством временных лагов. После построения моделей авторегрессии здесь и далее оптимальное количество лагов авторы определяют на основе уровня значимости объясняющих переменных и значения критерия Шварца. В данном случае оптимальное количество временных лагов равно четырем. Тестовая статистика: $\tau_c(1) = -3,01$, асимпт. Р-значение = 0,03.

¹¹ Afghan troop deaths up almost 80% in 2013 fighting season // The Guardian. – 8 November, 2013 [Electronic resource]. URL <http://www.theguardian.com/world/2013/nov/08/afghan-troop-casualties-up-almost-80-in-2013-fighting-season-says-pentagon> (accessed 10.02.2014).

¹² Войска НАТО покинули 90% баз [Электронный ресурс]. Точки доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/63494.html> (дата обращения: 20.02.2014) [Voiska NATO pokinuli 90% baz [Elektronnyi resurs]. <http://www.afghanistan.ru/doc/63494.html> (data obrashcheniia: 20.02.2014)].

усилить свои позиции и продемонстрировать боеспособность. Во-вторых, уменьшение численности контингентов МССБ означает все большее вовлечение многочисленных национальных войск Афганистана в борьбу против Талибана. Поэтому активность талибов может быть прямо пропорциональна увеличению числа потенциальных целей.

Результаты теста¹³ на стационарность для переменной, характеризующей количество операций МССБ, свидетельствуют о наличии тренда. Другими словами, временной ряд, характеризующий количество операций, проведенных МССБ, не является стационарным.

Согласно графику (см. Приложение А., рис. 2), число сухопутных операций достигло наибольшего значения в октябре-ноябре 2012 г., потом произошел спад, но с января 2013 г. на протяжении нескольких месяцев можно наблюдать интенсификацию военных действий со стороны сил ИСАФ/МССБ. Их активность постепенно уменьшается по настоящий момент и достигает того же значения, что и количество атак оппозиционных сил (30 операций в месяц).

На данный момент количество акций талибов приблизительно равно количеству боевых операций со стороны войск международной коалиции и правительственных сил. Однако, по графику видно, что одни и те же значения достигаются *при увеличении* атак со стороны инсургентов, но *при уменьшении количества операций* со стороны коалиционных сил. С одной стороны это может быть обусловлено сокращением численности войск МССБ. Значительное количество афганских войск, действующих на территории страны на данный момент, теоретически могло компенсировать недостаточную активность войск коалиции. Но этого не происходит. Вероятно, одной из причин является неэффективная стратегия действий афганских национальных сил.

Результаты теста¹⁴ на стационарность для переменной, характеризующей потери

среди сил коалиции, свидетельствуют о том, что тренда для данной переменной нет. Таким образом, МССБ не удалось снизить число жертв среди участников миссии.

График (см. Приложение А., рис. 3) показывает, что за период с января 2009 г. по октябрь – ноябрь 2013 г. наблюдалось несколько случаев, когда потери коалиционных достигали 30 и более человек в месяц. Применительно к 2013 г. можно выделить значительный рост потерь в период май-июль (34 и 29 убитых). Собранные данные практически полностью совпадают с зарубежной статистикой (26 убитых в мае и 27 в июне соответственно)¹⁵.

Совокупные потери ИСАФ/МССБ за исследуемый период составили более 2300 человек¹⁶. С октября 2001 г. по декабрь 2008 г. в ИРА было убито 1049 солдат НАТО. Следовательно, за 4 года в этой стране погибло в 2 раза больше военнослужащих, чем за 8 предшествующих лет. Потери США также возросли: 630 за 8 лет против 1590 за время президентства Обамы. Таким образом, при новом президенте США военные потери в Афганистане возросли более чем в 2 раза. С одной стороны, рост числа убитых объясняется за счет увеличения численности военного контингента НАТО за счет США. С другой стороны, эти цифры являются доказательством того, что в ИРА Соединенные Штаты и их союзники постигает неудача, выраженная в потерях среди солдат. Новый подход Обамы к урегулированию кризиса в ИРА не смог обеспечить сокращения числа потерь среди военнослужащих, за что голосовали многие американские граждане. В результате, сегодня около 70% американцев не поддерживают текущую военную кампанию в Афганистане, а 50% считает, что она не поспособствовала укреплению национальной безопасности США¹⁷.

¹³ Проводится тест Дики-Фуллера для переменной НАТО. Оптимальное количество временных лагов равно пяти. Тестовая статистика: $\tau_{a_c}(1) = -2,67$, асимпт. Р-значение = 0,08.

¹⁴ Проводится тест Дики-Фуллера для переменной NATO_killed. Оптимальное количество временных лагов равно трем. Тестовая статистика: $\tau_{a_c}(1) = -3,63$, асимпт. Р-значение = 0,005.

¹⁵ Coalition Fatalities in Afghanistan by Year and Month [Electronic resource]. URL: <http://icasualties.org/OEF/ByMonth.aspx> (accessed 10.02.2014).

¹⁶ Совокупные потери ИСАФ/МССБ за период 2009-2013 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icasualties.org> (accessed 10.02.2014).

¹⁷ 67% американцев не поддерживают текущую операцию в Афганистане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/62803.html> (дата обращения: 05.02.2014).

Результаты теста¹⁸ Дики-Фуллера для переменной, характеризующей потери сил безопасности Афганистана, свидетельствуют о том, что временной ряд не стационарен. На данный момент число иностранных военных в Афганистане составляет 87 тыс. человек, из которых 60 тыс. являются американцами. К весне следующего года планируется сократить это число до 34 тыс. человек. Количество афганских национальных сил (армия и полиция) к лету 2013 г. составило около 350 тыс. человек. Следовательно, теоретически афганские силы уже достигли того количества, при котором они способны обеспечивать безопасность в стране и эффективно противостоять движению Талибан. Однако необходимо учитывать не только количественный, но и качественный аспект. К осени 2013 г. под афганским руководством проходило до 93% всех боевых операций. Самостоятельность в проведении операций привела к тому, что с 2013 г. уровень потерь среди афганских национальных сил начал стремительно возрастать, достигнув максимума в сентябре (103 погибших, см. рис. 4). Эта динамика также подтверждается информацией портала «фоксньюс»¹⁹, согласно которому в августе – начале сентября уровень потерь среди правительственных сил достиг рекордных отметок на фоне вывода коалиционных сил. Среди причин также называются: неэффективное командование, низкий уровень подготовки войск, сложные погодные условия и низкую оплату военнослужащих. Число потерь среди афганских сил безопасности растет (см. Приложение А., рис. 4).

Согласно результатам теста²⁰, террористическая активность боевиков против мирных граждан также демонстрирует рост (см.

Приложение А., рис. 5). Заняв пост президента в 2009 г., Барак Обама в своем подходе к афганскому кризису отметил важность обеспечения безопасности мирных афганцев, поскольку ранее этой составляющей эффективности военной кампании уделялось мало внимания. Ключевой задачей США и их союзников при Буше были поиск и уничтожение террористов «Аль-Каиды» и участников движения «Талибан», а не защита мирных жителей от их атак. Следовательно, большое количество жертв среди граждан НАТО трактовала или как неизбежные потери в ходе конфликта, или как случайные вследствие неточных авиаударов, военных операций или ночных рейдов. Логичным представляется, что чем больше войска НАТО допускают людских потерь, тем негативнее становится отношение к ним со стороны всего населения. Поэтому взятие курса на борьбу за обеспечение безопасности жителей мирных жителей могло бы быть рациональным дополнением к продуманной и носящей дипломатический характер стратегии по Афганистану, что выгодно отличало бы ее от стратегии предшественника Обамы. Несмотря на это, ситуация с потерями среди мирных жителей остается неразрешенной. Более того, существует тенденция к ее ухудшению.

Согласно графику (см. Приложение А., рис. 6), за исследуемый период наблюдалось несколько случаев роста числа погибших граждан. В 2013 г. этот показатель достиг своего максимального значения. Согласно данным, в период с января по конец ноября 2013 г. в Афганистане погибло более 1100 мирных жителей. Подобная статистика отчасти совпадает с отчетами комиссии ООН в Афганистане, которая отметила 16%-ое возрастание уровня потерь среди населения²¹.

Результаты теста²² для переменной, характеризующей количество убитого мирного

¹⁸ Проводится тест Дики-Фуллера для переменной ANA_killed. Оптимальное количество временных лагов равно двум. Тестовая статистика: $\tau_{c}(1) = -1,91$, асимп. Р-значение = 0,36.

¹⁹ Afghan troop deaths hit record amid US exit. Fox News. 21 September, 2013 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.foxnews.com/world/2013/09/21/afghan-troop-deaths-hit-record-amid-us-exit/> (accessed 20.01.2014).

²⁰ Тест Дики-Фуллера для переменной TerAct(Civ). Оптимальное количество временных лагов равно двум (модель 1). Тестовая статистика: $\tau_{c}(1) = -2,14$, асимп. Р-значение = 0,22. Результаты теста свидетельствуют о том, что временной ряд не стационарен.

²¹ Число гражданских потерь в ИРА возросло на 16% [Электронный ресурс]. Mode of access: <http://www.afghanistan.ru/doc/64795.htm> (дата обращения: 10.02.2014).

²² Проводится тест Дики-Фуллера для переменной Civ_killed. Оптимальное количество временных лагов равно двум. Тестовая статистика: $\tau_{c}(1) = -3,32$, асимп. Р-значение = 0,014.

населения, свидетельствуют о том, что временной ряд стационарен. Таким образом, тенденции для данной переменной выявлено не было. Тем не менее, нельзя говорить об улучшении ситуации с обеспечением безопасности в стране, поскольку число смертей среди мирного населения Афганистана стабильно превышает тысячу человек в год, начиная с 2009 г. Принято считать, что в 80% всех смертей всегда виновна вооруженная оппозиция. Войска НАТО и правительственные вооруженные силы ответственны за 15% смертей, в 5% случаев мирные жители гибнут по иным причинам²³. Подобное соотношение является определенным успехом, тем более если учитывать долю погибших по причине действий антиталибских сил за предыдущие годы, когда она порой достигала 50%. В 2013 г. доля таких потерь составила 14% от общего числа погибших мирных жителей. Следовательно, если анализировать, какая часть мирных афганцев погибает от рук не талибов, то это число сокращается. Однако общее количество убитых мирных граждан по-прежнему остается крайне высоким.

За 2013 г. коалиционные и афганские силы, как и во времена администрации Буша, оказались неспособны эффективно решить вопрос об обеспечении безопасности граждан Афганистана. Учитывая тот факт, что большинство иностранных военных покинет страну к концу 2014 г., проблема защиты мирного населения Афганистана станет еще более острой.

При анализе подхода администрации Обамы на предмет эффективности необходимо остановиться на такой важной характеристике, как количество убитых, арестованных и перешедших на сторону правительства талибов.

Результаты теста²⁴ для переменной, характеризующей число уничтоженных боевиков, свидетельствуют о том, что временной ряд не является стационарным (см. Приложение А., рис. 7).

²³ Afghanistan civilian casualties // The Guardian. – 12 April, 2013 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2010/aug/10/afghanistan-civilian-casualties-statistics> (accessed 20.02.2014).

²⁴ Проводится тест Дики-Фуллера для переменной Reb_killed . Оптимальное количество временных лагов равно четырем. Тестовая статистика: $\tau_{a_c}(1) = -2,29$, асимпт. Р-значение = 0,18.

Начиная с 2009 г. уровень потерь среди боевиков постепенно возрастал, достигнув максимальных значений весной–летом 2013 г. Согласно проведенным оценкам, за период с января по конец ноября 2013 г. число убитых талибов составило около 4300 человек. Наиболее высокие потери движение «Талибан» понесло в период с апреля по июль 2013 г. Военная составляющая по-прежнему является доминирующим аспектом в стратегии западных стран в ИРА. Поэтому достижение высокого показателя убитых со стороны инсургентов на данном направлении деятельности антиталибских сил вполне очевидно. Это позволяет говорить о том, что одна из задач Обамы касательно нормализации ситуации в ИРА, связанная с ослаблением деятельности вооруженной оппозиции (а также ее ликвидации), выполняется, т.е. талибов в стране с годами становится меньше. К сожалению, разрешение афганского кризиса не зависит исключительно от физического уничтожения враждебно настроенных боевиков, что наглядно показывает стабильно высокий уровень потерь среди мирных жителей.

Положительную тенденцию можно выявить и по отношению к числу арестованных талибов. Результаты теста²⁵ показывают, что временной ряд не является стационарным (см. Приложение А., рис. 8). Действительно, число арестованных возросло к осени 2012 г. и стабильно оставалось высоким до августа 2013 г., после чего произошел некоторый спад. Но с октября показатель вновь увеличивается. На конец ноября 2013 г. было захвачено 1512 талибов, что несколько уступило показателю за прошлый год. Хотя высокое количество зафиксированных арестов может характеризовать данный способ борьбы с движением «Талибан» как эффективный инструмент вывода из войны членов вооруженной оппозиции, он не способствует уменьшению потерь как среди афганских национальных войск, так и среди мирных граждан.

Еще одним фактором, ослабляющим Движение, стала так называемая «Программа примирения и реинтеграции в Афгани-

²⁵ Проводится тест Дики-Фуллера для переменной $Reb_arrested$. Оптимальное количество временных лагов равно двум. Тестовая статистика: $\tau_{a_c}(1) = -2,27$, асимпт. Р-значение = 0,18.

стане», нацеленная на привлечение умеренно настроенных боевиков на сторону правительства данной страны. Неофициально она начала действовать еще в середине 2000-х гг., однако была официально утверждена в 2010 г. Авторы рассматривали показатели, начиная с этого года.

Согласно графику (см. Приложение А., рис. 9), ситуация с Программой выглядит неоднозначно. На протяжении рассматриваемого периода она действовала с переменным успехом. Зимой 2012 г. был достигнут высокий показатель в более чем 800 человек, решивших сложить оружие. После этого, число талибов, желающих принять участие в Программе, постепенно сокращалось. В 2013 г. число участников программы составило 677 человек, что значительно меньше показателей за 2011–2012 гг. Многие эксперты считают, что данный способ борьбы с Движением наносит скорее деморализующий эффект не только на рядовых боевиков, но и на командиров Талибана. Видя, как целые группы и крупные отряды товарищей прекращают оказывать сопротивление, многие другие командиры должны задумываться о целесообразности мирной сдачи оружия. Тем не менее, как показывают данные, за последние месяцы ППРА не приводит к существенным результатам, что объясняется рядом причин. Выделим основные:

1. Вывод коалиционных сил из Афганистана. Нескончаемая война, длившаяся на территории страны с 2001 г., могла действительно оказывать деморализующий эффект на «умеренных талибов», уставших от постоянных сражений и уже отчаявшихся дождаться конца войны. В таком случае, денежное вознаграждение и возможность получить работу и начать иную жизнь после сдачи оружия вполне могла служить для них эффективным стимулом. Однако теперь, когда главный враг для большинства талибов, представленный солдатами МССБ, уходит из страны, появилась возможность закончить войну в ближайшие годы, причем на условиях победителей, что означает получение иных и более весомых преимуществ. Судя по всему, опытные участники Движения не рассматривают афганскую ар-

мию и полицию как действительно опасную военную силу, что неизбежно воодушевляет их и подталкивает к продолжению ведения боевых действий.

2. Снижение эффективности Программы могло оказать также открытие в июне (пусть и не на продолжительное время) официального представительства движения «Талибан» в Катаре. Сам факт того, что Запад пошел на подобный шаг мог иметь очень сильный психологический эффект на боевиков, расценивших это как появление возможности договориться с враждебными странами на выгодных для себя условиях.

3. Нерешенность проблемы наркотиков. Согласно последним данным, уровень производства опиумного мака в Афганистане остается очень высоким²⁶. Производство наркотиков является наиболее прибыльной деятельностью на территории страны, начать заниматься которой, в теории, может любой желающий. Размер денежных выплат, которые предоставлялись вступившим в Программу, гораздо меньше выручки от продажи боевиками наркотиков или торговли оружием (по некоторым данным, зарплаты боевиков от таких видов деятельности колеблются от 200 до 600 долларов). Это перевешивает любые материальные стимулы, которые предлагает ППРА.

3. ОТВЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВНИКОВ И ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Подробный анализ собранных данных позволяет перейти к оценке взаимосвязей между различными переменными. Боевые действия по своей сути – это обмен ударами, в случае асимметричного конфликта на территории Афганистана речь идет о проведении контрповстанческих операций со стороны МССБ и АНА – с одной стороны, и осуществлении терактов талибами – с другой. Для оценки взаимосвязи между временными рядами, которые характеризуют исследуемые параметры, перейдем к первым разностям пе-

²⁶ Пахомов Н. Наркотики побеждают [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/66113.html> (дата обращения: 10.02.2014) [Pakhomov N. Narkotiki pobezhdayut [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://afghanistan.ru/doc/66113.html> (data obrashcheniia: 10.02.2014)].

ременных (см. Приложение А., рис. 10).

Судя по графику между переменными наблюдается сильная положительная связь: с ростом одного показателя растет и другой. Проведем тест на наличие корреляции между показателями. Нулевая гипотеза: корреляция отсутствует, р-значение 0,0000. Исходные данные позволяют перейти к ответу на вопрос о том, что в этой паре показателей является причиной, а что следствием.

Представленные модели (см. Приложение Б., модель 2.1. и модель 2.2.) не дают точных результатов, так как показатели исправленных R^2 во всех моделях меньше 0,3. Рассмотрим модели с авторегрессией, поскольку качество таких моделей выше, исправленный R^2 больше 0,3.

В соответствии с полученными результатами, количественный прирост терактов, осуществляемых талибами, не зависит от изменения числа операций, проведенных МССБ и АНА в прошлые месяцы. Следовательно, нулевая гипотеза о зависимости изменения числа терактов от изменения количества операций отклоняется. Остается предположить, что действия МССБ на территории Афганистана носят реакционный характер. Другими словами, что число проводимых операций зависит от количества терактов.

Качество построенных моделей заметно выше, чем в предыдущих случаях. Модель 3.1.3 (см. Приложение Б., модель 3.1.) демонстрирует наличие причинно-следственной связи между приростом количества операций со стороны МССБ и АНА и изменением количества терактов, осуществленных талибами ранее (с временным лагом). Результаты построенной модели свидетельствуют о том, что количество терактов, совершенных в период трехмесячной давности, положительно влияет на количество текущих операций НАТО. По различным экспертным оценкам, именно три месяца необходимо войскам НАТО для того, чтобы собрать информацию о проведенном теракте, согласовать планы с руководством, подготовить операцию против организаторов теракта.

Рассмотрим также и модели с авторегрессией.

Качество модели 3.2.3 (см. Приложе-

ние Б., модель 3.2.) значительно выше по сравнению с остальными описанными моделями (R^2 равен 0,5). Полученные результаты подтверждают то, что ключевым для проведения контртеррористических операций МССБ и АНА является трехмесячный лаг.

Возникает закономерный вопрос о том, на что в принципе влияют военные операции сил содействия безопасности. Построим модели, в которых количество операций со стороны НАТО будет объясняющей переменной.

Качество моделей, описывающих зависимость изменения количества терактов против мирного населения от изменения проводимых МССБ военных операций, крайне низкое. Построим аналогичные модели с авторегрессией.

Модель 4.2.1 (см. Приложение Б., модель 4.2.) приемлема для интерпретации, поскольку R^2 больше 0,3. Согласно полученным результатам, количество операций проводимых силами содействия безопасности на территории Афганистана, не влияет на количество терактов, осуществляемых движением Талибан. Проверим данный тезис, осуществив тест на линейное ограничение²⁷. Проведенный тест свидетельствует о том, что в соответствии с собранными и обработанными данными силы правопорядка на территории Афганистана не влияют на количество терактов против мирного населения.

Открытым остается вопрос о том, чем объясняется изменение количества терактов, если не количеством проводимых операций. Число операций, осуществляемых МССБ и АНА на территории ИРА, *положительно связано с числом уничтоженных боевиков*. Коэффициент корреляции равен 0,5. Рассмотрим графики временных рядов этих переменных (см. Приложение А., рис. 11). На графике также видно, что между переменными есть связь. Вероятность того, что в зависимости от количества осуществленных терактов, направленных против сил безопасности, войска НАТО начинают более интенсивно уничтожать талибов, край-

²⁷ Множество ограничений 1: $b[d_NATO_1] = 0$.
Тестовая статистика: Робастный $F(1, 48) = 0,59$,
Р-значение = 0,45.

не мала. Построим модель зависимости количества терактов, направленных против сил НАТО, от количества уничтоженных повстанцев (см. Приложение Б., модель 5.1.). Качество модели 5.1.3 достаточно высокое, исправленный R^2 равен 0,4. Построим аналогичные модели с авторегрессией. Качество модели 5.2.3 как в предыдущем примере приемлемо для интерпретации результатов. Результаты оценки свидетельствуют о том, что члены движения Талибан мстят за смерть боевиков, уничтоженных силами НАТО в прошлых месяцах, о чем свидетельствуют положительные знаки при коэффициентах. Отрицательный знак при переменной «убитые повстанцы с лагом в 2 месяца» демонстрирует то, что действия МССБ могут оказывать и положительный эффект в вопросах обеспечения мирных граждан на территории ИРА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация в Афганистане была исследована с помощью двух методов: количественного ивент-анализа и регрессионного анализа. На первом этапе исследования были собраны данные по следующим аспектам афганского конфликта: (1) атаки талибов, (2) операции коалиционных и правительственных сил, (3) потери войск коалиции и правительственных сил, (4) потери среди мирных граждан, (5) потери талибов. На основе собранной информации были построены графики, характеризующие развитие ситуации в ИРА на протяжении исследуемого периода. На завершающем этапе исследования был использован регрессионный анализ, целью которого были попытка ответить на исследовательский вопрос о степени эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при президенте Б. Обаме.

В ходе исследования была доказана ошибочность гипотезы о влиянии сезонности на действия талибов. Это означает, что природно-климатические условия не являются фактором, оказывающим решающее влияние на изменение талибами своей тактики ведения войны против коалиционных сил. Следовательно, его учет при анализе

эффективности стратегии коалиционных сил не является необходимым условием.

Исследование также позволило авторам выделить следующие тренды: (1) рост потерь в рядах служащих афганской армии и полиции, (2) увеличение количества терактов, осуществляемых движением Талибан против мирных граждан, (3) увеличение числа операций МССБ/ИСАФ, (4) увеличение потерь среди талибов (имеется в виду только физическая ликвидация боевиков). По мнению авторов, несмотря на большое количество военных акций со стороны коалиционных сил, ведущих к увеличению потерь среди вооруженной оппозиции, достичь других немаловажных целей, таких как создание боеспособной афганской армии и полиции, а также сокращение числа жертв среди мирных граждан, не удалось. Фактически рост числа потерь среди талибов ведет к активизации их террористической деятельности. Главным же провалом стратегии международной коалиции является неспособность сократить количество терактов, предпринимаемых движением «Талибан». Подобные результаты позволяют сделать вывод о низкой эффективности военного компонента стратегии Обамы по ведению войны в Афганистане. В свою очередь этот тезис позволяет делать негативный прогноз развития событий после вывода сил МССБ с территории Афганистана в 2014 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А.

Рис. 1. Атаки против сил коалиции

Приложение А.

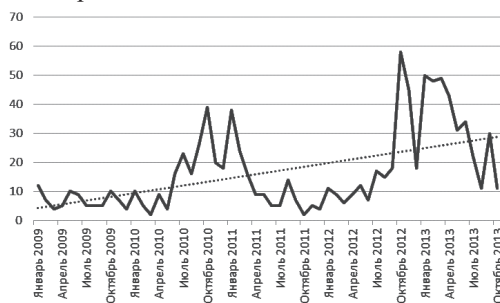

Рис. 2. Военные операции коалиционных сил и сил безопасности Афганистана с отображенной линией тренда

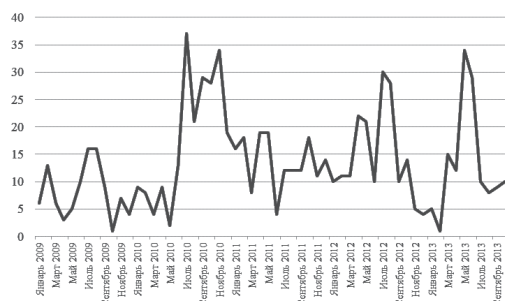

Рис. 3. Потери коалиционных сил (убитыми)

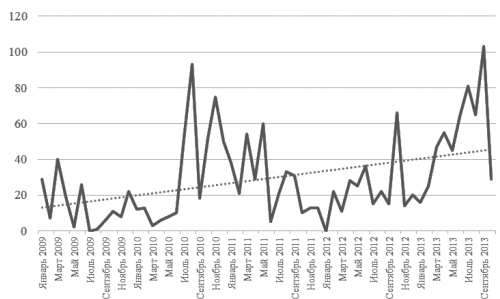

Рис. 4. Потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми) с отображенной линией тренда

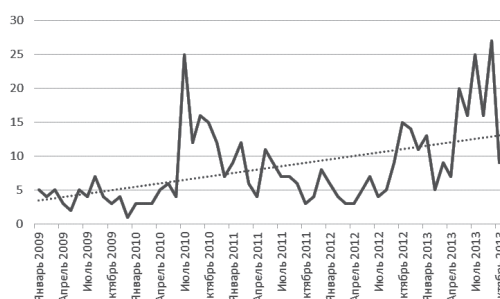

Рис. 5. Атаки боевиков против мирного населения с отображенной линией тренда

Убито мирного населения

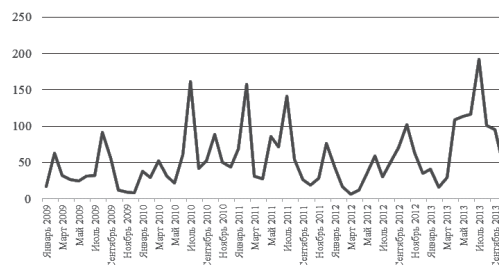

Рис. 6. Количество потерь среди мирного населения

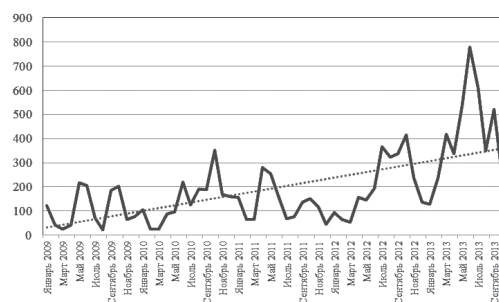

Рис. 7. Количество ликвидированных боевиков с отображенной линией тренда

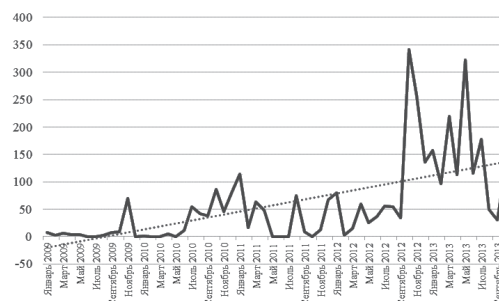

Рис. 8. Повстанцев взято в плен с отображенной линией тренда

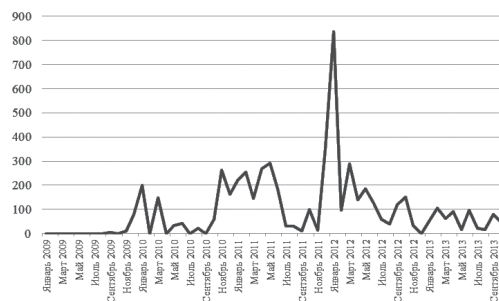

Рис. 9. Повстанцев перешло на сторону правительства

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

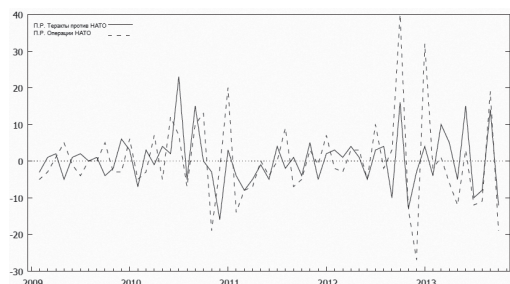

Рис. 10. Взаимосвязь между приростом количества операций и приростом количества терактов.

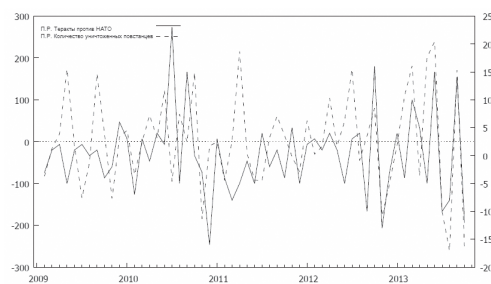

Рис. 11. Взаимосвязь между приростом количества терактов и изменением числа убитых повстанцев.

Приложение Б.

Модель 1. Зависимость террористической активности боевиков, направленной против МССБ и АНА от сезона/месяца

Модель 1.1			Модель 1.2		
Переменные	Коэффициенты	Ст. ошибки	Коэффициенты	Ст. ошибки	
const	19,5	5,67 ***	12,75	4,16 ***	
Winter	-6,5	5,88			
Spring	6,23	5,96			
Summer	-2,9	5,89			
Jan			1,85	3,33	
Feb			-1,15	4,51	
Mar			0,25	4,67	
Apr			1,25	4,90	
May			0,05	4,70	
Jun			1,65	6,16	
Jul		6,05	6,05	6,16	
Aug		3,85	3,85	5,58	
Sep		8,05	8,05	7,87	
Oct		7,25	7,25	6,75	
Nov		4,5	4,5	5,95	
R ²	0,063		0,08		

Модели 2.1. Зависимость прироста количества терактов против МССБ и АНА от прироста количества операций

Модель 2.1.1			Модель 2.1.2		Модель 2.1.3	
Переменные	Коэф. №1	Ст. Ош.	Коэф. №2	Ст. Ош.	Коэф. №3	Ст. Ош.
Const	0,17	0,71	0,18	0,72	0,06	0,72
d_NATO	0,36	0,08 ***	0,40	0,07 ***	0,40	0,06 ***
d_NATO_1	-0,004	0,1	0,03	0,10	0,06	0,12
d_NATO_2			0,10	0,08	0,12	0,08
d_NATO_3					0,05	0,09
Испр. R ²	0,28		0,28		0,27	

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Модели 2.2. Зависимость прироста количества терактов против МССБ и АНА от прироста количества операций (с авторегрессией)

Переменные	Модель 2.2.1			Модель 2.2.2			Модель 2.2.3		
	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	0,08	0,75		0,07	0,76		0,06	0,76	
d_NATO	0,35	0,08	***	0,36	0,09	***	0,36	0,09	***
d_NATO_1	0,14	0,09		0,15	0,09		0,17	0,11	
d_NATO_2				0,03	0,96		0,05	0,11	
d_NATO_3							0,07	0,09	
d_Teract_NATO_1	-0,26	0,10	***	-0,27	0,09	***	-0,28	0,09	***
d_Teract NATO_2	0,26	0,12	**	0,24	0,14	*	0,23	0,14	*
d_Teract NATO_3	0,12	0,17		0,11	0,16		0,08	0,17	
Испр. R ²	0,36			0,35			0,34		

Модели 3.1. Зависимость прироста количества операций от прироста количества терактов

Переменные	Модель 3.1.1			Модель 3.1.2			Модель 3.1.3		
	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	-0,05	0,89		0,15	0,94		0,07	0,86	
d_Teract_NATO	0,80	0,22	***	0,82	0,21	***	0,69	0,17	***
d_Teract_NATO_1	-0,11	-0,11		-0,27	0,18		-0,34	0,13	**
d_Teract NATO_2				-0,52	0,26	*	-0,36	0,20	*
d_Teract NATO_3							0,55	0,12	***
Испр. R ²	0,28			0,37			0,46		

Модели 3.2. Зависимость прироста количества операций от прироста количества терактов (с авторегрессией)

Переменные	Модель 3.2.1			Модель 3.2.2			Модель 3.2.3		
	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	0,13	1,10		0,19	1,07		0,11	1,02	
d_Teract_NATO	0,68	0,16	***	0,71	0,16	***	0,63	0,13	***
d_Teract_NATO_1	-0,01	0,23		-0,05	0,23		-0,17	0,21	
d_Teract NATO_2				-0,29	0,15	*	-0,19	0,14	
d_Teract NATO_3							0,39	0,14	***
d_NATO_1	-0,26	0,17		-0,25	0,15	*	-0,19	0,14	
d_NATO_2	-0,35	0,13	***	-0,26	0,13	**	-0,27	0,14	*
d_NATO_3	0,15	0,16		0,15	0,15		0,07	0,15	
Испр. R ²	0,45			0,37			0,50		

Модели 4.1. Зависимость прироста количества терактов против мирного населения от прироста количества операций

Переменные	Модель 4.1.1			Модель 4.1.2			Модель 4.1.3		
	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	0,08	0,52		0,04	0,54		0,10	0,55	
d_NATO	0,17	0,08	**	0,17	0,09	**	0,17	0,09	**
d_NATO_1	0,005	0,08		0,006	0,06		-0,001	0,08	
d_NATO_2				-0,001	0,08		-0,008	0,08	
d_NATO_3							-0,015	0,06	
Испр. R ²	0,08			0,05			0,04		

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Модели 4.2. Зависимость прироста количества терактов мирного населения от прироста количества операций (с авторегрессией)

	Модель 4.2.1			Модель 4.2.2			Модель 4.2.3		
Переменные	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	0,36	0,60		0,37	0,76		0,37	0,60	
d_NATO	0,14	0,05	**	0,13	0,09	*	0,13	0,07	*
d_NATO_1	0,06	0,08		0,06	0,09		0,05	0,09	
d_NATO_2				-0,02	0,96		-0,02	0,08	
d_NATO_3							-0,01	0,07	
d_Teract_Civ_1	-0,55	0,96	***	-0,55	0,09	***	-0,55	0,10	***
d_Teract_Civ_2	-0,001	0,16		0,005	0,14		0,008	0,17	
d_Teract_Civ_3	-0,19	0,12		-0,19	0,16		-0,19	0,13	
Испр. R ²	0,35			0,33			0,32		

Модели 5.1. Зависимость прироста количества терактов против МССБ и АНА от прироста количества убитых повстанцев

	Модель 5.1.1			Модель 5.1.2			Модель 5.1.3		
Переменные	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	0,04	0,73		0,10	0,78		-0,43	0,69	
d_Reb_killed	0,02	0,009	**	0,02	0,01	*	0,02	0,008	*
d_Reb_killed_1	0,01	0,11		0,009	0,01		0,03	0,007	***
d_Reb_killed_2				-0,02	0,009	*	-0,02	0,007	**
d_Reb_killed_3							0,04	0,008	***
Испр. R ²	0,09			0,14			0,40		

Модели 5.2. Зависимость прироста количества терактов против МССБ и АНА от прироста количества уничтоженных повстанцев (с авторегрессией)

	Модель 5.2.1			Модель 5.2.2			Модель 5.2.3		
Переменные	Коэф. №1	Ст. Ош.		Коэф. №2	Ст. Ош.		Коэф. №3	Ст. Ош.	
Const	0,004	0,88		0,10	1,36		-0,31	0,75	
d_Reb_killed	0,01	0,009	*	0,10	0,03		0,01	0,009	
d_Reb_killed_1	0,02	0,009	*	0,02	0,02	*	0,02	0,007	***
d_Reb_killed_2				-0,017	0,02	***	-0,02	0,006	**
d_Reb_killed_3							0,03	0,008	***
d_Teract_NATO_1	-0,40	0,11	***	-0,33	0,13	***	-0,19	0,12	
d_Teract_NATO_2	0,11	0,15		0,21	0,16		0,08	0,11	
d_Teract_NATO_3	0,25	0,16		0,28	0,16	*	0,12	0,12	
Испр. R ²	0,24			0,28			0,40		

Оценка эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при Б. Обаме

Алексей Сергеевич Тетерюк, студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR – стратегии» МГИМО (У) МИД РФ

Ян Андреевич Чижевский, студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR – стратегии» МГИМО (У) МИД РФ

Аннотация: В статье анализируется сложившаяся ситуация в Афганистане за время деятельности администрации Барака Обамы в период 2009–2013 гг. Авторы оценивают степень эффективности военного аспекта стратегии Обамы в Афганистане посредством двух методов: количественного ивент-анализа и регрессионного анализа. В построении своих выводов авторы опирались на собственную эмпирическую базу данных. В работе выдвигается и обосновывается тезис об отсутствии сезонности в боевых действиях оппозиционных сил. Кроме того, при помощи регрессионного анализа авторы определяют степень эффективности военной составляющей стратегии НАТО, а также выявляют ряд нетривиальных трендов афганского конфликта

Ключевые слова: США, Афганистан (ИРА), Барак Обама, АфПак, НАТО, Международные силы содействия безопасности (МССБ), Движение Талибан (ДТ), терроризм, военные операции, военный конфликт

The NATO strategy in Afghanistan during Obama administration. The military aspect's effectiveness evaluation

Alexei Sergeevich Teteryuk, MA student at MGIMO-University

Yan Andreevich Chizhevsky, MA student at MGIMO-University

Abstract. This article provides an analysis of the situation in Afghanistan during the Obama administration functioning in 2009–2013. The authors assess the effectiveness of the military aspect in Obama's strategy by using two methods: quantitative event-analysis and regression analysis. In drawing conclusions, the authors used their own empirical database. The article suggests and justifies the thesis that there is no seasonality in opposition forces' actions. Besides, the authors use quantitative methods to assess the effectiveness of the military aspect of the NATO strategy and reveal several unconventional tendencies of the Afghan conflict

Key words: the USA, Afghanistan (IRA), Barack Obama, AfPak, NATO, International security assistance force (ISAF), the Taliban, terrorism, military action, military conflict

VII-й ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ

Российская ассоциация политической науки (РАПН) 19–21 ноября 2015 г. проводит VII Всероссийский конгресс политологов «**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ**». Конгресс состоится в Москве, в МГИМО (У) МИД РФ.

К открытию конгресса будет опубликована серия юбилейных изданий, посвященная изучению истории развития политической науки в России и ее институционализации в рамках РАПН, анализ современного состояния отечественной политической науки, ее эвристического потенциала и перспектив дальнейшего развития.

Выбор основной темы конгресса обусловлен тем, что в последние годы наблюдаются заметные трансформации политики на национальном, региональном и международном уровнях. Современный взаимосвязанный мир создает условия для развития, но одновременно порождает новые вызовы и угрозы, опасные очаги напряженности и конфликтов. Требуют совершенствования прежние императивы развития, осуществляется поиск справедливых и эффективных решений существующих и вновь возникших проблем. Политическая наука стоит перед вызовами современной политики и призвана ответить на них новыми подходами и обновленным инструментарием.

*Основные направления обсуждений
в рамках Конгресса:*

1. Трансформация современной политики: глобальное, региональное и национальное измерения.
2. Человек и вызовы трансформирующейся политики.
3. Современное государство: суверенитет и взаимозависимость.
4. Социокультурное многообразие современного мира и политика.
5. Глобальное политическое управление: теоретические модели и политическая реальность.
6. Неравенство и борьба за справедливость: национальные и международные политические стратегии.

7. Экономические кризисы и политика экономического роста.

8. Терроризм и глобальное сотрудничество в вопросах безопасности.

9. Экологические вызовы современной политике.

10. Россия в современном мире: национальные интересы и международное сотрудничество.

11. Вызовы и перспективы политики развития России.

12. Политика Евразийского экономического сотрудничества.

13. Украинский кризис: национальное, региональное и международное измерение.

14. Европейский союз и европейские исследования.

В рамках Седьмого Конгресса предполагается проведение юбилейных мероприятий, пленарных, тематических и специальных заседаний, круглых столов, лекций ведущих зарубежных и отечественных политологов и представителей смежных дисциплин, дебатов, презентаций, рабочих встреч исследовательских комитетов РАПН и проектных групп, профессиональных сообществ, научно-организационных структур, а также мероприятий, организуемых другими профессиональными ассоциациями (Академия политической науки, Международная ассоциация конфликтологов, Социологическое общество и др.) и ведущими научно-исследовательскими центрами, фондами и журналами (РГНФ, РНФ, ВЦИОМ, ФОМ, «ПОЛИС. Политические исследования», «Сравнительная политика», «Политическая наука» и др.).

Председателем *Организационного комитета* конгресса является президент РАПН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, д.полит.н., профессор О.В. Гаман-Голутвина; председателем *Программного комитета* – председатель Научного Совета РАПН, вице-президент РАПН, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета Л.В. Сморгун.

Актуальная информация о конгрессе будет доступна на сайте РАПН www.rapn.ru.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ» В РАМКАХ СЕДЬМОГО ВСЕРОССИЙСКОГО КОНГРЕССА ПОЛИТОЛОГОВ

Российская Ассоциация политической науки приглашает принять участие в круглом столе на тему «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов», который состоится в рамках Седьмого всероссийского конгресса политологов, организуемого Российской ассоциацией политических исследований (РАПИ) в Москве в октябре 2015 г.

Круглый стол посвящен пятилетнему юбилею журнала «Сравнительная политика», издаваемого Факультетом политологии МГИМО-Университета.

На обсуждение в рамках круглого стола выносятся следующие вопросы:

1. Мировой тренд регионализации: теоретические и практические измерения. Глобальное, региональное и локальное в мировой политике.

2. Пространственная организация мира и региональные трансформации

Соотношение идеологии и теории в международных отношениях

3. Новые предметные поля политического осмысления международных отношений. Мировое комплексное регионоведение как новое предметное поле: содержание и прикладное значение

4. Международная политэкономия, география, экономика и критическая геополитика: региональные измерения

5. Возможно ли сценарное прогнозирование региональных и глобальных проблем?

6. Участникам круглого стола будет представлен журнал «Сравнительная политика».

Для участия в круглом столе необходимо до 20 апреля 2015 г. заполнить регистрационную форму на сайте РАПИ, приложить тезисы доклада. Заявки необходимо подавать в «Общий пул конгресса» и в примечаниях указать круглый стол «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов – круглый стол к пятилетнему юбилею журнала «Сравнительная политика»».

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОПЫТ ДЕМОКРАТИИ В РАЗНООБРАЗНОМ МИРЕ» В МГИМО (У) МИД РФ

В МГИМО 2 июня состоялся круглый стол, посвященный актуальным тенденциям, проблемам и достижениям в развитии западных и незападных демократий. Мероприятие было организовано при поддержке Факультета политологии, Института социально-экономических и политических исследований, журналов «Сравнительная политика» и «Международные процессы».

Круглый стол собрал не только преподавателей различных кафедр двух факультетов МГИМО, но и представителей ведущих отечественных вузов (в частности, МГУ им. М.В.Ломоносова и РУДН), а также студентов бакалаврских и магистерских программ (в том числе по направлениям «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология», «Журналистика»).

В качестве основных докладчиков на мероприятии выступили директор Центра европейских исследований Университета Билфроста (Исландия) Эйрикюр Бергманн и директор института исследований Южной Азии Национального университета Сингапура Субрата Митра. Заседание вели декан Факультета политологии МГИМО профессор А.Воскресенский и доцент кафедры ПАМПИ А.Байков.

Профессор Бергманн в своем выступлении отметил, что создание устойчивого демократического режима связано с прохождением обществом конституционного этапа, в ходе которого социальные группы договариваются о правилах совместного поведения. Нормативный консенсус представляется тем минимальным условием, без которого возникновение демократии невозможно. Кроме того, спикер обратил внимание на растущее значение гражданского общества в функционировании современных политических режимов, что также представляется элементом их демократизации. При этом его роль может активизироваться в условиях социального стресса. Так, в Исландии финансово-экономический кризис 2008–2009 годов привел к мобилизации на-

селения и способствовал укреплению participatory основ демократии.

Профессор Митра, в свою очередь, поделился результатами своих исследований влияния культурных условий на развитие демократии. В частности, значительное время он уделил изучению индийской политической системы. По его мнению, национальные традиции народов Южной Азии активно учитывались еще в практике управления британских властей. В 1920-х годах на заре борьбы за самоопределение индийская элита выработала принципы последующей организации политических норм будущего независимого государства. Утвердившаяся в тот период интерпретация национальных традиций продолжает оставаться фундаментом политической системы Индии.

Выступления зарубежных экспертов спровоцировали оживленное обсуждение. С развернутым комментарием выступила заместитель декана Факультета политологии доцент Е. Колдунова. В ходе обмена мнениями экспертов был поставлен вопрос об универсальности демократического правления. Участники обсудили степень вариативности политических институтов в зависимости от локальной культуры. Представители международной академической элиты, соглашаясь с необходимостью учета национальных особенностей, в то же время предостерегли

от тотальной релятивизации понимания демократических систем и чересчур упрощенного понимания политической культуры.

Прошедший круглый стол отразил как сохраняющиеся различия в оценках значимости универсальных и локальных оснований политических систем, так и признание обоих как неотъемлемых элементов процессов демократизации. Мероприятие подтвердило необходимость развития диалога между отечественными и зарубежными специалистами по проблемам демократии.

А.А. Киреева

ЖУРНАЛ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» В КИТАЕ

После серии презентаций журнала на научных мероприятиях в Восточной Азии и публикации материалов китайских исследователей журнал факультета политологии МГИМО (У) МИД России был отмечен в ведущем китайском журнале о России *Academic Journal of Russian Studies*. Во втором номере за 2015 г. опубликован перевод статьи А.М.Смирнова (пер. Су Жуйсюе) «Сравнительный анализ энергетической дипломатии РФ и Европейского Союза», вышедший до этого в журнале «Сравнительная политика».

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ, №4, 2014

Новое евразийство или евроатлантизм? – изучение основных идеологических течений в контексте внешней политики России после холодной войны

Ван Шучунь, Линь Жуньяо

Аннотация. Несмотря на то, что три крупных идейных течения, развивающиеся в СССР после окончания холодной войны, унаследовали основные положения трех традиционных течений русской общественной мысли – западничества, славянофильства

и классического евразийства, в них однако было внесено значительное число коррективов. Вследствие своей антиправительственной позиции классическое евразийство никогда не оказывало влияния на внешнюю политику СССР, после распада СССР новое евразийство стало лишь одним из многих идейных течений, не имеющих доминирующей позиции. Отношения независимой России с западными странами носят синусоидальный характер: три раза наблюдался то подъем, напоминавший медовый месяц, то опускание до точки замерзания, и это явственно свидетельствует о том, что регулирование внешней политики России связано с Европой и США. Данные статистики внешнеэкономических связей за двадцать с лишним лет после распада СССР также свидетельствуют о том, что страны Европы и

США на протяжении всего этого периода играли ведущую роль во внешнеэкономических отношениях России. После окончания холодной войны доминирующей идеей России во внешней политике стал евроатлантизм, а не новое евразийство.

Ключевые слова: Россия; идеологическое течение; евроатлантизм; новое евразийство.

Содержание, изменения и практическая реализация Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»

Ван Цзяхуэй

Аннотация. Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» является одним из базовых законов, регулирующих иностранную инвестиционную деятельность в России. В целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также увеличения прозрачности инвестиционной политики в России, законопроектом устанавливаются сферы, в которые ограничивается доступ иностранного капитала, порядок осуществления контроля и меры гражданско-правовой ответственности за нарушения и неисполнения обязательств. В данный правительственный законопроект четыре раза вносились изменения, вызванные необходимостью проведения более детальной проработки нормативных актов, повышения «маневренности», снижения порога для входа иностранных инвестиций. Для обеспечения нормального функционирования данного законопроекта правительством РФ и Федеральной антимонопольной службой России был разработан ряд комплексных нормативных актов. Практическая реализация законопроекта уже дала некото-

рые ожидаемые результаты, однако ряд его положений все еще нуждаются в доработке и корректировке.

Ключевые слова: Россия; стратегические сферы; безопасность государства; иностранные инвестиции.

Проблемы имиджа России в западном сообществе

Сюй Хуа

Аннотация. Западное сообщество уже весьма долгое время оказывает значительное влияние на мировое общественное мнение и имеет значительное преимущество в таких сферах, как распространение международного имиджа и продвижение «мягкой силы». Вследствие исторических претензий и культурных конфликтов, исторический образ не только царской России и СССР, но и современной России рассматривается западным обществом как «чуждый», западные СМИ часто создают негативный образ России. Между тем, нынешняя Россия в процессе распространения международного имиджа и формирования «мягкой силы» большей частью извлекает уроки из опыта западного общества, и это может привести к тому, что процесс конструирования и распространения международного имиджа России может войти в структурный тупик, выйти из которого будет весьма сложно.

Ключевые слова: Россия; международный имидж; «мягкая сила»

Краткий анализ развития советского (российского) кинематографа и его влияние на киноиндустрию Китая

Гэ Синьжун

Аннотация. Кино, как средство распространения культуры, занимает важное место в обменах и сотрудничестве между странами. Советские фильмы, отличающиеся сюжетностью и разнообразием жанров, сыграли значительную роль в развитии мирового киноискусства. Влияние советского кино на китайский кинематограф также

было колоссальным, при этом оно отразилось на формировании как его формы, так и содержания. После распада СССР Китай и Россия стали искать новые пути сотрудничества в сфере киноиндустрии. По мере углубления китайско-российского культурного сотрудничества, китайско-российские обмены и сотрудничество в сфере киноиндустрии стали важным содержанием двусторонних отношений в сфере культуры.

Ключевые слова: Советский Союз; Китай; кино; сотрудничество и обмены

Краткий анализ взглядов Л. Толстого на крестьянство и созданных им крестьянских образов

Чжан Синюй

Аннотация. На протяжении всей своей жизни Лев Толстой испытывал глубочайшую симпатию к крестьянам, он всегда изучал проблемы крестьянской жизни и в публицистических произведениях излагал свою точку зрения на эти проблемы и предлагал пути их решения. В своих художественных произведениях Толстой также показал жизнь крестьянина до и после отмены крепостного права, подробно описал бытовые условия русского крестьянина, его духовно-нравственный облик и особенности характера, сделав выдающийся вклад как в русскую, так и в мировую литературу.

Ключевые слова: Лев Толстой; крестьянский вопрос; крестьянские образы

Трудноосуществимое сотрудничество — Отношения между Китаем и государствами- участниками Организации Варшавского договора

Ли Жуй

Аннотация. Создание в 1955 году Организации Варшавского договора (ОВД) было вызвано угрозой миру в Европе, созданной ратификацией западными государствами Парижских соглашений 1954 г., предусматривающих образование Западноевропейского

союза, ремилитаризацию Западной Германии и включение ее в НАТО. Первое время Китай оказывал всестороннюю поддержку ОВД, но по мере того, как происходило ухудшение китайско-советских отношений, Китай стал рассматривать ОВД как потенциальную угрозу для безопасности страны, произошло заметное изменение отношения Китая к данной организации. Согласно китайским документам и материалам, рассекреченным странами Восточной Европы, касающимся развития отношений между Китаем и участниками Варшавского Договора, изменение позиции Китая было обусловлено такими основными факторами, как международная обстановка, внешняя политика и его собственные интересы. А страны Восточной Европы играли определенную сдерживающую роль в ходе проведения СССР по отношению к Китаю политики «изоляции».

Ключевые слова: Холодная война; китайско-советские отношения; Организация Варшавского договора

Анализ жизненной ситуации русских учителей-женщин в конце 19-го – начале 20-го столетия

Чжан Гуансян, Чжан Вэньхуа

Аннотация. В России допускать к преподаванию женщин начали в 60-70-е годы 19-го столетия, а в конце 19-го – начале 20-го столетия наблюдается процесс феминизации педагогических кадров, особенно преобладало число женщин на должности учителей сельских и деревенских школ. Под влиянием пережитков традиционного общества учителя-женщины часто сталкивались с несправедливым к ним отношением. Что касается профессиональной деятельности, на учителей-женщин возлагались большие задачи, на работе они испытывали значительный стресс, в сфере руководства им отводилась пассивная роль; у учителей-женщин зарплата была ниже, чем у учителей-мужчин, степень удовлетворенности профессией была невысокой, многие из них уходили с должности; в межличностных отношениях они также находились в пассивной позиции, им не доставало политического энтузиазма,

и они испытывали духовное одиночество. В непрофессиональной сфере деятельности они также сталкивались с рядом проблем: по сравнению с учителями-мужчинами у них было меньше возможностей получить дополнительный заработок, они пользовались меньшим доверием со стороны крестьян, также весьма серьезной была проблема замужества и др. Однако учителя-женщины продолжали упорно трудиться, и благодаря своей самоотверженности и оригинальным методам обучения, им удалось достичь не только неожиданных успехов в преподавательской деятельности, но и постепенного признания обществом.

Ключевые слова: Россия; сельские учительницы; ситуация в сфере профессиональной деятельности; ситуация в сфере непрофессиональной деятельности

Исследование предварительной цензуры литературных изданий в СССР в 30-40-е годы 20-го в. на основе исторических архивов

Сюй Лунбинь

Аннотация. В 30-40-е годы 20-го столетия предварительная цензура литературных изданий в СССР начала ужесточаться. Перед выходом в печать все произведения проходили серьезнейшую проверку органами, осуществлявшими цензурные постановления, и пройти эту проверку было весьма непросто. Однако органы цензурного контроля все же не могли запретить все “идейно-вредные произведения”, не могли предотвратить их встречу с читателями. Руководители всех органов контроля остро чувствовали урон, наносимый этой цензурой, видели и ее недостатки. Однако они не осмеливались открыто порицать эту систему, наоборот, они решительно пресекали все попытки ослабления цензуры.

Ключевые слова: 30-40-е годы 20-го столетия; Советский Союз; литературные издания; предварительная цензура

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ, №5, 2014

Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС и китайско-российское сотрудничество

Ли Цзяньминь

Аннотация. Выдвижение Китаем инициативы о формировании экономического пояса Шелкового пути является важной стратегической мерой, направленной на всестороннее расширение внешней открытости Китая. Концепция экономического пояса Шелкового пути поддерживает идею равноправного сотрудничества стран с разными уровнями развития, разной культурой и традициями, разными природными ресурсами, разными социальными строями. Это сотрудничество позволит совместно пользоваться результатами развития, ключевым моментом станет создание инновационной модели сотрудничества, и благодаря сотрудничеству и обмену географические преимущества стран обратятся в результаты практического сотрудничества. Ключевые звенья, трудности и препятствия строительства экономического пояса Шелкового пути лежат вне Китая. Центральная Азия является ключевым районом экономического пояса Шелкового пути. Китаю необходимо наладить отношения с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), возглавляемым Россией, совместно продвигать региональное сотрудничество. Как показывает текущая ситуация, у экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС есть точки пересечения, основными направлениями сотрудничества станут электроэнергетика, сельское хозяйство, финансы.

Ключевые слова: Китай; экономический пояс Шелкового пути; Евразийский экономический союз; Россия; сотрудничество

Экономический пояс Шелкового пути и новые шансы китайско-российского сотрудничества

Чжан Цзяньпин, Ли Цзин

Аннотация. Строительство экономического пояса Шелкового пути базируется на “пяти коммуникациях” между странами региона (политические контакты, дорожное сообщение, свободная торговля, денежное обращение, единоподушие народов). Проект имеет концепцию развития, содержание строительства, пространственную открытость и инклюзивность. У Китая и России имеется обширное пространство для взаимовыгодного торгового-экономического сотрудничества. Это может быть как макроэкономическое сотрудничество, так и сотрудничество в таких направлениях, как совместное развитие и стыковка трансграничных инфраструктурных объектов, расширение масштабов двусторонней торговли и инвестиций, углубление взаимодействия в финансовой сфере, в сфере высоких технологий и образования, энергоресурсов, производственной и сельскохозяйственной отраслях.

Ключевые слова: Китай; Россия; экономический пояс Шелкового пути

Транс-Евразийский пояс развития

В.И. Якунин, Пер. Чжун Цзяньпин

Аннотация. Проект Транс-Евразийский пояс развития (ТЕПР) является принципиально новым геоэкономическим, геополитическим и геокультурным концептом. Это интегральный проект солидарного развития на евроазиатском континенте. Он должен стать альтернативой текущей неолиберальной модели, которая стала причиной системного кризиса. Проект ТЕПР предлагает различные концепции: солидарное развитие, сотрудничество, мирное движение к новой модели развития, введение в экономику категории «ценность». Проект предполагает проектирование разных по своей природе типов инфраструктуры (технологической, инновационной, индустриальной, финансово-инвестиционной), интегрированных в единый комплекс; раз-

витие территорий не на основе экономического роста (т.е. роста экономических показателей), а на проектной основе включения этих земель в развитие транс-региональной, транс-страновой и транс-континентальной инфраструктуры. Без сомнения, китайско-российское сотрудничество в железнодорожной отрасли будет играть важную роль в развитии ТЕПР.

Ключевые слова: Транс-Евразийский пояс развития; экономика духовного типа; интегральная инфраструктурная система; китайско-российское сотрудничество в железнодорожной отрасли

Развитие китайско-российских отношений в новой обстановке

Ван Хайюнь

Аннотация. На фоне реализации Китаем и Россией международной стратегии китайско-российские отношения – это самые важные в мире двусторонние связи и наилучшие отношения великих держав. В нынешней ситуации Китай и Россия должны укреплять стратегическое сотрудничество в таких направлениях, как продвижение формирования глобального порядка, содействие международному стратегическому балансу и мирному развитию планеты. Стратегические интересы и стратегическая концепция Китая и России близки, что стало прочной основой для углубления отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства. Китай и Россия должны усилить взаимное понимание важных стратегий, реализуемых сторонами. В соответствии с новой обстановкой и новыми требованиями к развитию двусторонних отношений, необходимо выработать всесторонний стратегический план, и таким образом вывести китайско-российские отношения на новый уровень развития.

Ключевые слова: Китайско-российские отношения; «квазимногополярный» мир; стратегическая основа; новый этап

Влияние украинского кризиса на внешнюю и внутреннюю политику России

Ван Сяньцзюй

Аннотация. Кризис на Украине продолжается. Украинский кризис негативно повлиял на отношения России и Украины, на отношения России и Запада, оказал серьезное влияние не только на политику России в отношении стран СНГ и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и на политическую, экономическую и социальную ситуацию в России. В ответ на санкции со стороны Запада Россия, с одной стороны, используя конфликт между США и Европой, делает работу ЕС; с другой стороны, Россия усиливает дипломатические отношения со странами Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия надеется расколоть Запад и получить большую поддержку развивающихся стран. Значимость китайско-российских отношений также проявляется в свете украинского кризиса, стороны принимают меры для расширения торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Украинский кризис; Россия; внутренняя и внешняя политика; влияние

Влияние отсталой сферы производственных услуг на реиндустриализацию и переход России к постиндустриальному обществу

Хань Шуан, Сюй Полин, Лю Линь

Аннотация. До настоящего времени успехи рыночной трансформации экономики России в институциональном строительстве еще не трансформировались в результаты экономической эффективности. Экономическая эффективность, эффективность производственной отрасли и проблемы внедрения технологических инноваций по-прежнему являются основными препятствиями дальнейшей трансформации российской экономики и общества. Также нельзя оставить без внимания и отсталость развития сферы производственных услуг. Помимо отсталости

сферы производственных услуг, уровень и качество развития ряда российских отраслей, таких как финансовые услуги, логистика, информационное обслуживание, транспорт, развитие технологий и исследований значительно ниже, чем в развитых странах. Отсталость сферы производственных услуг оказывает негативное влияние на реиндустриализацию и переход России к постиндустриальному обществу.

Ключевые слова: Россия; сфера производственных услуг; трансформация; производственная структура; экономическая эффективность

Цензура в России и «эзопов язык» в русской литературе

Лю Вэньфэй

Аннотация. В России цензура существует столько же, сколько и литература. Русская литература в борьбе с цензурой проявила большую жизненную силу, и именно поэтому в ней появились различные парадоксальные явления. Одним из средств защиты русской литературы от цензуры стал так называемый «эзопов язык». В русской литературе эзоповский стиль стал мощным оружием против цензуры. Русская литература, цензура и «эзопов язык» образовали «культурный треугольник», символизирующий конфронтацию и компромисс, гармонию и взаимодействие между политическим режимом, литературой и языком в России.

Ключевые слова: Русская литература; цензура; «эзопов язык»

Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского на примере повести «Записки из подполья»

Дай Чжоумэн

Аннотация. Творчество Ф. М. Достоевского отражает его восприятие опасностей жизни. Писатель пытается решить проблему личной ответственности человека, в его художественном мире мы видим не только конфликт личности и общества, столкнове-

ния людей между собой, но и конфликт человека с самим собой. Мотивы творчества Достоевского и идеология 20-го века весьма близки, к тому же его творческий опыт стал образцом литературы экзистенциализма, Достоевский считается одним из предшественников экзистенциализма. Можно сказать, что размышления Достоевского о человеке и о мире «раздвинули занавес» сознания 20-го века.

Ключевые слова: Экзистенциализм; «человек из подполья»; мышление «подпольного человека»

Современная российская философия в поисках идентичности

**Г.П.Куликов, М.Н. Рассоха,
Пер. Чжоу Лайшунь,
Корректор Люй Хунчжоу**

Аннотация. Идентичность – ключевой вопрос современной российской философии. Изучение проблемы идентичности напрямую связано с развалом советской философской системы и с возникшим вследствие этого в современном российском философском сообществе неоднозначным и путанным пониманием философии. По мнению авторов, прежде чем приступить к изучению проблемы идентичности необходимо определить предмет философии и ее основные вопросы. Определение понятия предмета философии должно быть единым, должен применяться монистический подход. Плюралистический подход к определению понятия предмета философии на самом деле не расширяет, а ограничивает возможности познания мира. По существу, предмет изучения философии создал понимание связи антагонистических и относительно универсальных отношений в природе обществе и культуре. Его цель – создание условий для всестороннего, полного и гармоничного развития свободной личности.

Ключевые слова: Россия; идентичность; мировоззрение; идеология; базовые проблемы философии

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ, №6, 2014

Отношения между странами Центрально-Восточной Европы и США после окончания холодной войны

Чжу Сяочжун

Аннотация. После окончания холодной войны отношения с США стали составной частью внешней политики стран Центральной и Восточной Европы. На протяжении 25 лет трансформационных преобразований, страны Центрально-Восточной Европы, продвигая свои национальные интересы, стремились к развитию двусторонних отношений с США и пережили несколько фаз: романтическую, становление «новой Европы», разочарование, требование повторных гарантий и др. На фоне постоянных трений в отношениях США с Европой, США также усилили поиск новых союзников в Европе, оказывая странам Восточной и Центральной Европы политическую, экономическую поддержку и поддержку в сфере безопасности, чтобы тем самым сделать их своими союзниками при решении ключевых международных вопросов. В дальнейшем на развитие стран Восточной и Центральной Европы и США оказало влияние взаимное узнавание в новой ситуации, эволюция трансатлантических отношений и тенденции развития отношений России и Запада.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа; США; двусторонние отношения; система противоракетной обороны

Предварительные исследования взаимосвязи между демократизацией и маркетизацией в странах Восточной и Центральной Европы

Гао Гэ

Аннотация. Зайдя в тупик, процессы демократизации и маркетизации в странах

Восточной и Центральной Европы показали отрицательную связь. Маркетизация в условиях политической нестабильности, и демократизация в условиях замедления экономического роста оказали негативное влияние друг на друга, тем самым усугубив свои проблемы. В период благоприятного развития демократизация и маркетизация оказывают друг на друга благоприятное влияние, и чем выше степень демократизации и маркетизации, тем активнее эти два процесса стимулируют и продвигают друг друга. И именно поэтому в странах с активной демократизацией, прочным демократическим режимом и стабильной политической ситуацией процесс маркетизации и экономическое развитие более интенсивные, а рыночная экономика более зрелая. Эта позитивная корреляция между демократизацией и маркетизацией в странах Восточной и Центральной Европы способствует совместимости принципов демократии и рыночных отношений и более того содействует усилению регулирующей и стимулирующей роли ЕС.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа; демократизация; маркетизация

Интеграция в ЕС: влияние на экономическое развитие стран Вышеградской группы на примере Чехии

Цзян Ли

Аннотация. Интеграция в ЕС 10 лет назад принесла странам Вышеградской группы (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) ряд преимуществ: продвижение роста валового национального продукта, расширение экспорта, несколько сократился разрыв в уровнях доходов населения государств ВГ и старых стран-членов ЕС, во многих странах-членах значительно улучшилось качество жизни граждан. Однако надежды государств ВГ достичь уровня жизни развитых стран Западной Европы не осуществились. Так, к примеру, Чехия после вступления в ЕС пережила два периода крупных спадов в экономике, а нерациональное использование средств фонда ЕС и непоследовательность политики в отноше-

нии ЕС и другие факторы стали основными причинами неудачного экономического сближения Чехии и ЕС. И вместе с тем негативные последствия от членства в ЕС, о которых беспокоились государства ВГ, не стали реальностью.

Ключевые слова: Интеграция в ЕС; Вышеградская группа; Чехия; экономическое влияние

О создании программы десталинизации и трудностях ее реализации в России

Чжан Шэнфа

Аннотация. В феврале 2011 года Дмитрий Медведев, занимавший в ту пору пост президента России, в соответствии с его собственными ценностями и концепциями государства после активной двухлетней резкой критики преступлений Сталина одобрил предложенную ему общенациональную государственно-общественную программу десталинизации – «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Главная цель программы – модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима. Эта программа охватывает ряд направлений: увековечение памяти жертв тоталитарного режима – установка памятников жертвам тоталитаризма в городах и в местах их захоронений, создание музейно-мемориальных комплексов, создание двух музейно-мемориальных комплексов общенационального значения, посвященных истории террора тоталитарного режима в Москве и Санкт-Петербурге, издание книг памяти и создания единой базы данных жертв репрессий, запуск механизмов социальной поддержки жертв тоталитаризма. Однако дальнейшая реализация этой программы столкнулась с проблемами, поскольку президент Путин не намерен полностью отрицать историю СССР и историческую роль Сталина, программа десталинизации была неоднозначно воспринята в российском обществе; между Россией и зарубежными странами, и в особенности союзниками бывшего советско-восточноевропейского блока и республиками

бывшего СССР, существуют споры и разногласия по историческим проблемам.

Ключевые слова: Десталинизация; Медведев; Путин; Федеральная целевая программа

Анализ политической ситуации в России после муниципальных выборов в сентябре 2014 г.

Б.П. Гуселетов Пер. Чжан Гуансян, Хуэй Юньци

Аннотация. С того времени как В. Путин был избран Президентом РФ в 2012 году, его позиции укрепились и усилились. Суть прошедших в сентябре 2014 года выборов в регионах РФ заключалась в сохранении политического статуса действующих глав исполнительной власти, и для обеспечения их победы на выборах партия власти предоставила им защитный механизм, к тому же были проведены предварительные выборы. Эти действия преследовали две цели. Первая – сохранить максимальный баланс между федеральными и муниципальными выборами. Вторая – чтобы избранный глава исполнительной власти незамедлительно мог принять новую резолюцию и обеспечить ее легитимность, и тем самым предотвратить обострение экономических и социальных проблем. Кандидаты от правящей партии «Единая Россия» набрали 77% голосов, единороссы лидировали с абсолютным преимуществом, в то время как у таких крупных парламентских партий как КПРФ, «Справедливая Россия» и др. наблюдается медленный распад избирательной базы и снижение их политического влияния. Модель местных выборов 2014 года может вызвать ряд негативных последствий: разрушение механизма конкуренции, вследствие осложнения экономического и политического положения в стране партия власти должна будет провести новые выборы, могут произойти изменения структуры партийной системы, сократится число фракций, что окажет негативное влияние на социально-политическую устойчивость. В этой ситуации, чтобы обеспечить стабильность существующей системы, партия власти будет стремиться всеми способами поддержать Путина.

Ключевые слова: Выборы; глава исполнительной власти; партия «Единая Россия»; политическая ситуация; социально-экономические проблемы

Анализ проблем государственного управления в новую путинскую эпоху

Хуэй Хэ

Аннотация. После распада Советского Союза российское общество и государство пережили несколько этапов: переход от хаоса к стабильности, от стабильности к быстрому развитию, и к текущему периоду замедления развития. В этот период в системе государственного управления, в ходе неоднократных процессов регулирования, сформировалась текущая институциональная структура. Эти институциональные механизмы оказали прямое влияние на эффективность и результативность государственного управления и социального развития России. В настоящее время в России существуют проблемы в таких сферах, как строительство легитимной политической системы, формирование механизма принятия решений, исполнительной системы, механизмов обратной связи и механизмов регулирования. И эти проблемы возникли вследствие утраты системой управления способности эффективно и своевременно оказывать управляющее воздействие.

Ключевые слова: Новая эпоха Путина; государственное управление; механизмы блокирования

Краткий анализ развития российско-грузинских отношений на современном этапе

Люй Пин

Аннотация. Бывший президент Грузии Михаил Саакашвили, вследствие таких причин как поражение Грузии в российско-грузинской войне и признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии разорвал дипломатические отношения с Россией. Премьер-министр Грузии Бидзина Иванишвили, лидер коалиции, одержавшей победу на

парламентских выборах 1 октября 2012 года, столкнувшись со стоящей на пороге экономического краха послевоенной Грузией приступил к изменению односторонней прозападной внешней политики, которой придерживалось правительство Саакашвили. При активном сотрудничестве России и Грузии происходит постепенное налаживание отношений двух стран в экономической, культурной и гуманитарной сферах, сопровождающееся стремительным ростом взаимного товарооборота. Однако в связи с тем, что позиция Москвы по Абхазии и Южной Осетии останется неизменной, а Грузия не оставит своих намерений вернуть утраченные территории, для истинной нормализации российско-грузинских отношений потребуется время.

Ключевые слова: Россия; Грузия; российско-грузинские отношения

Мобилизационная система и традиции российской элиты

Чжан Хаоци

Аннотация. Суровые природные условия и перманентная потребность в обороне и безопасности являются важными условиями реализации системы мобилизационной подготовки в России, и в связи с этим традициям российской элиты также присущи мобилизационные особенности. Под влиянием мобилизационного типа развития и боярской аристократии, и дворянам, и царским чиновникам, и советской номенклатуре, и российской политической элите было присуще такое качество, как служение обществу. Они являлись инструментом достижения намеченных целей политической верхушки. После того, как они утрачивают это качество, их заменяют другой служащей элитой. Нынешняя элита в России относительно закрыта и неэффективна.

Ключевые слова: Россия; политическая элита; мобилизационная система; политическая культура

Рецензия на книгу: «Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитический доклад/ А.И.Подберезкин, М.А.Мунтян, М.В.Харкевич и др.; рук. авт. коллектива А.И. Подберезкин; Моск. Гос. ин-т междунар. отношений (у-нт.) МИД России, Центр военно-политических исследований. – М.:МГИМО-Университет, 2014. – 164 с. ISBN 978-5-9228-1159-0

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Прогностические оценки будущего уверенно вошли в научную и политическую практику XXI века. К сожалению, огромное количество накопившихся материалов не всегда облегчает принятие конкретных решений. В условиях возрождения российской государственности шаг за шагом возрождается и российская традиция аналитического прогнозирования в области мирового развития. Свидетельством этого отрадного явления стала публикация в конце 2014 года подробного аналитического доклада «Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки», подготовленного экспертами Центра военно-политических исследований МГИМО (У) МИД РФ под руководством профессора А.И.Подберезкина. То обстоятельство, что вступительные замечания к первому выпуску Доклада были написаны Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е.Нарышкиным и Генеральным директором ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» Я.В.Новиковым, позволяют судить о значимости научных результатов прикладных исследований международной безопасности, проводимых в МГИМО (У) МИД РФ.

При знакомстве с новыми аналитическими материалами, характеризующими общие тенденции развития военно-политической обстановки (ВПО) XXI века на этапах до

2030 и далее 2050-х годов, наше внимание привлекает прежде всего широта аналитической картины мира, объемность отражения международных процессов, исследование как военно-технических, так и других кардинальных для сферы безопасности вопросов. Как справедливо указывается в Докладе, тенденции международной обстановки (МО) последних десятилетий поставили Россию перед необходимостью «вписать» свою оборонную стратегию в систему ценностных координат с учетом не только военных, но и цивилизационных вызовов. Мысль о тесном переплетении задач укрепления обороноспособности России с целями нейтрализации угроз национальной идентичности, которые генерирует американский проект однополярного мира, проходит красной нитью через все содержание Доклада.

Значительный общий интерес представляет собой и другой аспект работы – предметное описание методологии научного проекта, подходов к формулированию принципов анализа долгосрочного развития ВПО в тесной взаимосвязи с тенденциями изменения международной обстановки. В частности, учитываются военные, экономические, гуманитарные, политические характеристики отношений основных субъектов ВПО (государств, союзов, коалиций), негосударственных акторов (общественно-политических силах, группировках, политических организациях и т.д.), типы взаимодействия в сфере международной безопасности, динамичные реалии научно-технического развития. Рассмотрение долгосрочных сценариев развития ВПО до 2030 и 2050 годов, т.е. последовательный переход от фиксации современного состояния ВПО к стратегическому прогнозированию, предполагает, что любой из акторов, участвующих во взаимодействии, должен рассматриваться, как минимум через призму трех качественных измерений. Во-первых, оценки итогов развития субъектов ВПО в 2030 или 2050 годах с учетом их формального статуса и военной мощи, измеряемой с количественной (размер ВВП, танки, самолеты и т.д.) и качественной сторон. Речь идет об оценке практически всех государств и военно-политических коалиций по сотням параметров, что означает учет десятков и со-

тен тысяч находящихся в динамике и в процессах качественных изменений факторов. Во-вторых, оценки изменений международной значимости негосударственных субъектов ВПО, ныне наращивающих свое влияние и играющих все более важную роль во внешних, а также внутренних конфликтах и войнах. В-третьих, ответа на вопрос, как будут формироваться отношения между всеми основными факторами, субъектами и тенденциями развития человеческих и локальных цивилизаций.

Инструментальные возможности подготовки ответов на важнейшие установочные вопросы, а также для последующей детализации состояния международной среды, опосредуются рядом матричных форм, параметры которых позволяют проводить сравнительный анализ количественных и качественных показателей формирования ВПО на различных этапах мирополитического развития.

Примечательно, что обращение к использованию потенциала сравнительного анализа на основе применения матричных классификаторов позволяет авторам Доклада формулировать ряд прогностических представлений о наборе наиболее вероятных трендов развития ВПО и МО, которые, по их мнению, характеризуются усилением негативных (конфронтационных) ориентиров и требуют расширения усилий для размыкания политического фундамента конфликтных предпосылок, поиска общечивилизационных интересов (потребностей) человечества.

Апеллируя к реальным международным процессам, авторы Доклада указывают, что на базе усилий по преодолению конфликтогенных условий, противопоставляющих интересы цивилизационных сегментов мирового сообщества, необходимо создание новых и активизация существующих механизмов обеспечения безопасности, понимая при этом, что США и ряд их союзников вполне удовлетворены механизмом НАТО. Поэтому актуальный с 1975 года тезис о пространственном измерении Европы «от Лиссабона о Владивостока» остается не реализованным, хотя вполне очевидно, что раздел Европы на «Европу» и «Россию» не

выгоден России, но он очень выгоден США и Великобритании. Поэтому в XXI веке, именно в контексте укрепления межцивилизационного сотрудничества как противовеса конфронтации, целесообразно расширить представления о пространстве Европы до масштабов пространства Евразии. При этом расширение сферы безопасности вряд ли окажется ограничено границами одного макрорегиона, поскольку любой сценарий развития ВПО в ее технологическом измерении будет предполагать глобальный охват.

Следуя методологическим установкам Доклада, исследователь не должен опираться только на один конкретный образ будущего. Он должен понимать, что любой сценарий развития МО и ВПО предполагает многовариантность и учет реальных возможностей реализации. В этой связи за основу практической разработки не целесообразно принимать ни однозначные, ни слишком варьирующиеся концепты, и более оправданным является выбор двух-трех наиболее вероятных сценариев развития ВПО, которые будут приняты к дальнейшему рассмотрению. Когда же речь идет уже о следующем, практическом этапе подготовки решений, то специалисты, оперируя представлениями о двух-трех базовых трендах, должны быть готовы к ответной и несимметричной реакции среды на максимально большое число сценариев развития ВПО и их инвариантов, предлагать универсальные способы противодействия на большое число разнообразных вызовов. Хотелось бы подчеркнуть, что такой инверсивный методический прием планирования действий не несет в себе логических противоречий. Очевидно, что национальных ресурсов для адресных ответов на все вызовы никогда не хватит и необходимо стремиться к агрегированным средствам решения оборонных задач. В целом, как следует из методологии Доклада, системность анализа и прогноза сценариев развития ВПО является краеугольным камнем укрепления потенциала России в контексте глобальных и региональных изменений в период до 2030 и далее до 2050 годов.

Наряду с обязательным следованием правилам системности, инструментальные свойства прогнозов развития сценариев

ВПО на концептуальном уровне, обеспечивает также применение ряда методов анализа национальных и групповых интересов (потребностей) и формируемых на их основе целей; методов анализа соотношения сил; метод анализа последовательной и полной цепочки событий (ивент-анализ); метод моделирования и количественного анализа; метод контент-анализа и ряд других.

В отличие от подавляющего большинства опытов использования сценарного подхода в аналитическом прогнозировании, авторы Доклада не ограничиваются учетом лишь объективной стороны полученных результатов. Они справедливо подчеркивают важность субъективной оценки лиц, принимающих решения для принятия адекватной моменту линии поведения. Обращаясь к российской действительности, они указывают, что «в 2013–2014 годах в России активизировалась дискуссия и политическая активность в военно-политической области, которые сопровождались цепной серией важных, хотя порой и запоздалых, ключевых военно-политических и организационных решений... Но сегодняшняя реакция высшего эшелона правящей элиты была вызвана новыми принципиальными причинами: во-первых, обострением ВПО в мире, очевидным и неожиданным для многих усилением антироссийской направленности во внешней политике США и целого ряда государств, представляющих локальную западную цивилизацию. Войны и военные конфликты XXI века от войны в Югославии и Ираке до войны в Сирии и на Украине – стали яркими примерами готовности Запада не только игнорировать нормы международного права, которые он многие годы пытался объявлять незыблемыми, но откровенно использовал военную силу по своему усмотрению. Цепь «цветных революций» (на пространстве СНГ и в других регионах) показала готовность Запада к резкому обострению ситуации и дестабилизации как средству «перестроения» человеческой цивилизации под свою систему ценностей...; во-вторых, объективным процессом можно признать дальнейшее избавление правящей российской элиты от иллюзий протестантского

идеологического либерализма, лежавших в основе внешней и военной политики России со времен М.Горбачева... По мере усиления агрессивной внешней политики США и ЕС он пришел в качественно иную плоскость – с отказом В.Путина от всех навязанных Западом норм и правил, которые выполнялись в предыдущие десятилетия. <...>Собственно последующие эскалация санкций США и их союзников во время украинского кризиса и была политикой «силового принуждения» России к соблюдению именно этих западных норм и правил...» (стр. 24).

Процесс осознания российской элитой системы новых приоритетов происходит достаточно медленно и не завершится в 2015 году. Начатое по инициативе В.Путина, движение не только «к более глубокому политико-идеологическому отходу от примитивного либерализма, но и к формальному его закреплению в политических, юридических и нормативных документах и кадрово-организационных решениях» будет продолжаться (стр.25), однако, как следует из смысла Доклада, на этом пути Росси неизбежно подстерегают серьезные столкновения мнений, которые будут требовать адекватности субъективных оценок перспектив развития в интересах принятия адекватных вызовам решения. Как свидетельствует исторический опыт, «оценка сценариев развития ВПО отнюдь не всегда может и бывает объективно адекватной. Даже полная и качественная информация, анализ и достоверный прогноз отнюдь не гарантирует адекватную – своевременную – ответственную реакцию правящей элиты... Так, с точки зрения реальной политики и трагических последствий для России ультралиберального внешнеполитического курса М. Горбачева (Э. Шеварнадзе, А. Яковлева) – Б. Ельцина (А. Козырева, Е. Гайдара) очевиден, как и провал односторонней ориентации на Запад, так и курс необоснованных уступок. Трагизм, ошибочность и провалы (даже преступления) подобной внешней политики признает отнюдь не вся отечественная элита.» (стр. 25).

Каким же методическим условиям должен отвечать процесс выбора конкретных вариантов из набора сценариев развития ВПО? В Докладе указывается, что этот про-

цесс изначально и в обязательном порядке предполагает создание некоей иерархической модели, позволяющей систематизировать имеющиеся и часто противоречивые сценарии, и встроить эти сценарии в сценарии развития более масштабных и универсальных сценариев развития человеческой цивилизации и международных отношений, имеющим приоритетный по отношению к сценариям ВПО характер. Также необходимо выделить основные факторы, влияющие на формирование ВПО, определить временные различия между современными (существующими) сценариями МО и ВПО и возможными будущими – в 2030 и 2050 годах. Третьим условным шагом построения модели является выделение из максимального числа возможных сценариев ВПО наиболее вероятных, требующих более внимательного учета с последующей дифференциацией инвариантов всех сценариев ВПО. Строго говоря, речь идет о построения модели по типу проблемного дерева, когда на нижнем уровне графической структуры фиксируются стабильно инертные состояния гипотетической ситуации.

Как показывают результаты исследования, проводимого авторами Доклада, подобная, связанная с элементами формализации системность построения сценариев требует развернутой оценки не только таких невоенных факторов формирования ВПО как состояние финансовой и торговой системы, но и цивилизационно-культурной традиции, идеологических и ментальных воззрений потенциальных участников возможных эпизодов военного противостояния на прогнозируемых этапах будущего.

По-видимому, для исчерпывающего подтверждения заложенных в методологическом разделе Доклада возможностей долгосрочного прогнозирования военнополитической обстановки требуется планомерная работа большого исследовательского коллектива. Однако полученные участниками проекта результаты уже являются серьезным аналитическим продуктом.

Примечательно, что смысл гипотетического будущего, очерченный исходя из наблюдаемых сегодня достаточно тревожных явлений, ни в коей мере не упрощает веро-

ятностную картину мира. Как подчеркивают авторы Доклада, важно понимать, что развитие ВПО в будущем не имеет исключительно негативной, опасной направленности. По их мнению, теоретически существуют варианты сценариев относительно мирного развития ВПО, однако их реализация возможна в исключительных случаях в течение короткого периода времени (стр. 46). Теоретически позитивные сценарии развития ВПО возможны, когда развитие конфликтов и войн сдерживается угрозой применения таких сил (государств, коалиций, организаций) и средств (вооружений и военной техники) противодействия, которые делают риск использования военной силы чрезвычайно высоким, не соответствующим политическим и экономическим целям войны или конфликта. Другими словами, в условиях нормального развития локальных человеческих цивилизаций (без очевидного резкого обострения кризиса) позитивные сценарии развития ВПО могут развиваться по нескольким вариантам, условно обозначенными как «общецивилизационное благополучие», «усиление многополярности» «создание системы военно-политической безопасности на основе «российского ядра» в Евразии». При несомненной привлекательности позитивных сценариев ВПО, вряд ли все оптимистические прогнозы на глубину до 2020 и далее до 2050 годов будут успешно реализованы. Поэтому, как полагают авторы Доклада, необходимо учитывать и другие, менее благоприятные для России варианты изменений на международной арене. Их характеристика опосредована тремя основными блоками, объединяющими семнадцать событийных проекций глобального, регионального и локального уровней.

Первый блок: «Сценарии усиления геополитической конфронтации» (стр. 61–103), привлекает внимание в силу вероятности радикальных изменений военно-политической обстановки, которые могут происходить даже более высокими темпами, чем развитие вооружений и военных технологий. Усиление геополитической конфронтации определяется тенденцией обострения прежних и возникновение новых угроз в XXI веке, каждая из которых не может быть вызвана только тактически-

ми, причинами, некими случайностями или изолированными трендами мирового развития. К сожалению, в основе этих негативных глобальных причин находится классический конфликт локальных цивилизаций в борьбе за контроль над территориями и за возможность влиять на формирование системы ценностей и норм поведения в мире. Сегодня вполне очевидно что одна цивилизация стремится навязать свое понимание мира другим, а другие – защитить свои ценности и интересы. Печальные последствия движения человечества в русле усиления геополитической конфронтации как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе вполне очевидны.

Второй сценарный блок: «Сценарии евразийской военно-политической интеграции» (стр. 103–133). Его траектория определяется незаинтересованностью западной локальной цивилизации в участии, а тем более в создании новой, т.е. любой помимо НАТО, системы международной, евразийской или европейской безопасности. Подобный «консерватизм» рассчитан на закрепление различных форматов доминирования западных держав в глобальном пространстве, что не может устроить ни Россию, ни другие страны, стремящиеся защитить свой суверенитет и национальную идентичность. В этой связи безопасность России в XXI веке прямо зависят от способности предложить альтернативу западной позиции. Россия должна приложить максимальные усилия для создания альтернативной системы безопасности, включая военно-политические механизмы ее обеспечения – союзы коалиции договоренности (особенно в области ВКОБО, борьбы с терроризмом в т. ч. в политической, научной и экономической областях).

Несмотря на то, что любые союзы (ТС, ШОС, БРИКС и др.) будут рассматриваться представителями западных держав как потенциально враждебные, в Докладе подчеркивается, что в среднесрочной перспективе существует не только теоретическая, но и практическая возможность широкой военно-политической интеграции в Евразии как механизма противодействия усилению одностороннего геополитического влияния США и НАТО.

Третий сценарный блок: «Военное сдерживание как сценарии развития ВПО» (стр. 133–153) важен для понимания сути современных стратегических ориентиров отечественной оборонной политики. В нем нашли отражение многие моменты дискуссии в среде российской научной элиты и определяются ключевые моменты выбора оптимальных вариантов развития российской военной мощи.

Опровергая либеральные утверждения, о том, что в мире XXI века военная сила уже не позволяет эффективно контролировать страны и народы, что природные ресурсы куда проще купить, чем завоевывать, и что большие пространства перестали быть ценностью, материалы Доклада устанавливают не только ошибочность подобных идей, использовавшихся еще для оказания давления на СССР, но дезавуируют их как часть информационного прикрытия национальных американских интересов. Опираясь на подробную матрицу эволюции конфронтации в современных военных конфликтах и войнах, авторы Доклада доказывают, что во втором десятилетии XXI века США стали перед проблемой возможной потери своего военно-технического лидерства, причем не только в ядерной, но и в других военных областях. Поэтому была инициирована массированная разработка новых направлений военных технологий, смысл которых заключается в девальвации взаимного российско-американского ядерного сдерживания, которое в течение последних десятилетий обеспечивало стратегическую стабильность в мире.

На этом фоне характер сдерживания в XXI веке стремительно меняется в пользу реального применения вооруженного насилия в его традиционных и новых формах, а само сдерживание, в американском понимании, превратилось из политики недопущения «большой войны» в механизм контроля за эскалацией применения военной силы и предотвращения использования противником средств и способов, которые были бы не выгодны США. В частности, в ходе силовой эскалации на Украине, начавшейся с осени 2013 года, США проводят политику постепенного контролируемого повышения степени вооруженного противостояния от

уровня гражданского конфликта до уровня гражданской войны, не допуская того, чтобы вмешательство России остановило развитие этого процесса.

Для анализа потенциальных изменений в области стратегии сдерживания авторы Доклада рассматривают такие сценарные сюжеты, как «сохранения «ядерного сдерживания» в Евразии», «развитие стратегического неядерного оружия», а также сценарий, связанный с проблематикой «воздушно-космической обороны как гаранта безопасности и суверенитета государства». Ими успешно обосновывается мысль, о том, что сочетание в рамках ПВО высокоточных неядерных средств поражения и систем противоракетной обороны демонстрирует действенную интеграцию всех средств ведения современной войны, возможность даже для одной небольшой страны создавать эффективный наступательно-оборонительный потенциал.

Объективные процессы развития военных технологий в области средств поражения и обороны во многом демонстрируют стремительное старение установок о классическом ядерном сдерживании

Исходя из вероятного развития событий на этапах до 2020 и 2050 годов, есть все основания полагать, что в рамках российского стратегического прогнозирования и планирования целесообразно учитывать, что ядерное сдерживание превращается в анахронизм, который сможет просуществовать какое-то время, но только если будет продолжена модернизация средств стратегического вооружения и прекратятся их сокращения, а сами вооружения и системы управления будут надежно защищены средствами военно-космической обороны. Кроме того, принимаемые меры должны учитывать и необходимость нейтрализации кибератак, враждебного информационного воздействия и обладать способностью уничтожить стратегические системы противника (стр. 149–150).

Таким образом, обращаясь к материалам Доклада, представители науки, практики и просто заинтересованные читатели последовательно вникают в сложные вопросы мировой политики и становятся участниками профессиональных обсуждений самых

разнообразных сценариев долгосрочного развития военно-политической обстановки, путей преодоления Россией стратегических вызовов глобального и регионального уровня. Интерактивный эффект при знакомстве с работой команды исследователей МГИМО (У) МИД РФ, которой руководил профессор А.И. Подберезкин, подчеркивают такие особенности издания, как наличие значительных объемов иллюстративных материалов, а также обращения к мнению широкого круга авторитетных российских специалистов. Де-факто происходит заполнение большой концептуальной и методической лакуны, без преодоления которой невозможно обеспечить стратегические интересы России.

В целом, в Докладе создана уникальная амальгама аналитических выводов, которые целесообразно соотнести не только с особенностями текущего момента, но и спецификой целеполагания вероятного на различных этапах обозримого будущего.

*К.П. Боришполец
к.полит.н., профессор*

Рецензия на книгу: Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегемы для России – под общ. ред. А.И. Смирнова. М.: ВНИИ геосистем, 2014. – 394 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОТ ГЛОБАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ К ПРАКТИКЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Национальный институт исследования глобальной безопасности продолжает серию публикаций, посвященных актуальным вопросам современной информационной безопасности. Ранее научный коллектив аналитического центра выпустил монографии «Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности», «Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов» и «Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России». Последнее издание, подготовленное под руководством президента Института А.И. Смирнова, получило название

«Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегемы для России».

В коллективной монографии нашли отражение актуальные вопросы международного взаимодействия в информационной сфере и недавние практические примеры информационного противостояния. Книга включает в себя как рассмотрение фундаментальных вопросов мирового развития, так и анализ наиболее острых текущих сюжетов, представляющих приоритетный интерес для российской внешней политики.

Первый раздел публикации посвящен осмыслению наиболее общих особенностей текущей стадии становления техногенной цивилизации. В нем на эмпирическом материале иллюстрируется возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий в функционировании социумов, находит подтверждение тезис об их центральной роли в достижении пятого технологического уклада.

Понятие «технологических укладов» широко используемое в современных социологических исследованиях отражает характер базовых инноваций и изобретений, определяющих уровень развития общественных производительных сил. Их смена нередко приводит к серьезным изменениям в распределении сил на мировой арене и трансформации политического лидерства на международной арене.

В настоящее время наблюдаются признаки формирования шестого технологического уклада на основе нано, биологических, информационных и когнитивных технологий. Соответственно, встает вопрос о том, какая страна первой сможет овладеть набором базовых инноваций в этих областях. От этого, в большой степени, будет зависеть будущее международного порядка.

С учетом происходящих изменений авторы книги обращаются к методикам выявления интегральных показателей силы государств и в том числе в информационной сфере. Учитывая недостатки существующих подходов к такого рода анализу, они вводят понятие «сетевой мощи», которое объединяет компоненты политического, экономического, военного и информационного влияния. В книге эта методология апробируется на анализе положения

четырёх центров силы: США, ЕС, России и КНР. При этом сопоставляется их влияние в ключевых регионах мира с учетом сравнительной значимости последних. Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что Россия демонстрирует устойчивые позиции в политической и информационной сфере. В то же время в экономической и военной области ее влияние ограничивается значительными возможностями других игроков.

Стремление укрепить позиции в информационной сфере нашло отражение в инициативах Москвы по формированию глобального режима обеспечения международной информационной безопасности. В том числе, она неизменно с 1998 года выступает ключевым спонсором принимаемых Генеральной ассамблеей ООН ежегодных резолюций «Достижения в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности».

В книге подробно рассматриваются различия между российским широким подходом к пониманию информационной безопасности и стремлением США и их союзников сузить предмет международных дискуссий исключительно до технологических вопросов. По мнению западных стран, содержательное наполнение современного информационного потока не требует регулирования на международном уровне.

В этой связи авторы монографии включают в нее анализ опыта теоретической и практической разработки понятия сетцентричных войн. Они отмечают, что их научное обоснование получило развитие с конца 1990-х годов как в американских экспертных институтах, так и в оборонном ведомстве США. Успех в сетцентрическом конфликте обеспечивается за счет технологий манипулирования динамическим хаосом. Подобные модели управления общественным мнением разрабатывались в Соединенных Штатах еще в период «холодной войны» и активно применялись против государств социалистического блока.

В качестве недавних примеров проведения сетцентрических операций западными странами рассматриваются «цветные революции» на постсоветском пространстве, а также на Ближнем и Среднем Востоке. Стоит отме-

тить, что альтернативные попытки объяснения социально-политических выступлений в качестве результата накопления общественного недовольства в книге не рассматриваются. В то же время в ней приводится характеристика отдельных американских институтов ведения сетцентричной борьбы, а также дается подробный разбор информационных аспектов конфликтов в Северной Африке, на Ближнем Востоке, а также на Украине.

Возможность проведения активных психологических операций, как и задействования других компонентов национальной мощи определяется доступом к детализированной и достоверной информации о потенциальных объектах целевого воздействия. В этой связи, существенное внимание в книге уделяется разоблачениям бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США Эдварда Сноудена, разведывательной деятельности его недавнего работодателя в Интернете и системе глобальных коммуникаций. В работе реконструкции подвергаются не только возможности Соединенных Штатов в этой области, но и дилеммы, которые встают перед другими государствами в связи с агрессивной работой американских спецслужб. В то время как англосаксонские страны формируют тесный альянс в разведывательно-информационной сфере, а страны развивающегося мира представляют собой преимущественно объекты нелегальной деятельности, в случае ряда европейских стран, в том числе Германии, мы видим примеры совмещения роли партнеров и целей американской политики.

Опыт Соединенных Штатов, а также других государств, активно действующих в информационной сфере, также свидетельствует, что наряду с задачей сбора информации, в современных условиях все большее значение приобретают техники ее обработки. Труд научного коллектива под руководством А.И. Смирнова включает обзор широкого круга методик международно-политического анализа, как традиционных, так и интегрирующих элементы моделирования. В нем также рассматривается возможность использования ситуационно-кризисных центров как площадок для осуществления прикладного анализа в тесной увязке с принятием политических решений.

В дополнение к роли информационной компоненты в конфликтном взаимодействии государств, в книге также рассматриваются инновационные аспекты современной дипломатии, направленной на наращивание «мягкой силы государства». Авторы обращают внимание на то, что сегодня внешнеполитические ведомства все больше полагаются на усложняющуюся информационную инфраструктуру. Причем эта тенденция характеризует не только развитые страны Запада, но и ведущие восходящие державы.

Опубликованная коллективная монография представляет собой многоплановый содержательный анализ, происходящих глобальных трансформаций, связанных со становлением в мировом масштабе информационного общества. При этом ее авторы, очевидно, выражают реалистское, государство-центричное видение современных международных процессов.

С учетом сложившегося ранее преобладания либеральных подходов к оценкам политического значения информационно-коммуникационных технологий, новая публикация представляет важный вклад экспертную дискуссию. Она помогает составить более сбалансированное представление об этой тематике и месте информационной безопасности в современном мире.

*И.А. Истомин
к.полит.н.*

Рецензия на книгу: Россман В. В поисках Четвертого Рима. Российские дебаты о переносе столицы. – НИУ ВШЭ, 2014. – 288 с.

В ПОИСКАХ ЧЕТВЕРТОГО РИМА. РОССИЙСКИЕ ДЕБАТЫ О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЕ

Российская публичная политика содержит два взаимоисключающих нарратива: первый о единстве (вернее, единообразии) политической нации как непреложной ценности, предполагающий нарастающую централизацию власти, и второй о избыточной столичности Москвы. В развитие дискуссии вокруг данных вопросов недавно появилось

очень важное исследование Вадима Россмана «В поисках Четвертого Рима. Российские дебаты о переносе столицы».

Книга является логичным продолжением труда того же автора, вышедшего годом ранее в издательстве Института Гайдара – «Столицы государств: их многообразие, закономерности развития и перемещения». Собранный богатейший теоретический материал первой книги автор переносит для анализа российского кейса. При этом не ограничиваясь только одной из исследовательских парадигм, автор ставит задачу изучения предмета в рамках различных школ – от функционализма до конструктивизма.

Именно данная стратегия определила успех автора. Ключевой проблемой дискуссии о переносе столицы России и шире – о принципах полититико-территориальной организации нашей политики – является тот факт, что она неизменно вращается в рамках одной системы аргументации. Крайними полюсами здесь выступают сухие геометрические или экономические расчеты, с одной стороны, и маниловские проекты поиска национальной идеи в радикальной смене места пребывания органов государственной власти, с другой. При этом успешным решением данной проблемы может быть только комплексный подход, позволяющий осмыслить ее одновременно в идеологической, политической и экономической плоскостях.

В рамках экономико-географического подхода Россман анализирует истоки постоянного воспроизводства сверхцентрализации в России, связывая его с социальной и демографической динамикой развития российского общества. Эти процессы наталкиваются на естественные пределы роста Москвы. Автор проводит сравнения российской столицы с Лондоном, Парижем и Токио по размеру и уровню концентрации населения, демографическим тенденциям и миграциям, концентрации функций, степени раздельности политических и экономических функций, источникам городского бюджета, морфологической структуре и транспортной системе, уровню доходов, характеру внутреннего имиджа и мягкой власти, и наконец, степени глобальности. В результате

сравнения делается вывод о том, что Москва, ориентирующаяся в своем развитии именно на европейские или развитые азиатские образцы, на самом деле больше похожа по своим проблемам на столицы развивающихся стран Азии и Африки.

Политико-территориальная структура России, базирующаяся на принципе федерализма, также противоречит гипертрофированной роли Москвы в пространственной организации страны. Вопреки расхожему мнению, задачей федерализма является не унификация разных регионов, а сохранение их многообразия. Именно асимметрия и децентрализация по опыту других крупных стран становятся локомотивом развития многосоставных обществ. В этой логике столичность Москвы усиливает размежевания между центром и периферией в политико-территориальной структуре России и не позволяет развиваться подлинным институтам демократии и федерализма.

Однако является ли столица лишь местом расположения государственных органов? Нет — образ столицы выступает символом нации и играет ключевую роль в процессах национального строительства. В современной России дебаты о столице — это еще и дебаты о том, кто мы такие. Очень удачным в этой связи представляется заголовок книги: переосмыслить столичность в России, значит переосмыслить Россию, обрести или потерять тот самый Четвертый Рим. Автор делает исторический обзор проектов переноса столицы России, показывая, на какие представления о будущем родины опирались данные идеи. Здесь и споры о геометрическом центре страны и о первоисточке российской государственности, и идеи закрепить европейскую идентичность России за счет переноса столицы на запад или, наоборот, интенция переориентировать ее на восток через перенос столицы в Сибирь или на Дальний Восток. Важным лейтмотивом выступают споры о необходимости макростолицы, концентрирующей, помимо политической, экономические и культурные функции, либо же микростолицы, принципиально разделяющей по американскому образцу бизнес и власть, или даже идея расщепления административных функций между несколь-

кими городами. Решение вопроса о столице без предварительного решения вопроса об образе новой России и ее нации может привести к появлению еще одной мини-Москвы или саботированию данного процесса.

И все же поиск ответа на вопрос, какой должна быть российская столица не может сводиться к размышлениям о том, каким должна стать Россия, он должен, в первую очередь, опираться на изучение того, какой Россия уже является. Это подразумевает детальную деконструкцию системообразующих закономерностей экономической и политической организации нашего общества и идеологием, определяющих сущность представлений российской нации о себе и о ее месте в мире в прошлом, настоящем и будущем. Любая попытка решения данного вопроса через бездумное заимствование чужого опыта или фантазирование без осознания факторов российской среды (включающей как институциональные ограничения, так и субъективные образы) обречена. Именно поэтому дебаты о переносе столицы должны переходить из публичной политической сферы в исследовательскую. Как раз эту задачу позволяет начать реализовывать новая книга Вадима Россмана.

И.Ю. Окунев
к.полит.н., доцент

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы; под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. - Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва: МГИМО-Университет. - 2015. - 624 с.

В научно-исследовательских разделах книги раскрывается методология и практика сравнительного анализа политических систем, политических процессов, политических культур, взаимодействия и борьбы политических сил на Востоке, на основе которых можно оценить степень зрелости гражданского общества и политической системы стран Азии и Африки. В дискуссионном плане анализируется взаимосвязь экономической и политической модернизации, обосновываются пути формирования и перспективы на Востоке моделей демократии разного типа, либеральной и нелиберальной, вводится в инструментарий полити-

ческой науки и обосновывается концепция незападной демократии, раскрывается ее содержание на материале мирового опыта политической модернизации и в системе координат мировых теорий политических трансформаций. Книга ориентирована на обучение по направлениям Политология, Международные отношения, Зарубежное регионоведение, Востоковедение, а также на широкий круг просвещенных читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / Под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева - Издательство «Аспект Пресс», 2015. - 352 с.

В книге представлены работы известных российских исследователей, посвящен-

ные сравнительному анализу процессов модернизации и демократизации в России, Китае, Бразилии, Индии и ЮАР. Сегодня к этим странам привлечено повышенное внимание мирового сообщества: все они являются странами-гигантами, мощными державами, чья доля в мировом экспорте и привлечении иностранных инвестиций неуклонно растет. Кроме того, каждая из стран БРИКС занимает важные геостратегические

позиции в своем регионе, обладая существенным политическим и экономическим влиянием и являясь своеобразным ориентиром для ближайших соседей. Подобный анализ весьма актуален для России как крупнейшего государства на политической карте мира.

Для студентов вузов и специалистов в области политической науки и международных отношений.

ПАРТНЕРЫ ЖУРНАЛА «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

НКИ БРИКС Март 2015

Новости НКИ БРИКС

Российская рабочая группа НКО по вопросам БРИКС и «Группы двадцати» представила национальных координаторов тематических групп Гражданского форума БРИКС от российской стороны

nkibrics.ru, 28.02.2015

Российская рабочая группа НКО по вопросам БРИКС и «Группы двадцати» представила национальных координаторов тематических групп Гражданского форума БРИКС от российской стороны.

25 февраля состоялось очередное заседание Научного совета НКИ БРИКС

nkibrics.ru, 26.02.2015

25 февраля состоялось очередное заседание Научного совета Национального комитета по исследованию БРИКС, в ходе которого эксперты обсудили возможные рекомендации для стран пятерки в преддверии саммита БРИКС.

Новости БРИКС

Новый банк развития в рамках БРИКС заработает через четыре-пять лет

finmarket.ru, 24.02.2015

Национальный комитет по исследованию БРИКС

Председатель Правления В.А. Никонов

Председатель Президиума Научного Совета, академик РАН М.Л. Титаренко

Заместитель Председателя Президиума Научного Совета, член-корреспондент РАН В.М. Давыдов

17218, г. Москва, ул. Кржижановского, 13, корп. 2.

Тел.: +7(495)9815405; nkibrics.ru/pages/bulletins

E-mail: info@nkibrics.ru; bulletin@nkibrics.ru

Новый банк развития (НБР), который создается в рамках БРИКС, заработает не ранее, чем через четыре-пять лет, заявил замглавы Минфина Сергей Сторчак на заседании комитета по международным делам Совета Федерации.

WorldSkills BRICS обсудили в Бразилии

tpp-inform.ru, 18.02.2015

Агентство стратегических инициатив (АСИ) выступило с предложением создать в рамках делового совета БРИКС новую рабочую группу по поддержке инвестиций и устранению административных барьеров, а также объединить усилия стран-участниц БРИКС в развитии передовых производственных технологий и реализации проектов подготовки кадров для высокотехнологичных отраслей.

Бразилии необходимо срочно ратифицировать соглашение о создании Банка развития БРИКС

portaldaindustria.com.br, 10.02.2015

В столице Бразилии в период с 10 по 12 февраля 2015 года прошло заседание Делового совета стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), в котором приняли участие по пять представителей от каждой страны-участницы.

Российские IT-компании покоряют Индию
TACC, 20.02.2015

Двенадцать резидентов кластера информационных технологий фонда «Сколково» приняли участие в крупнейшей региональной IT-конференции IndiaSoft в Нью-Дели.

Совет Федерации ратифицировал соглашение о создании странами БРИКС Нового банка развития

Интерфакс, 25.02.2015

Совет Федерации на заседании в среду ратифицировал соглашение о создании Нового банка развития (НБР) странами БРИКС.

Алексей Пушков: БРИКС набирает обороты

РИА Новости, 26.02.2014

26–27 февраля 2015 г. – двухдневный визит в Индию спикера Государственной Думы Сергея Нарышкина и председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Алексея Пушкова. В программе – встречи с президентом Индии Пранабом Мукерджи и переговоры со спикером Народной палаты Парламента Индии Сумитрой Махаджан.

Китайский представитель призвал к практическому выполнению достигнутых соглашений по украинскому кризису
Центральное телевидение Китая, 17.02.2015

Постоянный представитель КНР при ООН Лю Цзеи выразил надежду, что все вовлеченные в украинскую проблему стороны практически выполняют уже достигнутые соглашения ради скорейшего достижения всестороннего, сбалансированного и долгосрочного плана политического урегулирования. Лю Цзеи также отметил, что китайская сторона приветствует и положительно оценивает договоренности, которые были достигнуты лидерами России, Франции, Германии и Украины на встрече в Минске.

Индия срочно принимает меры против «китайской угрозы»

ИА ФАН, 19.02.2015

Власти Индии обнародовали план по строительству новейших военных кораблей. Общая стоимость проекта составит около 8 миллиардов долларов. О новом проекте было объявлено спустя лишь несколько месяцев после заказа за рубежом новых подлодок, которые смогут соперничать с военной мощью Китая в Индийском океане.

Посол ЕС в Нью-Дели потребовал от Индии поддержать антироссийские санкции

Постсовет.RU, 20.02.2015

Посол Евросоюза в Индии Жоао Кравиньо обратился к Нью-Дели с предложением осудить «действия России на Украине» и повлиять на Москву, поддержав санкции.

Китай поможет Украине уменьшить зависимость от российского газа

OnPress.info, 22.02.2015

Министр энергетики и угольной промышленности Украины Владимир Демчишин заявил, что Китай предоставит Украине кредит в размере \$3.6 млрд., для воплощения в жизнь ряда проектов, которые позволят минимизировать зависимость Украины от российского газа.

ЦБ Индии и России начали готовиться к отказу от доллара

Saminvestor.ru, 19.02.2015

На этой неделе Центробанк РФ сообщил, что 16–17 февраля 2015 года в Москве состоялось второе заседание совместной российско-индийской рабочей группы по стимулированию расчетов в национальных валютах. В заседании приняли участие представители российского ЦБ, Резервного банка Индии, №55, февраль Министерства экономического развития РФ, госкорпорации «Банк развития внешнеэкономической деятельности» (ВЭБ), Export-Import Bank of India (Exim Bank), российских банков и посольства Индии в Москве.

Эксперты: Индия за семь лет может экспортировать вооружения на сумму до \$17 млрд.

TACC, 25.02.2015

Согласно прогнозу консалтинговой группы Centrum Group экспорт Индией вооружений в другие страны может достигнуть к 2022 году \$17 млрд. По мнению экспертов, за семь лет Индия сможет самостоятельно произвести вооружения на общую сумму \$41 млрд. по сравнению с \$6 млрд в настоящий момент. До 60% произведенной продукции военного назначения будут предназначаться для удовлетворения собственных потребностей, а 40% – идти на экспорт. Группа также прогнозирует затраты Индии на оборону в течение 7 лет в \$620 млрд.

Новые публикации, наука, аналитика

Украинский кризис указывает на начало новой смутной эпохи в мировой политике

inosmi.ru, 16.02.2015

Дмитрий Тренин

В своей статье Д. Тренин анализирует последствия украинского кризиса для европейской системы международных отношений и для мира в целом. Он полагает, что минские договоренности не смогут стать надежным фундаментом мира на Украине, в лучшем случае конфликт будет заморожен ради прекращения кровопролития: «В обозримом будущем на европейском континенте не будет общей системы безопасности, общих норм и единых для всех правил поведения. Мировой беспорядок только что добрался до еще совсем недавно самой стабильной и умело регулируемой части планеты – до Европы».

Долгая трудная борьба на Украине

Financial Times, 24.02.2015

Тимоти Эш (Timothy Ash)

В своей статье, посвященной анатомии украинского конфликта, автор высказывает довольно нетипичную для аналитиков идею – по сути, Украина гораздо больше нужна России, чем Западу, хотя и Россия стремится ограничить свою вовлеченность в конфликт. Стратегические интересы России в конфликте автор определяет следующим образом: «Нет Майдану, нет расширению НАТО, нет вступлению Украины в ЕС, возвращение Украины в геополитическую и стратегическую сферу влияния России». Для их реализации Россия

применяет как военные, так и экономические методы, давая понять Западу, что в отсутствие нормальных отношений с Россией украинская экономика функционировать не может.

Возвышение Владимира Путина

Foreign Affairs, март-апрель 2015

Стивен Коткин (Stephen Kotkin)

Американский историк и исследователь биографии И.В. Сталина, профессор Коткин, рассматривая ситуацию на Украине, утверждает, что одним давлением на Россию и возможными поставками вооружений Киеву этот конфликт разрешить невозможно. По его мнению, Западу необходимо в корне пересмотреть некоторые свои позиции, в первую очередь перестать цепляться за миропорядок, сложившийся после распада СССР и окончания холодной войны: «Нельзя считать незыблемым и неприкосновенным каждый элемент международной системы, сложившейся в 1989-1990 после окончания холодной войны. Эта система возникла в аномальных условиях, когда Россия лежала в руинах. Но это не могло продолжаться вечно, и когда Россия преодолела разруху, следовало ожидать, что она будет пытаться вернуть свои позиции в мире».

Зачем России БРИКС?

Россия в глобальной политике, 19.02.2015

Георгий Толорая

БРИКС – проект во многом пока элитарный, основанный на политической воле. Однако его не надо ни упрощать, ни представлять как «антизападный». БРИКС вызрел как инструмент, призванный не противостоять, а содействовать более справедливой расстановке сил в мире, учитывающей интересы всех стран, так как на протяжении второй половины XX века в политике и экономике наблюдался явный крен на Запад.

Mailing Address:
PO Box147, Moscow, 119019
Phone.: +7(495)9871915
Fax: +(496)9871914
E-mail: pirpress@pircenter.org

Адрес для писем:
а/я 147, Москва, 119019
Тел.: +7(495)9871915
Факс: +(496)9871914
Internet: <http://www.pircenter.org>

МОСКВА, 12 МАЯ, 2015. ПИР ПРЕСС – «Общее понимание того, что правила поведения государств в киберпространстве нужны, в целом уже есть. Однако, как только начинается разговор о том, какими эти правила должны быть и на каком уровне они должны приниматься, начинаются разногласия», – сообщила Александра Куликова, координатор программы ПИР-Центра «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность», в комментарии газете *Коммерсантъ* по итогам Глобальной конференции по киберпространству в Гааге, GCCS 2015.

30 апреля 2015 г. подписчики получили свежий номер электронного журнала ПИР-Центра Пульс Кибермира №2 (14) март-апрель 2015 г.

Главной темой свежего номера стали результаты Глобальной конференции по киберпространству (Global Conference on Cyberspace, GCCS 2015), которая состоялась 16–17 апреля в Гааге, Нидерланды, на фоне продолжающейся гонки кибервооружений в мире.

Александра Куликова, координатор программы «ПИР-Центра» «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность», поделилась своими впечатлениями от конференции в комментарии газете *Коммерсантъ*, а также в блоге «ПИР-центра». «Общее понимание того, что правила поведения государств в киберпространстве нужны, в целом уже есть. Однако, как только начинается разговор о том, какими эти правила должны быть и на каком уровне они должны приниматься, начинаются разногласия», – отмечает она. Это происходит, в частности, из-за того, что достаточного продвижения вновь не получили ключевые понятия и правовые термины в области кибербезопасности, нюансы применения международного права (например, международного гуманитарного права) к киберпространству по-прежнему являются камнем преткновения и предметом непрекращающихся дебатов, а принципы ответственного поведения государств с целью предотвращения конфликтов в киберпространстве все так же остаются в неопределенной «серой зоне».

Андрей Ярных, руководитель GR и стратегических проектов Kaspersky Lab Russia, поделился с Пульсом Кибермира своим видением трех основных проблем, отсутствие решения по которым создает значительные риски для безопасности сети Интернет: это надгосударственный статус сети Интернет, запрет на кибероружие и сотрудничество в расследовании трансграничных киберпреступлений.

Специально для Пульса Кибермира **Алексей Лукацкий**, консультант по безопасности бизнеса Cisco Systems, подготовил экспертную аналитическую статью по вопросам *определения источника кибератак*. Проблема атрибуции в последнее время получает большое внимание специалистов как неотъемлемый элемент и условие применения норм международного права к киберпространству, необходимый для выстраивания оборонительной стратегии.

Пульс Кибермира также делится с читателями итогами и впечатлениями от **Шестого Российского форума по управлению интернетом (RIGF)**, состоявшегося 7 апреля в Москве. В форуме приняли участие эксперты «ПИР-Центра»: **Олег Демидов**, консультант «ПИР-Центра», выступил в рамках сессии по сотрудничеству стран БРИКС в области глобального управления интернетом. Презентация Олега и остальных участников панели доступны на сайте. **Александра Куликова**, координатор программы «ПИР-Центра» ГУИ и МИБ, выступила на круглом столе «Локализация персональных данных: что ждет глобальный Интернет в перспективе?», организованном российским отделением Общества Интернета (Internet Society) на полях RIGF.

В свежем выпуске мы рассказываем о научно-практическом семинаре «*Глобальное управление интернетом: основные проблемы и задачи в 2015 году*», организованном 18 марта Центром глобальных проблем и международных организаций Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, и прилагаем тезисы и презентации спикеров. К дискуссии были приглашены представители различных экспертных кругов, включая государственные ведомства, бизнес, общественные организации и образовательные учреждения. В ходе семинара также был представлен проект готовящегося к выпуску обзорно-аналитического доклада «*Глобальное управление интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: ключевые вызовы для мирового сообщества*», подготовленный консультантом ПИР-Центра Олегом Демидовым при участии сотрудников Центра глобальных проблем и международных организаций ИАМП ДА МИД РФ.

Свежий номер бюллетеня доступен на сайте ПИР-Центра.

Чтобы **бесплатно** подписаться на Пульс Кибермира **достаточно зарегистрироваться на сайте** (<http://subscribe.pircenter.org>).

По вопросам, связанным с электронным журналом «Пульс Кибермира», Вы можете обращаться к координатору программы ПИР-Центра «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность» **Александре Куликовой** тел.: +7(495)9871915 E-mail: kulikova@pircenter.org

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте (предпочтительно) или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья – 20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами,
- обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц,
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала
- размер шрифта основного текста 14
- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см.

Для рассмотрения редакции просьба направлять два файла статьи – один, содержащий информацию об авторе (см. структуру статьи), один – без идентификации автора. Все материалы направляются на анонимное рецензирование, поэтому любая идентификация автора в тексте или ссылках должна быть убрана в одном из файлов.

При оформлении статьи просим авторов проверять их на соответствие следующей структуре:

1. Заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).

2. Инициалы и фамилия автора(ов).

3. Название учреждения, где работает автор и адрес, включая почтовый индекс.

4. Резюме статьи на русском языке (200-250 слов).

5. Ключевые слова (10-12 слов на русском языке).

6. Основной текст.

7. Список литературы (составленный по алфавиту и пронумерованный).

8. Об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, научная специализация, e-mail).

9. Заглавие статьи на английском языке прописными буквами.

10. Инициалы, фамилия (английская транскрипция).

11. Название учреждения, где работает автор и адрес на английском языке, включая почтовый индекс.

12. Abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов).

13. Key words (ключевые слова на английском языке).

14. References (список должен соответствовать пронумерованному списку литературы, но названия книг и статей на русском языке транслитерируются латинскими буквами и переводятся на английский язык. Иностранные источники на латинице оставляются без изменения).

15. About author (об авторе на английском языке).

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках [] порядкового номера упоминаемого произведения из «Списка литературы» и, в случае цитаты, номера страницы цитируемого произведения, через запятую после порядкового номера [3, с. 5].

«Список литературы» оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82. Второй список, «References», оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в систему «Scopus». Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Требования к оформлению «References»: названия статей, монографий и журналов на русском языке должны быть транслитерированы латиницей и переведены на английский язык. Например: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995)/ А.Д. Богатуров. М.: Конверт-МОНФ, 1997 (описание в «Списке литературы» согласно ГОСТУ) в References описывается как Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voyny (1945-1995) [Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945-1995)]. Moscow: Konvert-MONF, 1997). Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). При ссылке на переводную литературу в References следует указывать оригинальное издание.

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

Статьи необходимо направлять на e-mail: [sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru) или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.